

Михаил Прудников

ДОМИК В ЛЕСУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Михаил Прудников

ДОМИК В ЛЕСУ

*Записки
партизанского командира*

Москва «Детская литература» 1978

P2
П85

Рисунки А. Лозенко

Прудников М. С.

П85 Домик в лесу. Записки партизанского командира. Рис. А.
Лозенко. М., «Дет. лит.», 1978.

159 с. с ил.

Записки партизана о жизни детского дома в оккупации, о борьбе
белорусских партизан с фашистами.

П 70803—081 267 7g M101
(03)78

P2

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Эту книгу написал человек, за чью голову гитлеровцы назначали сотни тысяч марок.

Герой Советского Союза, генерал-майор Михаил Сидорович Прудников рассказывает: когда его с товарищами послали в тыл к немецко-фашистским оккупантам, он получил псевдоним «Неуловимый». Под этим псевдонимом он регулярно выходил на связь с Москвой. Спецотряд, которым он командовал, насчитывал вначале двадцать девять человек. За короткий срок отряд разросся до размеров бригады. В ней было уже шестнадцать отрядов, более трех тысяч человек. Гитлеровцы снаряжали новые и новые карательные экспедиции, но захватить находившихся в лесах партизан никак не удавалось. Фашисты стали называть партизанскую бригаду «Неуловимыми», не зная, что тем самым рассекретили псевдоним ее командира.

Когда бригада оказывалась в наиболее сложных условиях, командир держал особо важные документы постоянно при себе, носил их в сумке, которая была заминирована...

Однажды М. С. Прудникова спросили, какими качествами, по его мнению, должен обладать разведчик. Он ответил, что не откроет ничего нового, перечислив комплекс требований, в том числе и волевых качеств. И добавил: «Пожалуй, разведчик должен уметь все, что приходится делать в жизни людям, разве только... чуточку лучше».

Где, в какой школе, в каких университетах, в каких академиях постиг он эту «чуточку», как овладел ее тайной?

Начальная школа: мальчик из бедняцкой крестьянской семьи, рано оставшийся без отца, в родном сибирском селе Новопокровке батрачит. С детства, раннего детства (он родился в 1913 году), узнает, как говорится, почем фунт лиха. Школа средняя и университет: шестнадцатилетний юноша вступает в комсомол; он — активный строитель первого в тех местах колхоза; вскоре — секретарь комсомольской ячейки, затем комсомол командирует его на ликвидацию прорыва на водном транспорте, он служит матросом на буксире «Новосибирск», плавает по Оби, Иртышу, Томи. Академия: в 1931 году добровольцем вступает в ряды воинов-пограничников. Курсант, командир отделения, ликвидация банды в песках Каракумов, служба на пограничной заставе, учеба в Харьковском пограничном училище, курсовой командир, за отличные

успехи оставленный при училище. Боевая подготовка и закалка.

На историческом параде на Красной площади 7 ноября 1941 года М. С. Прудников командовал специальным батальоном. Вскоре же после парада батальон направился на фронт.

И по прошествии недолгого времени начался легендарный путь «Неуловимых», отмеченный множеством славных подвигов. Путь партизан...

«Мне бывает обидно слушать — говорит Михаил Сидорович, — когда порой со словом «партизан» связывается представление о чем-то анархическом, стихийном, необузданном, о некоей лихой вольнице. Ничего этого не было. Были строжайший порядок и строжайшая требовательность к себе и друг к другу. Партизанский характер — это характер волевой, целеустремленный и дисциплинированный».

Михаил Сидорович очень откровенен, когда делится своими раздумьями, и, с другой стороны, очень сдержан, когда говорит о себе. Он крайне, предельно сдержан в оценке собственных действий, когда приходится давать интервью. Поэтому особенно примечательно признание, вырвавшееся в конце одной из таких бесед, опубликованной в родной ему газете кузбасских комсомольцев: «Откровенно говоря, во время войны мы думали, что противник знает о нас очень мало, сейчас, изучая документы, видим, что знал противник много, только вот все равно поделаться с нами ничего не мог».

Сколько опыта, ума, находчивости, мужества требовалось от воинов, сражавшихся во вражеском тылу! Сколько осознанной ненависти к врагу и сколько любви к человеку!..

Предлагаю вам, дорогие читатели, такую психологическую игру. Когда появятся имена Майского, а значительно позже — Селюка, не спешите переворачивать страницы, попытайтесь поставить себя на место партизанского командира и прийти к верному решению сложнейшей проблемы. Уверен, что многие из вас после этого с восхищением всмотрятся в то решение, которое было найдено в жизни.

Какие сложные задачи выдвигала перед партизанами и подпольщиками военная действительность! Ряд захватывающих эпизодов, страниц подлинной истории борьбы нашего народа в годы тяжелейшей из войн пройдет перед вами на страницах книги, которую вы раскрыли. Хотелось бы, чтобы вам запали в память и сердце образы мужественного Хаджи-Батыра Алихановича Бодоева, смелого Николая Грибкова, колоритный характер Ивана Верхогляда, подвиги Лили Костецкой и Анны Смирновой, Тани Мариненко, самоотверженная преданность тети Маруси своим питомцам. И, наконец, живые портреты ваших сверстников — смышленного, отважного Жени, горячего Орлика.

По достоинству имя М. С. Прудникова называют в ряду имен других воинов, Героев Советского Союза, командиров тех оперативных групп и соединений, что были созданы в первые дни войны. По достоинству его книги отмечаются печатью (газеты «Правда», «Красная звезда» и др.).

Читатели любят его книги. Дома у Михаила Сидоровича просторная полка отведена под читательские письма.

Книга «Домик в лесу», как и другие книги М. С. Прудникова («Неуловимые», «Неуловимые действуют», «Разведчики «Неуловимых», «Особое задание», «Операция «Феникс»»), интересна еще и тем, что автор пишет о событиях, которые происходили в действительно!! жизни, о людях и делах не вымышленных. Он стремится к наибольшей точности своих записей, чтобы зафиксировать то, чему был участником и свидетелем, воспроизвести это во всей достоверности, сохранить для людской памяти. Для памяти, для воспитания беззаветной преданности Советской Родине.

Глава первая

1

Я еще раз перечитал доставленную связистом записку... Да, это не ошибка. Мост через реку Свольну действительно не взорван, и по нему фашисты по-прежнему гонят к фронту эшелон за эшелонами — людей, танки, пушки, боеприпасы.

Через несколько минут в штабной землянке собрались руководители нашей партизанской бригады «Неуловимые» — комиссар Борис Львович Глезин, начальник штаба Алексей Николаевич Кривский, начальник разведки Павел Алексеевич Корабельников. Надо было вместе обсудить создавшееся положение, выяснить, почему сорвано такое ответственное задание, посоветоваться, как лучше и скорее его выполнить.

— Должен сообщить вам, товарищи, невеселые вести, — начал я.

— Каратели собираются еще раз уничтожить давно уничтоженных «Неуловимых»? — иронически улыбнулся комиссар.

— Хуже, Борис Львович. Все вы знаете, что семнадцатого в девять ноль-ноль подрывная группа из отряда Комлева должна была взорвать мост через Свольну.

— То есть как должна была? — взволнованно спросил начальник разведки, — Разве что-нибудь случилось?

— В том-то и дело. Читай, Павел Алексеевич, — и передал ему

полученную записку.

— М-да, — многозначительно протянул Корабельников, прочитав записку и передавая ее комиссару. — Загадочная история! Всё ведь рассчитали точно по секундам, — размышлял он вслух, — Операция была разработана до мельчайших подробностей. Мы учли как будто все возможные помехи, непредвиденные обстоятельства, и вдруг... — Он недоуменно пожал плечами, задумался, а потом, как бы про себя, сказал: — Обычно такие операции проводятся по ночам, а эту решили провести утром...

— Может быть, в этом и была твоя ошибка? — спросил комиссар.

— Н-не думаю, — не совсем уверенно ответил начальник разведки. — Никакой ошибки мы как будто не совершили. Вообще-то говоря, ночь — самое подходящее время для подобных операций. Но нет правила без исключения. А в данном случае исключения подсказала сама жизнь.

— А что именно она подсказала? — допытывался комиссар.

— Ну как же, — объяснил Корабельников. — Гитлеровцы уже успели изучить нашу тактику и по своему горькому опыту знают, что самые крупные неприятности мы доставляем им главным образом по ночам. Поэтому охрану моста ночью они не доверяют не только полицаям, но и своим рядовым частям. Ночью этот мост, имеющий для оккупантов особое значение, охраняют усиленные отряды полевой жандармерии, а это, как вы знаете, самые надежные стражи, кроме того, по ночам мост освещается прожекторами и подойти к нему, чтобы заложить мину, очень трудно и далеко не безопасно. Днем же здесь дежурят обыкновенные патрульные из железнодорожного батальона и полицай. А в полиции, как вам известно, работает наш разведчик и подрывник Майский. Он занимает пост на определенном участке моста. К его дежурству мы и приурочили проведение операции. Мина замедленного действия с часовым механизмом должна была взорваться точно в девять ноль-ноль. И вот вдруг эта записка... Ничего не понимаю.

— Между прочим, кто он такой — этот Майский? — скептически спросил начальник штаба Алексей Николаевич Кривский. — Ты его хорошо знал лично, Павел Алексеевич?

— Все мы его как будто неплохо знали, — ответил Корабельников. — И ты, Алексей Николаевич, тоже был вместе с нами, когда дежурный по лагерю привел в штабную землянку лыжника, который невесть какими судьбами очутился в наших краях, помнишь?

— Это-то я помню, — согласно кивнул начальник штаба. — Но наши мнения об этом парне как будто не были такими уж единодушными. Может, его желание послужить нам в полиции — своеобразный маневр, чтобы ввести нас в заблуждение, — кто знает!..

— А что — и это вполне возможно, — сказал комиссар. — Откровенно говоря, я никогда почему-то не питал к Майскому особого доверия. Он часто вызывал во мне какие-то тревожные эмоции.

— Однако, Борис Львович, ты согласился, что это человек стоящий и можно верить в его искренность, — напомнил я.

— Да, но... — неопределенно пожал плечами комиссар...

И мне вспомнился день, когда у нас, в партизанском лагере, появился молодой человек, отрекомендовавшийся Иваном Майским.

2

Было это в первую военную зиму, вскоре после того как мы, двадцать девять чекистов, перешли линию фронта в тыл врага для борьбы с оккупантами.

Окутанные снегом сосны и ели, качаясь от ветра, как бы приветствовали людей, очутившихся в лесной чаще. Здесь мы должны были найти пристанище, закрепиться и начать боевые действия.

В небольшой котловине, окруженной со всех сторон высокими соснами, раскинул свой лагерь наш маленький отряд. Мне, его командиру, перед отправкой в тыл присвоили псевдоним «Неуловимый».

Тишину нарушили стук топоров, треск сучьев. Архитектура нашего первого поселения в глухой чаще не отличалась особой красотой и комфортом. Наши жилища походили на стога сена. Партизаны называли их чумами. Они были построены в форме остроконечных колачков из поставленных вертикально под углом жердей, покрытых еловыми ветками. В крыше чума — отверстие для дыма от разжигавшихся внутри костров. Спали всё на тех же еловых ветках, покрытых плащ-палатками, и укрывались тулупом, шинелью, ватником — у кого что было. Вся «мебель» состояла из самодельного стола.

Однажды утром по лагерю прокатилась команда дежурного Константинова:

— В ружье!

Весь отряд мгновенно высыпал из чумов и занял боевой порядок.

— Что случилось?

— С северо-востока идет какой-то лыжник.

— Может, кто-нибудь из наших разведчиков?

— Никак нет, товарищ командир. Чужой. Своих знаю по походке. Да и все они в белом, а этот вроде в гражданском, под мужичка.

Охрана задержала неизвестного и привела его в лагерь.

Это был молодой человек лет двадцати двух. Подшитые валенки, овчинный полушубок, вязаные рукавицы из грубой шерсти; одна лыжная палка сломана и перевязана бечевкой. Синяки под усталыми глазами, впалые щеки, бледные губы — по всему видно, что парень этот не один день скитается по глухой стороне.

— Кто вы? Что привело вас к нам?

— Я учитель Иван Майский. Двадцатого года рождения. Слышал о появлении в районе партизан и пошел вас искать.

— Зачем?

— Хочу вместе с вами вести борьбу с оккупантами.

Обычный неубедительный ответ. А что еще может сказать человек, попавший в партизанский отряд? Где-то в глубине сознания мелькнула мысль: может, парень говорит правду. Но тут же возникла

другая мысль, такая же бездоказательная, как и первая: скорее всего, это вражеский лазутчик. Он пришел сюда, несомненно, по заданию гитлеровцев. Быть может, через час-два за ним нагрянут фашисты. Что делать с этим самым Майским? Впрочем, может, он совсем и не Майский, а Петров или Осетров — документов у него никаких нет. Арестовать? А если он договорился с гитлеровцами, что, в случае задержки, те пойдут по его следам? Отпустить? Еще хуже. Он был в лагере, знает его географию. Вероятнее всего, он затем и пришел сюда, чтобы выяснить наши координаты, численность, вооружение и передать все эти сведения врагу.

В общем, предстояло решить задачу с очень многими неизвестными. А решать ее необычайно трудно. Куда легче было взорвать мост возле станции Опухлики — первая диверсия нашего отряда после перехода линии фронта.

А что, если создать у Майского впечатление, что в тылу врага мы потерпели полное крушение, вынуждены вернуться обратно на свою территорию, а самим уйти в другой район? Ну, допустим, а куда же девать самого возмутителя спокойствия? Отпустить на все четыре стороны? Но где гарантия, что он не проследит нас и не сообщит оккупантам, куда мы ушли? Нет-нет, все это не годится, все это не то... Есть, конечно, еще один выход: поступить с ним так, как обычно поступают, когда в руки попадает заклятый враг, но...

Мы поместили его временно в чум под наблюдение нашего боевого разведчика, снайпера и подрывника Хаджи-Батыра Бодоева. Потом еще не раз встречались и беседовали с ним.

Я смотрю в его глаза, и мне кажется, что такие глаза — голубые, ясные — не могут лгать. За два дня пребывания в лагере он отдохнул, посвежел. Может быть, он и в самом деле говорит правду — это ведь тоже возможно. Он отвечает на все вопросы удивительно просто, спокойно — ни тени смущения или заминки. Но все это лирика, игра чувств, размышлений... А где доказательства?... И снова сомнения, подозрения...

Майский сказал, что он круглый сирота, воспитывался в детском доме и нет у него на всем белом свете ни одного родственника, ни одного близкого человека. Обычно так говорят люди, чтобы затруднить проверку, замести следы...

Вот так мы сидели в штабной землянке — комиссар Глезин, начальник разведки Корабельников, начальник штаба Кривский и я, — думали, советовались, как быть, что делать с этим молодым человеком, нарушившим наши планы, распорядок всей нашей и без того сложной и трудной жизни.

— Я вижу, что вы мне все-таки не верите, — сказал он однажды во время разговора. — Я понимаю. В такое время трудно верить чужим людям. Ну чем я могу доказать, что пришел к вам по призыву своего сердца?

Он задумался, как бы соображая, что еще может привести в доказательство своей искренности. Потом поднял голову, растерянно развел руками и со вздохом закончил:

— Вы можете сделать со мной все, что угодно, но уйти от вас по своей

воле я не могу.

Поверить? Несколько дней общения, бесед давали известное право сделать вывод, что перед нами хороший, честный человек. Мы решили принять его в отряд.

Подготовку новичка для боевых действий поручили Бодоеву. Ему же поручили присматривать за ним. Мало ли какие могут быть случайности в такое суровое время!

— Буду бороться с гитлеровскими захватчиками не щадя сил, а если потребуется, не пожалею и жизни, — сказал он торжественно и строго, когда мы объявили ему паше решение...

Эти слова его клятвы вспомнились невольно, когда мы получили тревожную весть о том, что именно во время дежурства Майского мост через Свольну остался невредим и операция провалилась.

— Предатель, — заметил комиссар Глезин, — видно, Павел Алексеевич поторопился внедрять его в полицию.

— Не так категорично, — поспешил я несколько охладить, как мне показалось, слишком уж безапелляционное суждение комиссара.

И напомнил о блестящих действиях Майского на «железке». Три эшелона с живой силой, целый состав с самоходными пушками, маршрут с горючим... Предатель? Вряд ли. Он ведь давно мог нас предать. В фашистской полиции служит уже не один день, почему же он споткнулся именно на этом мосту? Мне кажется, что тут что-то не так.

— А ты уверен, что он сейчас не сидит в гитлеровской комендатуре, не пьет чай с вареньем и бубликами с маком и не рассказывает фашистам о том, где и как мы с тобой живем, что делаем? Ведь может быть, что в эти самые минуты, когда мы здесь разводим дискуссии на гамлетовские темы — быть или не быть? — полевая жандармерия снаряжает свои «оппели», чтобы окружить нас, — не унимался в своих сомнениях комиссар.

Тревожные часы переживал партизанский штаб. Никто из нас не был до конца убежден в истинности своих суждений. А что же все-таки с Майским? Ведь именно он стоял на часах в то утро, когда наши подрывники должны были поднять Свольненский мост на воздух.

В разгар дискуссии в дверях землянки показался радист Володя Пиняев.

— Разрешите, товарищ комбриг.

— Срочное дело?

— Очень.

Радист подал радиограмму из Москвы.

— Ну что там? — нетерпеливо спросили товарищи.

— Пас спрашивают, почему не выполнено задание по взрыву моста через Свольну, — сказал я, с волнением перечитывая радиограмму.

— Понятно, — многозначительно кивнул комиссар.

— Ну что же, ответим так: «Обстоятельства выясняются. Принимаются меры к срочному выполнению задания». А что касается Майского, то стоило бы, вероятно, пригласить его к нам вместе с командиром отряда Комлевым для подробных объяснений. Если,

разумеется, наш комиссар Борис Львович Глезин окажется плохим пророком и наш полицей не пьет с фашистами чай. Очень хочется верить, что из нашего хорошего комиссара получился явно плохой пророк.

А что же все-таки случилось на мосту?..

3

Группа разведчиков-подрывников отряда Комлева — могучий гигант осетин Бодоев, худошавый белорус Макаенок и широколицый, всегда улыбающийся украинец Демченко заняли исходную позицию у моста в начале восьмого, сразу же после смены караула. В семь ноль-ноль усиленный отряд полевой жандармерии ушел на отдых, и его сменили солдаты железнодорожного батальона и полицей. Занял свой пост на участке моста, примыкавшего к покрытому густым кустарником оврагу, и полицей Иван Майский.

— «Пора», — сказал Бодоев, старший группы, своим спутникам, посмотрев на часы. — Смотрите, ребята, поаккуратнее. Время взрыва я поставил на девять ноль-ноль, проверьте еще раз.

— Все проверено, Хаджи-Батыр, — шепотом откликнулся Демченко. — Пошли, Аркаша, — кивнул он Макаенку.

Бойцы осторожно выбрались из оврага, поползли вверх на насыпь, подобрались к фермам моста на участке, охраняемом Майским, поставили мину и, так же бесшумно, вернулись к Бодоеву в его укрытие.

Наступили тяжелые минуты ожидания. Эти минуты всегда очень длинные, волнующие — вот уж поистине где минуты кажутся часами, — каждый удар пульса гулко отдается в ушах.

Майский с виду спокойно рассказывает по отведенному ему участку моста, то и дело поглядывая на ручные часы. Скрытые в густых зарослях оврага Бодоев, Демченко и Макаенок тоже напряженно следят за минутной стрелкой.

Время бежит неумолимо. Осталось совсем немного. Уже половина, тридцать пять минут девятого, — пора бы Майскому разыграть перед начальником караула приступ нестерпимой боли в животе, скатиться по насыпи в овраг, где залегли наши подрывники. Но он как будто ничего не знает о грозящей ему смертельной опасности, продолжает вышагивать по мосту, только все чаще и чаще смотрит на часы, с беспокойством всматриваясь в даль, видно, нервничает, вытирает рукавом лоб. А потом снова и снова пристально смотрит вдаль, будто видит там какую-то поразившую его необыкновенную картину.

Что привлекло его внимание? Почему он не покидает своего поста, как было условлено? Не ровен час, мина взорвется чуть раньше намеченного срока (иногда случается и такое!), и тогда прощай, Ваня, прощай, «фашистский полицей», который так преданно и бесстрашно служил святому делу партизан.

Ровно двадцать минут до взрыва. Как рассказывал потом Бодоев, хотелось крикнуть: «Уходи, Иван, да поскорее! Тебе что, жизнь надоела?»

Но кричать нельзя. Услышат гитлеровцы, стоящие на постах в других секторах моста.

А Майский все смотрит и смотрит вдаль. Что видит он там, впереди? Бодоев, Демченко и Макаенок сидят в кустах, в овраге, им не видно, что делается на мосту и за мостом, и они не могут понять, почему Майский с таким упорством не покидает свой пост, когда его жизнь каждую минуту может оборваться.

Но он и не собирается уходить. Может, у него остановились часы? Нет, он почти каждую минуту все тревожнее и тревожнее смотрит на руку и все пристальнее всматривается в противоположный берег реки.

— Ваня совсем сдурел. Глянь, Хаджи-Батыр, яки коники выкидывает. Вроде руками машет, кивает головой. Так зараз же его вместе с мостом подымет в воздух. Не иначе, свихнулся малый! — подытожил Демченко свои размышления.

— Снимай мину! — приказал Бодоев.

Демченко и Макаенок ползком выбрались из оврага к мосту и, едва дыша, дрожащими руками выдернули шнур.

Майский спасен. Майский-то спасен, но операция оказалась сорванной. В чем же дело? Почему Майский не ушел в заранее условленный час?

Об этом мы узнали лишь через три дня, когда он вместе с Комлевым прибыл к нам в штаб бригады.

— Вот какая создалась обстановка, — объяснил Майский, — Смотрю на часы — вот-вот произойдет взрыв, а уйти с поста не могу: к мосту приближался целый обоз с детьми. Взорвать детей вместе с мостом? Ну как это можно допустить? Вот и решил: не уйду! Может, товарищи догадаются вовремя снять мину. А не догадаются — что ж, пусть и я погибну. Я никогда бы себе не простил, если бы не рискнул своей жизнью во имя спасения ребятшек.

— Откуда же столько детей?

— Из Полоцка — объяснил Майский, — Из детского дома.

Как потом стало известно, по решению подпольного райкома партии, около сотни детей (все они были тяжело больны) перевозили в Быковщину, где в стороне от больших дорог тоже был детский дом.

Вот тогда-то летом сорок второго года мы впервые узнали о существовании детского дома в Быковщине.

Комиссар наш оказался действительно плохим пророком. Иван Майский искусно играл свою трудную и опасную роль полиция. Через несколько дней, когда он снова патрулировал свой участок моста, боевая тройка — Бодоев, Демченко и Макаенок — взорвала мост через Свольну и надолго вывела дорогу из строя.

Здесь уместно, пожалуй, вспомнить, как попал к нам в бригаду Иван Майский.

Зимой сорок второго года сельский учитель Иван Майский услышал, что на территории Белоруссии появились партизаны, и решил вместе с ними бороться с оккупантами. По рассказам крестьян, в глухую пушу прошли какие-то лыжники в белых халатах с бородагым командиром и скрылись где-то в лесной чащобе. Майский положил в рюкзак буханку хлеба, пачку сахара, пару белья и пачку махорки, встал на лыжи и отправился на поиски. В пути его задержал фашистский патруль и доставил в комендатуру станции Боровуха-1.

Гладко выбритый с усиками а-ля Гитлер и напомаженный бриолином офицер пригласил к столу и, ехидно улыбнувшись, сложил на груди руки и вежливо спросил:

— Куда молодой человек шел и зачем?

— Нашу школу сожгли, — ответил Майский, — и я...

— Не сожгли, — резко прервал его гитлеровец, — она сгорела от случайно брошенной спички. Дети играли в пожар, запомнили?

— Постараюсь.

— Говорите дальше.

— Я пошел искать работу — надо же как-нибудь жить, — объяснил Майский. — Думал, устроюсь хотя бы в работники к какому-нибудь крестьянину.

— О, зачем в работники? — удивился офицер. — Я могу предложить вам гораздо более интересное занятие.

— Ответьте мне только, пожалуйста, на один вопрос: что вас больше устраивает — жизнь или смерть? Извините, я не совсем вас понимаю, — едва проговорил учитель.

— Охотно поясню, — услужливо сказал офицер, закуривая сигарету. — Курите, пожалуйста. — Он придвинул собеседнику портсигар и, аппетитно затянувшись, продолжал: — Если вам хочется жить, придется поработать немного для великой Германии. Не хотите — можем вас повесить вон на той осине. — Он показал рукой на окно, за которым высоко в небо вздымались кроны могучих деревьев. — Выбор, как видите, не очень богатый, но что поделаешь — война. И на всякий случай хочу вас предупредить: не стройте себе никаких иллюзий. Обманете — найдем и все равно повесим.

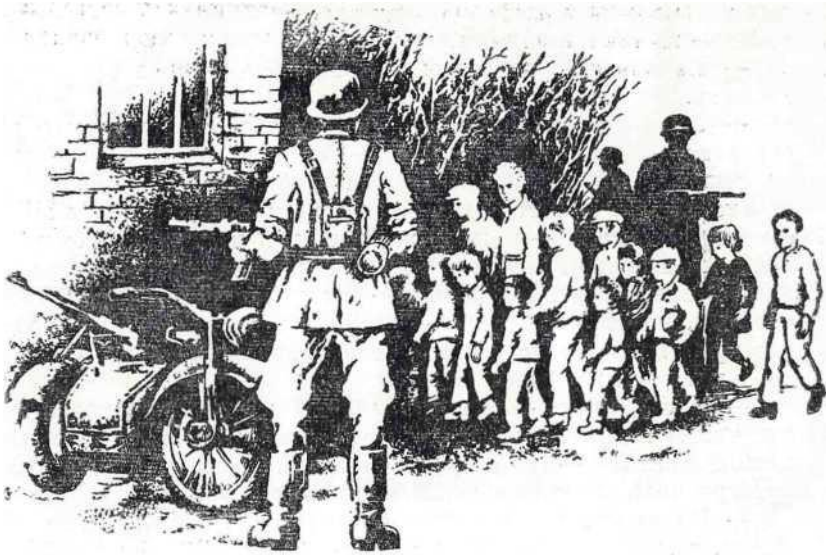
— Я бы охотно, — сказал Майский, пытаясь выиграть время, чтобы найти хоть какой-нибудь выход из этого безвыходного положения. — Но я просто не знаю, чем я, скромный сельский учитель, могу быть полезен великой Германии?

— Не нужно казаться столь наивным, молодой человек, — усмехнулся офицер, стряхнув пепел сигареты в стоявший на столе горшок с фикусом, — Но я вам с удовольствием помогу: дам вам совершенно конкретное задание. Великая Германия интересуется бандой большевиков, называющих себя «Неуловимыми». Они появились и, как видение, исчезли. Но вы же понимаете: они не могли вознестись на небеса, тем более что их присутствие на земле причиняет нам немало неприятностей. Так вот: найдите их, постарайтесь войти в доверие и сообщите нам. Это все, что от вас требуется. На первый раз, конечно. Так

сказать, для первого знакомства. Найдете, и если нам удастся их уничтожить, получите отпуск и будете щедро вознаграждены. Поедете в Берлин развлечься и отдохнуть. Уверяю вас, в столице рейха молодой человек может отлично провести время, — прищурился, многозначительно подмигнув гитлеровец.

И вот Майский пошел искать «Неуловимых» ...

Надо ли говорить о том, что гестаповский офицер так и не дождался от своего посланца сведений о местонахождении нашей бригады. Иван Майский честно и добросовестно выполнял все наши самые опасные поручения и делал это по велению своего сердца.

Глава вторая

1

В лесном краю, в стороне от шумного проезжего тракта, среди многочисленных озер и речушек, еще в конце прошлого века приехавший из Сибири владелец золотого прииска построил просторный двухэтажный особняк. Природа не пожалела красок, чтобы сделать этот уголок белорусской земли таким приветливым и уютным. Летом сюда, в Быковщину, приезжало много друзей и родственников гостеприимных хозяев наслаждаться тишиной и природой. После Октября эту барскую усадьбу с земельными угодьями отдали детям. В первые годы революции здесь была коммуна, а потом организовали детский дом.

В этом укромном уголке Белоруссии находили приют беспризорные, бездомные, обездоленные судьбой дети, не знавшие родительской ласки. Их кормили, одевали, обучали, воспитывали. Не одна сотня будущих рабочих и агрономов, инженеров и учителей, летчиков и шоферов, портних, медицинских сестер и врачей вспоминали и вспоминают добрым словом свой родной детский дом, давший им- путевку в большую жизнь.

2

Война вихрем ворвалась на белорусскую землю и сразу опажнула ее дымом пожарищ, кровью и смертью тысяч и тысяч ни в чем не повинных

советских людей.

Неподалеку от детского дома расположилась зенитная батарея. В лесу на полянке солдаты вырыли траншеи, и в них разместились замысловатые орудия с могучими хоботами, которые в любую минуту, при одном легком прикосновении к рычагу, способны сокрушить любой фашистский бомбардировщик, если он появится над Быковщиной, чтобы сбросить свой смертоносный груз. Сам дядя Витя, лейтенант и командир этих пушек, уверял, что они точно поражают цель и под их защитой воздушные стервятники не страшны.

Мальчишки сразу начали заводить знакомства с зенитчиками — это же очень интересно подружиться с хозяевами боевых машин. А Петя Орлик — бесстрашный малый, выдумщик, закоперщик всех ребячьих затей,—собрал своих товарищей, человек семь, и однажды привел их, вооруженных деревянными ружьями, к командиру батареи лейтенанту Виктору Степашину.

— Смирно, стройсь! — скомандовал Орлик своему воинскому формированию у землянки лейтенанта. — Вот, дядя Витя, виноват, товарищ командир, — смущенно смахнул оп рукавом выступивший на лбу пот, — подмога надежная, ребята на подбор. Во!..— и энергично тряхнул поднятым вверх толстым пальцем правой руки, что должно было в корне пресечь всякие сомнения в боевитости нового пополнения. — Оружие у них, — пояснил Орлик,— деревянное, правда, но все-таки...

— Здорово, молодцы! — улыбнувшись, поздоровался лейтенант. До глубины души его взволновала наивная ребячья мечта внести и свою посильную долю в борьбу с оккупантами.

— Здравия желаем, товарищ командир! — бодро и уверенно, но не очень стройно ответили «новобранцы».

Лейтенант Степашин был, конечно, отличный командир, но все же он, даже со своими могучими пушками, оказался, видимо, же таким уж всемогущим, как ребята предполагали. Через несколько дней он с грустью сообщил своим юным друзьям, что получен приказ уходить на восток.

— Что же это?.. Как же это?..— растерянно спросил Орлик. — Навсегда, дядя Витя? — допытывался он, вглядываясь в глаза лейтенанта, словно желая прочесть в них свою судьбу и судьбу всех товарищей по детскому дому.

Но лейтенант опустил глаза и ответил как-то неопределенно:

— Трудно сказать, Орлик, очень трудно. Ты уже большой мальчик и должен понимать: война есть война...

«Что означает это «должен понимать» и «война есть война»?..» — напряженно думал Орлик.

И тут его пронзила страшная мысль: если батарея уходит, значит, скоро придут фашисты. А если придут фашисты... Что же будет с ним и со всеми мальчишками и девочками, с их детдомом?

Долго-долго стоял Орлик с ребятами возле землянки лейтенанта и с тоской смотрел, как выползают из своих нор зачехленные орудия и солдаты грузят на автомашины ящики со снарядами.

Через несколько минут опустела лесная полянка. Лишь канавки, кучи мусора, опустевшие землянки напоминали о том, что здесь еще совсем недавно теплилась жизнь.

— Ты что, Орлик? — спросила Люся, соседка по школьной парте, когда он вернулся в детдом.

— Ну что что? — со вздохом ответил он. — Уехали... Мы теперь одни. — И, желая успокоить девочку, смотревшую на него глазами полными растерянности и надежды, добавил: — Ну ничего, Люсенька, не бойся... Ты не смотри, что я маленький... Я тебя все равно в обиду не дам... Я знаешь какой, если обозлюсь? Ого! — и беспомощно потряс кулаком.

3

Поздно ночью в учительской зазвонил телефон. Звонил долго, тревожно. Бабушка Дуся, старейшая нянечка и сторожиха, выращившая не одно поколение детдомовцев, протерла глаза, зевнула и, натянув на себя кацавейку, вышла из своей крохотной комнатухи, поднялась на второй этаж и сняла трубку:

— Кто это там надрывается?.. Чего надобно, спрашиваю? Кого-кого? Тишкевича?.. Спит Николай Станиславович. За день вон как умаялся... Позвоните утречком... Чего?.. Очень срочное дело? Ну сейчас, если срочное. Значит, важное...

И пошла будить директора.

Плохо спалось в эту ночь директору, старому большевику Тишкевичу. Положение на фронтах с каждым днем становилось все более критическим. Фашисты быстро продвигались по территории Белоруссии, вот-вот могли нагрянуть и в Быковщину. Что делать с детьми? Уходить? Куда? Оставаться?.. И когда в дверь постучала бабушка Дуся и сказала: «Николай Станиславович, вас к телефону, говорят, срочное дело», — он догадывался, о чем может идти речь.

И он не ошибся.

Председатель райисполкома предупреждал Николая Станиславовича, что к утру необходимо подготовить детдом к эвакуации. Важно поскорее попасть на станцию, а оттуда — на Урал.

— Как уходить?

— С машинами, к сожалению, не получится — нету, придется на лошадях. К двум часам ночи придем вам подвояк шестнадцать. Хватит?.. Укладывайтесь. Больше не имеем возможности. Баракла поменьше... Да, да... Детей спасайте, детей. Баракло — дело наживное, а дети... Все ясно и понятно, товарищ Тишкевич?

— Вопросов нет, — как можно спокойнее ответил директор. — Приму все меры, чтобы к утру подготовить детей к эвакуации.

И положил трубку.

Он ждал этого звонка. Но все же на какую-то минуту им овладело оцепенение. Бывший красногвардеец, участник Октябрьской революции, штурмовавший Зимний дворец, человек много видевший и испытывший

растерялся, не знал, что делать, с чего начать. Но он быстро справился с нахлынувшими на него чувствами, поправил на носу металлические дужки очков и постучал в комнату вожатой Ольги Разумович.

— Вы, Николай Станиславович? — услышал он в ответ знакомый звонкий голос.

— Я, Оленька, я. Давай вставай, — сказал Тишкевич, переступив порог.

— Уже? — спросила она, повернула выключатель и при неярком свете угольной лампочки все прочла на лице директора.

— Уже, Оленька, — с трудом проговорил он.

— Собираться? — прошептала она мгновенно побелевшими губами.

— И немедленно. К утру все должно быть готово. Поднимай ребят. А я пойду... Сестричку Зою, врачиху нашу молодую, разбуди. — И подумал: не повезло девушке: с четвертого курса медицинского института приехала на практику, а тут такое... — Ну ладно, я пошел.

Из комнаты в комнату ходили Ольга Разумович и Зоя Михайлова и, как можно спокойнее, будили ребят, и просили поскорее одеваться, брать с собой в дорогу только самое необходимое и готовиться к отъезду.

Через несколько минут из спален в коридоры высыпала заспанная детвора. Со всех сторон звенели ребячьи голоса:

— Тетя Оля, куда пойдём? Зачем?

— Я хочу спать, тетя Оля.

— Все будет хорошо, ребята, уезжаем ненадолго.

Дети деловито собирали в узелки свой нехитрый багаж — белье, теплую одежду. Старшие помогали младшим, Орлик вместе с Ольгой и Зоей следил за тем, чтобы ребята брали с собой только самое необходимое, без чего трудно обойтись в пути.

— А можно мне лошадку с медведем положить? — спросил Орлика какой-то мальш.

— Это, Вася, не пойдет, — строго ответил мальчик. — Лошадка с медведем здесь тебя подождут. Спрячешь в тумбочку. А вот зубной порошок и щетку возьми. Вот так... И полотенце тоже, — покровительственно советовал Орлик, укладывая скромный багаж малыша в авоську... — А ты чего? — Орлик увидел на глазах Люси слезы.

— Я боюсь.

— Ну чего ты боишься? Не надо ничего бояться. Наша Красная Армия знаешь какая? Ого! Фашисты так... пока... вот увидишь. Конфетку хочешь? Возьми. У меня еще есть, — и, вынув из кармана курточки последнюю конфетку, отдал ее девочке. — Только не плачь, совсем это ни к чему...

Длинный обоз из шестнадцати подвод с детьми и незатейливым домашним скарбом тронулся в путь. Эту процессию, отправляющуюся в неизвестность, провожали оставленные на хозяйстве для присмотра за домом повариха Мария Гавриловна и старенькая бабушка Дуся. Стоя у ворот, они долго махали вслед уезжавшим платками и целый день не могли успокоиться.

— Ну вот, баба Дуся, мы с тобой остались вдвоем, — тяжело вздохнув, сказала Мария Гавриловна, когда шум удалявшихся телег затих и обоз скрылся за поворотом на лесной дороге.

Женщины в тягостном молчании обошли все комнаты, полюбовались аккуратно заправленными кроватками.

«Как всегда по утрам, мои соколики», — подумала бабушка Дуся. И ей казалось, что дети просто пошли в лес по ягоды или по грибы, к обеду вернутся и вновь дом зашумит звонкими голосами. И все-все будет так, как было всегда.

Но прошел день, наступил вечер, и никто не возвращался. Бабушка Дуся заперла все комнаты, положила ключи в халат и переехала жить в комнату Марии Гавриловны — вдвоем все веселее в опустевшем лесном доме.

Пока не выбрались на большак, дорога шла лесом. Родные места! Сколько здесь хожено-перехожено на прогулки, в походы, за грибами. Жгли костры, пекли картошку... Сколько песен спето, сколько шума, крика, веселого детского гомона слышали эти кусты и деревья! А теперь тишина, зловещая, непроницаемая тишина — лишь изредка ее нарушает ржание лошади, скрип телеги, или вдруг раздастся плаксивый голос какого-нибудь малыша: «Тетя Оленька, хочу домой». Едут!.. Куда?.. Колонна движется по проселочным лесным дорогам.

К ночи детдомовцы остановились в какой-то деревушке на привал. Добрые люди не отказывали ребятам в гостеприимстве, широко раскрывали перед ними двери своих жилищ: «Спите, отдохните, родные!» Скромный ужин — кусочек хлеба, бульба, глоток молока, и спать, спать, пока не взойдет солнце. Хорошо, что завхоз предусмотрительно положил на повозки несколько десятков матрасов. Их разложили на полу и укладывали малышей поперек. Сладко спится и на такой неудобной постели после утомительного дня на трясучей телеге под горячими лучами летнего солнца. А с утра — снова в путь, провожаемые сочувственными причитаниями добросердечных хозяек:

— Куда же вы их везете? Неужели фашисты и сюда придут?

И вот наконец после трехдневных странствий замелькали телеграфные столбы вдоль линии железной дороги.

— Скоро! Теперь скоро, Оленька, — с облегчением вздохнул Николай Станиславович. — Дождемся поезда и... Смотри, смотри, кажется, поезд уже подан, — устало улыбнулся Тишкевич, вглядываясь в даль. — Товарняк, правда, — добавил он, заметив на станционных путях состав теплушек. — Но ничего, и это хорошо в такое время.

— Конечно, хорошо, Николай Станиславович, — всплеснула руками Ольга и от радости чмокнула Николая Станиславовича в щеку.

— А там еще кто знает, как обернется, — мрачно пробурчал возница. — Гляньте, едем улицей, а народу ни души. Тявкнет где

собачонка — вот и вся жизнь. Н-но, Сокол! — поерзал он вожжами по стертой спине своей усталой со слезящимися глазами лошаденки. — Пошли-поехали, красавец!

— Хорошо, хорошо обернется, дядя Сережа, — весело похлопала его по плечу Ольга. — Смотрите, наши! Вон сколько наших — целая платформа. — И, соскочив с повозки, побежала вдоль обоза с радостным криком: — Ура, ребята, наши, ура! Давайте все дружно: ура, ура, ура!..

С подводы на подводу прокатилось пронзительное «Ура!». Ребята прыгали с телег и бегом мчались к платформе. Впереди всех бежал Орлик, за ним, стараясь не отставать от него ни на шаг, Люся. Дети разбежались по привокзальной площади, оглушая приветственными возгласами толпившихся на платформе красноармейцев.

Но что это? Затрещали автоматы. Пули с визгом пронесли над головами. Кто-то со стоном упал, кто-то вскрикнул от ужаса.

Стреляют? Свои?..

Это было странно и страшно.

— Ложись! — раздалась команда Тишкевича.

Дети рухнули на землю.

Второй залп из автомата.

Что все это значит?

И тут только, чуть приподняв голову, Тишкевич заметил, что среди выстроившихся колонн красноармейцев мелькают каски гитлеровцев в серо-зеленой форме с автоматами наперевес. «Пленные!» — догадался он и тяжело приник к земле.

— Что же это? Как же это? — в отчаянии шептала Ольга, лежавшая рядом с ним на земле. — Ведь это же... какой же это ужас, дядя Коля!.. Что же теперь будет? Все?.. Ведь нам точно указали куда ехать, чтобы не встретиться с фашистами. Почему же?..

— Прошлой ночью свернули, видимо, не на ту просеку, — сказал Николай Станиславович, — вот и...

Когда стрельба улеглась и гитлеровцы занялись погрузкой военнопленных в теплушки, Тишкевич приказал ребятам подняться.

По команде Тишкевича, ребята встали и побежали. И тут внезапно, словно из-под земли, вырос гитлеровский лейтенант с группой солдат. Они окружили детдомовцев и потребовали, чтобы быстро построились и взрослые и дети.

— Шагом арш!

Всех погнали в полуразрушенное здание школы и поставили к стене.

— Коммунист выходиль! Комсомоль тоже выходиль! — приказал офицер. — Айн-цвай-драй!.. Будем стрелять, — пояснил он свою мысль совершенно спокойно, будто речь шла о чем-то совсем будничном и обыкновенном. — Не будет выходиль — всех будем стреляль, — продолжал он, посмотрев на часы. — Думай два минут, ферштейн зи?

Никто не тронулся с места.

— Нох айн маль! Коммунист выходиль, комсомоль выходиль, — повторил он заученную фразу, сопровождая ее неизменным рефреном о расстреле всех, если коммунисты и комсомольцы не пожертвуют своей

жизнью ради спасения детей.

И вдруг, словно сговорившись, все ребята вместе со всеми взрослыми, гордо подняв головы, сделали шаг вперед.

— Доннерветтер! — злобно выругался лейтенант и подал солдатам знак взять оружие наизготовку.

Звякнули затворы. Дула автоматов скользнули по рядам детдомовцев. Казалось, еще секунда, и раздастся команда «огонь».

Но в этот момент в здание школы внезапно ворвался гул самолетов. Гитлеровцы насторожились.

— Отставить! — скомандовал лейтенант и выбежал на улицу.

Эскадрилья наших боевых машин на бреющем полете вихрем пронеслась над станцией, сбрасывая свой смертоносный груз. Взрывы следовали один за другим. В школе со звоном вылетали стекла, с треском распахивались двери. Лейтенант не вернулся к своим солдатам. Он остался на земле, недалеко от школы, сраженный осколком бомбы. Фашисты в панике разбежались. Воспользовавшись суматохой, ребята помчались к своим подводам.

— Куда теперь, дядя Коля? — Ольга смотрела на Тишкевича долгим вопрошающим и беспокойным взглядом.

— Куда? — переспросил Николай Станиславович, сняв очки и вытирая полую пиджака запыленные стекла. — Будем пытаться, Оленька, где-нибудь прорваться через линию фронта.

К вечеру обоз забрел в глухой лес, где не было слышно даже артиллерийской канонады, преследовавшей почти весь день.

— Вот тут мы немного отдохнем, — сказал Николай Станиславович, слезая с повозки и разминая одеревеневшие ноги. — Давайте, Оля и Зоя, покормим ребят. Что у нас осталось? — поинтересовался он.

— Немного хлеба и чуть-чуть сахару, дядя Коля. Бульба кончилась, вчера доели.

Дети с жадностью проглотили свой скромный ужин — ломтик хлеба и щепотку сахарного песка.

— А теперь спать, — сказал Тишкевич и посмотрел на отливающий синевой купол неба, осыпанный серебристыми крупинками звезд. — Крыша надежная.

Ребята стащили с повозок матрасы и стали готовиться ко сну. Обычно веселая, шумная детвора за несколько дней повзрослела, стала не по годам молчаливой, сосредоточенной, мужественной. Укладываясь поперек матрасов, они теснее прижимались друг к другу и собственным дыханием согревали себя.

...Шли дни, недели. Ребячий обоз метался из стороны в сторону по проселочным дорогам, нехоженым тропам и тропинкам, прорываясь сквозь густые лесные заросли. Вместе со взрослыми дети строили плоты, мастерили настилы, чтобы перебраться на другой берег глубоких рек, пройти через болота, переходили вброд мелкие речушки, обходили гарнизоны фашистов. Ну, где, где найти щель, чтобы вырваться с территории, оккупированной гитлеровцами, и доставить измученных,

усталых, голодных ребят на родную советскую землю?..

А сколько горя и страха за жизнь детей пережили взрослые, когда внезапно из облаков появлялись фашистские стервятники и, увидев обоз, на брющем полете поворачивали его свинцом. Ребята прыгали с повозок, ложились на землю, прятались в кустах, канавах. Минует гроза, они опять занимали свои места на телегах, и обоз снова отправлялся в путь, в неизвестность.

Потеряв всякую надежду прорваться через линию фронта, посеревший и поседевший от тяжелых раздумий за судьбу ребят, Николай Станиславович Тишкевич решил возвратиться в Быковщину.

— Видно, Оленька, теперь нам к своим не пробиться, — с горечью сказал он. — Ребята устали, изголодались, едва держатся на ногах. Погибнут — никто нам этого не простит. Никто, — повторил он. — Надо возвращаться — ничего не поделаешь.

— Домой? В Быковщину? — удивилась Ольга. — Там же фашисты. Лучше умереть, дядя Коля, чем так жить. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Помните Пассионарию?

— Знаю, помню, слышал, читал, все знаю, Оленька, — ответил Тишкевич. — Но умирать не стоит даже стоя. Попробуем бороться, сколько сил хватит. А вообще говоря, громкие слова тут ни при чем. Надо думать о детях. Доберемся на место — может быть, удастся ребят спасти... Может быть...

— А чем кормить будем?

— Не знаю. Ничего не знаю. Пока я твердо знаю только одно: не вернемся — погубим детей, Оля. Посмотри, на кого они похожи!

И в самом деле. Дети совсем выбились из сил. Когда останавливались на отдых, они с трудом стаскивали с телег матрасы и тут же засыпали. Утром их едва удавалось поднять на ноги и посадить на повозки. Жители затерянных в глухих чащобах деревушек, где еще не было гитлеровцев, привечали ребятешек. Добрые женщины топили бани, доставали из погребов бульбу, кормили измученных и отошавших детей.

Многие деревни вместе со всеми жителями оккупанты зверски уничтожали. Над белорусской землей не угасал дым пожарищ и стоны замученных людей. На пепелищах кое-где бродили чудом уцелевшие ребятешки, потерявшие своих родных и близких. Как быть с ними? Ведь они были обречены на гибель без крова, без пищи. Всех, кто встречался на пути, детдомовцы подбирали, сажали на свои телеги, делились с ними последними крохами и везли с собой в Быковщину.

После многих дней тяжелого, изнурительного пути показались, наконец, контуры знакомого двухэтажного здания и его пристройки — сараи, свинарник, коровник, погребка. Что ждет детей в родном доме? Может, и здесь не было гитлеровцев? Детский дом стоит в стороне от больших дорог. Может, миновала его беда? Ведь встречались же села, деревни, местечки, куда оккупанты еще даже не заглядывали.

Из трубы валил дым. Значит, кто-то есть. Ну конечно, есть. Там же остались повариха Мария Гавриловна и сторожиха бабушка Дуся. Ясно, они варят себе обед. Потому и дым...

Порывы ветра донесли запах жареного мяса, лука, картошки.

— Смотри, Люся, не спи! — крикнул Орлик. — Тетя Маруся готовит нам славную встречу. Чувствуешь, как вкусно пахнет?

Где? Что ты? — с трудом раскрыла усталые глаза Люся и глубоко вздохнула. — Правда, Орлик, пахнет чем-то таким вкусным-вкусным!.. А знаешь, я спрятала в погребе целую банку земляничного варенья. Помнишь, мы собирали с тобой в лесу ягоды, тетя Маруся дала нам сахару и мы сварили варенье, помнишь? Я всех ребят угощу, всех-всех, — мечтательно сказала она Орлику, сидевшему на повозке рядом.

Не дожидаясь, пока доползут изможденные лошаденки, ребята сошли с телег и поплелись к родному дому пешком.

— Тетя Маруся, бабушка Дуся! — кричали они, увидев у ворот своих старых, добрых друзей. Но, подойдя ближе и, заметив их заплаканные глаза, в испуге остановились.

— Нету у вас дома, мои дорогие, все заняли вот эти. — Тетя Маруся кивнула в сторону часового, сидевшего на скамейке под вековым дубом.

Так вот почему такой густой дым валил из трубы! Вот почему так аппетитно пахло жареным!..

Бабушка Дуся бросилась на шею Николаю Станиславовичу и, обливаясь горькими слезами, торопливо поведала ему все, что наделали в этом тихом лесном уголке незваные гости.

Они начисто ограбили детский дом: вывезли коров и свиней, очистили закрома и погреба; здесь было довольно большое хозяйство — добрая сотня гектаров пахотной земли, огорода. Дети ни в чем не знали нужды. Оккупанты переловили всех кур. Один колченогий петух сиротливо бродит теперь по изувеченному птичнику, заунывно кукарекая. Фашисты выбросили на задний двор и переломали все детские кровати, а из подушек с одеялами соорудили себе постели.

— Куда ж их теперь девать-то — наших соколиков? Как жить будем? — сокрушалась старушка, вытирая фартуком слезы.

— Бабка плакай? Не надо плакай, — подошел к ней унтер, добывавший е-о дворе последнего поросенка. — Фюрер не любил плакай, ферштейн зи?

— Ферштейн, ферштейн, — отмахнулась баба Дуся.

— Как учил бабка? Хайль Гитлер! — продолжал унтер, разделявая на чурбаче свиную тушку.

— Хайль, хайль, чтоб ты провалился, ирод проклятый! — сквозь слезы пробурчала бабушка Дуся.

Через несколько дней гитлеровцы покинули детский дом, прихватив с собой не только оставшиеся в погребах и кладовых продукты, но и постельные принадлежности.

— Перед отъездом какой-то высокий, худощавый солдат в очках замешкался у выхода из дома. Убедившись, что все ушли, он вытащил из шкафа припрятанные, видимо, заранее мешочки с крупой и буханку хлеба и пошел на кухню. Мария Гавриловна возилась у плиты, пытаясь из остатков пшена и картошки сварить для детей хоть какое-то подобие супа.

— Фюр киндер, киндер, — проговорил немец, озираясь по сторонам

и передавая Марии Гавриловне свой скромный дар.

— Доннерветтер! — внезапно раздался за его спиной злобный окрик фельдфебеля. Гитлеровец осыпал перепуганного насмерть солдата градом самых отборных слов, — Не нашел ничего лучшего, как откармливать этих щенков? Этому тебя учили? Пшел вон отсюда! Садись в машину, я с тобой после поговорю, красная морда! — шипел он.

И, вытолкнув солдата из кухни, отнял у растерявшейся поварахи мешочек с крупой и буханку хлеба.

...Люся тщетно пыталась найти свою банку с земляничным вареньем. Она вернулась из погреба разочарованной и смущенной. В глазах стояли слезы.

— Ну что с тобой? — спросил Орлик.

— Я хотела угостить всех ребят, а там... Ничего нет, — всхлипывала она. — Я ведь закопала в землю... Честное слово, Орлик. Я тебя никогда не обманывала...

Глава третья

1

Связные застали меня в одном из отрядов у латвийской границы. Прискакали они на взмыленных лошадях. Отряд Николая Павловича Комлева дислоцировался в деревне Момино Ветринского района, и связным пришлось преодолеть длинный путь, примерно, километров полтораста.

Соскочив с коней, они вручили мне донесение от командира. На склеенном из оберточной бумаги конверте написано: «Весьма срочно». Никакой сенсации в этом, конечно, не было. Беспокойная партизанская жизнь шестнадцати отрядов, рассредоточенных на обширной территории, часто требовала и срочных докладов, и срочных ответов — все это в порядке вещей. И связные привыкли к своей нелегкой службе, несли ее аккуратно, хорошо владели собой и обычно искусно скрывали свои переживания, когда речь шла о вестях волнующих и тревожных. Но тут я заметил на их лицах, в глазах, помимо усталости, глубокую озабоченность — видно, они присланы по какому-то необычно важному делу. присланы по какому-то необычно важному делу.

Дело действительно оказалось необычным.

Комлев сообщил, что выполнил мой приказ, побывал в Быковщине. Там действительно есть детский дом, куда недавно привезли из Полоцка еще сотню ребятешек. Это были те самые дети, которые недели две тому, назад помешали нам взорвать мост через Свольну. Детский дом в Быковщине находится в совершенно трагическом положении. Фашисты начисто ограбили

его, вывезли почти все имущество, забрали все продукты. Детей старше двенадцати лет, которым не удалось спрятаться от гитлеровцев, отправили в Германию. Остальные обречены на голод и вымирание.

«Что делать, товарищ комбриг? — спрашивал Комлев. — Помочь нечем, у самих ничего нет. Г олова пухнет, не знаю, что и придумать. Ребята болеют — ужас! Ни еды, ни лекарств, ни более или менее сносной одежды».

Я отлично знал Комлева, человека мужественного, волевого. Офицер Красной Армии, бежавший из фашистского плена, не раз смотревший в глаза смерти, не станет посылать таких тревожных донесений без особых оснований.

И тут пусть читатель простит мне небольшое отступление от главной темы повествования. Я хочу рассказать, какими путями пришел к нам в бригаду Николай Павлович Комлев — боевой партизанский командир, человек большой души и щедрого сердца.

...В апреле сорок второго года младший лейтенант Комлев попал в окружение. Попытка вырваться из вражеского кольца оказалась безуспешной: с трех сторон гитлеровские автоматчики, позади — речка Угра. Терять нечего — Комлев бросается в воду.

Мокрый, смертельно усталый человек выполз на другой берег и, собрав последние силы, поднялся на пригорок, но и тут оказалась гитлеровская засада.

— Сдавайся, рус!

Ноги совершенно отказывались служить, кровь пульсировала в висках с такой страшной силой, что кажется, вот-вот вырвется наружу и все будет кончено; он упал на землю, скатился с пригорка в ложину и не мог подняться.

Фашистский патруль привел Комлева в деревню Пески. Здесь собралась большая группа военнопленных. Их повели на ближайшую железнодорожную станцию. Началась сортировка. Коммунистов и комсомольцев расстреливали на месте. Комлев сумел вовремя спрятать свой партийный билет. Он вложил его в офицерский пояс между двумя слоями кожи и зашил так тщательно и аккуратно, что стежки ничем не отличались от фабричных.

В ночь под первое мая командиров отделили от солдат и отправили в офицерский лагерь, находившийся неподалеку от Полоцка на станции Боровуха-1.

Трое суток пути. Страшные трое суток. Битком набитые, наглухо закупоренные теплушки без нар, в которых можно только стоять. Трое суток двери ни разу не открывались. Трое суток без воды и пищи, в спертом воздухе. В пути многие погибли от жажды, голода, заражения крови, от недостатка кислорода. Потом снова «сортировка». Команда фашистов раскрыла настежь обе двери и с веселым гиканьем и смехом выталкивала и выбрасывала в одну сторону живых, а в другую — мертвых.

В лагере угостили со всей фашистской щедростью: двести пятьдесят граммов баланды — вонючей жидкости и сто граммов хлеба — суррогата, а потом загнали в бараки. Спали прямо на полу. Лежали только на боку, лечь на спину нельзя было — не хватало места.

Бежать! Бежать во что бы то ни стало, даже ценою жизни.

Мысль о побеге не оставляла Комлева ни на один час, ни на одну минуту. Но как бежать? Гитлеровцы обнесли лагерь несколькими рядами колючей проволоки, усилили охрану. По ночам через проволоку пропускаться

электрический ток. Круглые сутки патрулировали полицейские с собаками. У пленных отобрали обувь, и широкую полосу вдоль всей ограды усыпали колючками и битым стеклом. Малейшее подозрение на побег грозило смертью.

Через несколько месяцев пленных под усиленным конвоем отвели на станцию и погрузили в вагоны. Мысль о победе вспыхнула с новой силой. Двери теплушки наглухо закрыты, но Комлев заметил, что две доски в дверях не очень-то надежны, шатаются и сильным ударом ноги их удалось выбить.

Скоро мост через Дриссу. Эшелон набирает скорость. В вагон врываются струйки свежего воздуха — становится легче дышать. Стучат колеса. Комлев выглянул в щель. Ночь темная. Поезд идет по высокой насыпи. Была не была! И первым прыгает из вагона под откос. Сильный удар о землю — и сразу теряет сознание. Как потом стало известно, за Дриссой из вагона выбросились все пленные, которые могли передвигаться.

Младший лейтенант очнулся лишь на рассвете. Недалеко мост, патрулируемый гитлеровцами. Направо лесок; дополз к нему, и просидел в густых кустах до вечера. Когда стемнело, увидел мелькнувший вдали огонек. Деревня! Он пошел на огонек и постучался в первый дом.

— Заходи, сынок, заходи, не бойся, не обидим, — пригласил открывший дверь седобородый старик. — Не ты первый, не ты, видно, и последний.

Добрые люди накормили, уложили спать на сеновале. Проснулся утром. Куда теперь? Хорошо бы к партизанам, но где их найти?

Старик словно читал мысли нежданного гостя.

— Ежели тебе к партизанам — они недавно были тут за речкой. Стой, погоди, я сейчас приду.

Он ушел и вскоре вернулся с какой-то девчонкой.

— Вот Нюшка все сделает, что надо. Ты не смотри, что она годами да и росточком не вышла.

...Это была необычная девчонка. Ей было всего шестнадцать лет. Она не числилась в списках ни одного из партизанских отрядов. Ее звали Нюра. Нюра Шерстнева. Односельчане называли ее просто Нюшка, а наши бойцы в шуточку величали «царицей морей», «командующим партизанским флотом».

У нее был свой неповторимый и единственный, пожалуй, в своем роде участок работы — она перевозила через реку разведчиков и подрывников, а также бежавших из лагерей пленных, мечтавших попасть к партизанам.

Гитлеровцы уничтожили все лодки по всему побережью Дриссы. Но одна лодка уцелела и ею «командовала» Нюра. Лодочка была маленькая — на двоих. И Нюра по одному перевозила бойцов на другой берег. Закончив дело, она вводила свой «корабль» в прибрежные заросли ивняка, заполняла его водой и опускала на дно реки. Замаскированный телефонный провод, привязанный одним концом к колышку на берегу, а другим — к лодке, позволял ей в нужный момент вытаскивать свой «флот» на поверхность. Эта отважная девчонка уже десятки раз совершала свои рискованные рейсы...

— Она дело знает, — представил ее старик. — Ну, счастливый тебе путь. Будешь в здешних местах — заходи, завсегда гостю рады, — и крепко пожал младшему лейтенанту руку.

Нюшка подошла к реке, вытащила на берег затопленную лодку и молча, не говоря ни слова и ни о чем не спрашивая, перевезла Комлева на другой берег.

— А теперь иди во-он туда, — сказала она на прощание, показав рукой на видневшийся на горизонте лес.

И тут Комлева постигла неудача. Он увидел в лесной чаще покинутые землянки, кучи хлама и мусора — видно, перебазировались партизаны в другое место. Куда идти? Он присел на пенек и задумался.

Но что это? Зафырчали моторы, издали послышалась немецкая речь. Он не успел еще решить, как быть, куда деваться, — на полянку выехало несколько мотоциклистов.

— А, рус, пошел, рус, давай, рус!

Ему скрутили за спину руки, повезли на станцию Индра и посадили в полицейский участок. Здесь были еще трое бежавших из плена. Тут уж все ясно: бегство—это расстрел.

К вечеру всех четверых повели на кладбище. Тишина. Лишь в легкий шорох ветвей влетают птичьи голоса. Неужели же эти соловьи поют в последний раз? Надвигаются сумерки. Покурить перед смертью — все-таки легче умирать. Палачи угощают сигаретами.

— Кури, кури, скоро давай, много работ, — говорят они.

А куда торопиться? Вот так бы стоять возле этой каменной плиты и курить вечно.

— Становись порядок! — скомандовал унтер.

Звякнули затворы. И в этот момент все четверо мгновенно упали на землю и разбежались в разные стороны между памятниками, надгробьями и крестами.

Комлев не знает: судьбы своих товарищей, но ему посчастливилось добрести до ограды, перепрыгнуть через нее. За кладбищем небольшая речушка — приток Западной Двины. Сбросив сапоги, он нырнул в воду, переплыл реку — и в лес.

Сутки он лежал в куче хвороста, чтобы замести следы в случае погони. Идет только ночью — перелетами, лесами; — днем отсиживается в кустах, подчас враг так близко, что слышны даже голоса гитлеровцев.

Проходят, дни, недели. Из деревни в деревню, из леса в лес. Здесь спасает: от фашистов, спрятав в чулане, добрая женщина. Там сам староста (бывали и такие) спускает в своей хате в подполье, а потом желает доброго пути, да еще даст в дорогу краюху, хлеба.

Вот так и добрался к нам в бригаду Николай Павлович Комлев, человек редкой судьбы, не раз побывавший у смерти в лапах.

...И вот его донесение о страшной судьбе детей.

Я видел много горя и страданий на захваченной врагами земле, знал, что такое голод и холод, самому приходилось порой сполна все это испытать. А тут дети — маленькие дети. Надо тут же, сейчас, немедля ни одного дня и часа, что-то предпринять, чтобы спасти ребят от верной гибели, уберечь их от фашистского произвола, как-то накормить и одеть. Но что и как сделать конкретно — было совсем не ясно. Допустим, можно выделить для начала кое-какие продукты из своих скудных запасов. А как их доставить? Не исключено ведь, что гитлеровцы в пути перехватят наши дары или отберут их тут же, как только они будут доставлены в Быковщину.

Доложить Москве. Запросить, что делать с детским домом. Я тут же составил срочную радиogramму и поручил радисту Володе Пиняеву не отходить от своей «Белки», пока из Москвы не будет получен ответ.

Ответ пришел быстро: «Неуловимому». «Спасение детей считайте своей боевой задачей». Коротко и ясно: «боевой задачей».

Мы с комиссаром, начальником разведки, долго советовались, как быть с этой необычной для партизанских будней задачей. И решили: прежде всего надо побывать в этом детском доме, увидеть все своими глазами, а потом думать о том, что мы можем и должны сделать для спасения ребят.

Но легко сказать «побывать». Быковщина находится всего лишь в шести километрах от районного центра Ветрино, недалеко от Полоцка, а там, как известно от наших разведчиков-подпольщиков, крупные гитлеровские гарнизоны, комендатура во главе с известным душегубом майором Шульцем, группы гестапо, полевая жандармерия — одним словом, полный набор палачей. Узнают о появлении партизан в детском доме — не миновать жестокой расправы над детьми, да и сами партизаны будут поставлены под удар. Ясно, что надо пробраться в детский дом скрытно, когда там нет ни одного фашиста. А как часто бывают они там, об этом нам пока ничего не известно.

Но размышлять некогда. В путь! По этому маршруту у меня, кстати, были и другие задачи. Я взял с собой двух автоматчиков, мы сели на лошадей и отправились в Быковщину с таким расчетом, чтобы заехать прежде в отряд Комлева, базировавшийся в лесах Ветринского района, и вместе с ним разработать дальнейший план действий.

2

Комлев встретил нас с радостью и надеждой.

— Спасибо, товарищи, что приехали, — взволнованно говорил он, провожая в свою землянку. — Эти ребятишки все нутро мое перевернули, места себе не найду, а что делать — ума не приложу. Прикидывал и так -и этак... Ничего не получается. Подбросил им мешок муки и две меры картошки — разве это помощь для детского дома? На один зуб. Не знаю, что и делать. Никогда бы и не подумал беспокоить вас, товарищ комбриг, если бы не такое положение.

Вы побывали в детском доме? Ну что там? Как там?

И Комлев поведал страшную историю бед и несчастий, обрушившихся на детей, возвратившихся после неудачной попытки эвакуироваться в тыл: ни крошки хлеба, круп, мяса, керосина; мешок картошки — вот, пожалуй, все, что случайно оставили фашисты детям после чудовищного грабежа и разбоя.

Начались тяжкие для ребят дни. С невероятными трудностями удается иногда им добыть в окрестных селениях что-нибудь съестное. Гитлеровцы постоянно в детском доме не находились. Периодически навещают то гестаповцы, то жандармы, то карательные отряды, ищущие партизан. Они отбирают все, что не успели разграбить их предшественники, — уцелевшие случайно матрасы, подушки, одеяла, добытые у добросердечных людей, продукты, ищут детей старше двенадцати лет, чтобы вывезти их в Германию на работу и «перевоспитание». Особый интерес гитлеровцы проявляли к детям еврейской национальности; горе тем, кто не успел скрыться и попадется фашистам на глаза! Их тотчас же отправляют в специальные

лагеря, и они никогда оттуда не возвращаются.

Николай Станиславович никогда еще не был таким растерянным и взволнованным.

— Что делать, девочки? — спросил он Олю и Зою, пригласив их в свою келью, как он называл крохотную комнатушку рядом с ребячьими спальнями.

— Вы о чем, дядя Коля? — с тревогой посмотрела Зоя в глаза директора, уловив в его взгляде какую-то необычно глубокую озабоченность.

— Все о том же: чем кормить ребят? Только что приходила Мария Гавриловна. Ведро картошки и кило пшена — вот все наши запасы.

Это не было новостью ни для Зои, ни для Оли. Они знали, что продукты кончаются, ребята чахнут. Тарелка горячей воды, с кусочком картофеля и капустой, да просвечивающий насквозь ломтик хлеба — вот и весь суточный рацион.

— Так дальше невозможно, — сказал Тишкевич.

В первые недели после возвращения удавалось еще как-то прокормить детвору. Узнав о трагическом положении детского дома, ограбленного фашистами, добрые люди из окрестных деревень подбрасывали иногда ребятишкам то мешок картошки, то немного крупы, муки, капусты, овощей. Но шло время, и стихийно возникшее шефство стало постепенно замирать.

Гитлеровцы обрекли детей на голодную смерть. Вместо хлеба привезли в детский дом духовную пищу — портреты Гитлера. Мальчики потом расстреляли их из рогаток.

Как же жить? Чем кормить огромную семейку, в двести с лишним ребят?

На оккупированной земле Белоруссии появились партизаны. Может, они помогут? Но как их найти? Обратиться к районному бургомистру? Но где гарантия, что вместо помощи сюда не пришлют несколько душегубок, чтобы отправить голодных детей на тот свет; или еще проще: возьмут да и сожгут лесной домик вместе со всеми его обитателями. Ведь могли же фашисты в деревне Большие Жарцы согнать всех жителей в школу, облить здание керосином и поджечь со всех сторон. Ни одной Живой душе не удалось избежать мучительной смерти.

Надеяться не на кого. Нужно, видимо, что-то делать самим. Ну, а что могут сделать больной и голодный, как все, старик и Две девушки, которые сами едва держатся на ногах от недоедания, бессонных ночей, тяжелых дум и тревог за судьбу малышей.

Тюрьма в лесу. Без решеток и проволочных ограждений. В тюрьме легче. Спокойнее. Тебя охраняют. Нечего бояться, что в любую минуту тебя могут сжечь вместо с твоей камерой. А здесь? В любой день и час могут нагрянуть гитлеровцы, угнать старших мальчишек и девочек в Германию, а остальных просто уничтожить.

— Так что делать будем, девочки? — настойчиво спрашивал Николай Станиславович Зою и Олю.

Почти каждую неделю вырастал новый холмик в дубовой роще.

— Если так пойдет дальше, то к весне...

Он не договорил, что будет к весне, но и Зоя и Оля отлично поняли, что он хотел сказать...

— Может, отобрать ребят покрепче и послать их по деревням?.. Свет не без добрых людей...

...В тот же день, а возможно, в те же часы, когда Николай Станиславович с Олей и Зоей держали совет — как быть? Как жить? — в заброшенной зенитчиками землянке, втайне от взрослых, собрались детдомовцы-пионеры. Это был необычный сбор. Орлик велел собрать только активистов и звеньевых, кто может самостоятельно ходить. Кроме Орлика, инициатора этой затеи, пришла его верная подружка Люся, пришел суровый с виду, но добродушный увалень Петька; Миша Беленький — Мишутка, так звали ребята своего товарища, одного из первых детдомовцев Михаила Беленького', пытавшегося играть на баяне. Пришли горнист Сеня и барабанщик Витя, Нина и Вера — вожатые детдомовских октябрят — немногие нашли в себе силы добраться до тайника.

— Юные пионеры! — серьезно и строго начал Орлик. — Давайте проведем сбор, как всегда. Пусть Сенька трубит в горн, а Витька сыграет марш на барабане. Тихонечко только, чтобы никто, кроме нас, не слышал.

Сеня и Витя вынули из тайника ящик, в котором они спрятали свои пионерские доспехи.

В темной яме, слабо освещенной огарком свечи, добытой у поварихи тети Маруси, раздались едва уловимые звуки. Сеня старательно сдерживал свой порыв — ему так хотелось трубить звонко, призывно, как всегда раньше, до войны. Но Орлик велит потихоньку, значит, надо потихоньку, Орлик все знает и понимает.

И эти слабенькие звуки горна и Витькиного барабана пробудили у ребят рой самых светлых воспоминаний. Бывало, протрубит Сеня сбор, веселой гурьбой со смехом и улыбками высыпают на улицу мальчики и девочки в белых блузках и рубашках с красными галстуками. Построившись в колонны, они с барабанным боем уходят в лес на прогулку, собирать грибы, цветы... А какое очарование печь бульбу на костре! Гулким эхом отдается в лесной чаще любимая песня — знаменитая «Картошка» ...

Где ты добрая, счастливая пора мирного детства? Вернешься ли ты когда-

нибудь? Возвращайся скорее.

— Ну, теперь можно и начинать, — облегченно вздохнул Орлик.

Это был необычный, очень трогательный пионерский сбор. Первый сбор без песен и улыбок. Мальчики и девочки, надев свои красные галстуки, собрались обсудить очень важный вопрос.

Орлику не нужно было долго объяснять своим товарищам, зачем он организовал этот сбор. Не один холмик, покрытый зелеными ветками хвои, вырос в ближнем лесу на полянке.

— Так мы все погибнем! — заключил Орлик свою вступительную речь. — Верно я говорю?

Никто не возражал.

— Тогда давайте сделаем так, — предложил Орлик. — Кто может ходить, пусть пойдет с котомкой по деревням. Скажем, кто мы, откуда. Попросим у людей. Может, кто чего и даст. Чур только: самим ничего не есть. Все до крохи отдать тете Марусе. Она уж поделит как надо.

На этом и закончился сбор. Не было ни прений, ни дискуссий, ни протоколов. Каждый из участников записал в своей душе единственный пункт резолюции: «Биться со смертью, умирать не хотим. Нам помогают, и мы должны, как сможем, помогать друг другу и нашим старшим».

На другой день рано утром, чуть забрезжил рассвет, Орлик, Люся и Петя, закутавшись в какие-то обноски и раздобыв у тети Маруси три мешочка, отправились в путь. План был такой: поскорее добраться до небольшой деревеньки Ольховичи, расположенной в стороне от главного тракта Ветрино — Полоцк, километрах в восьми от Быковщины, обойти, по возможности, все хаты, а к вечеру вернуться домой. Идти лучше лесом, глухими тропками, чтобы избежать встреч с фашистскими патрулями, разъездами, которые то и дело рыскают в здешних местах.

Было начало октября, дул сильный, пронизывающий до костей, холодный ветер, моросил дождь. С трудом вытаскивали из липкой грязи ноги. Мальчики чувствовали себя бодрее, Люся подчас отставала, и Орлик хмурил брови:

— Говорил я тебе — не девчоночье это дело, а ты...

— Я ничего, Орлик, честное слово, ничего, — оправдывалась она, — просто немножечко устала. Идите-идите, я сейчас вас догону.

В первой же избе сердобольная хозяйка заохала и заохала, впустив в хату троих измученных дальней дорогой ребят.

— Входите, милые, входите, дорогие, — причитала она. — И куда же это несет вас по такой непогоде? Садитесь к печке поближе, отогрейтесь немножко, — приветливо пригласила она. — Голодные небось. Погодите чуток, сейчас бульбы наварю — покормлю.

Орлик рассказал, кто они, что заставило их идти к людям.

— Страсти-то какие! — всплеснула руками хозяйка. — Слыхали мы про детский дом в Быковщине. Говорили, уехали вы все на ту сторону к нашим.

— Пробовали, бабуля, не вышло, пришлось вернуться, — объяснил Орлик. И рассказал трагическую историю с эвакуацией и чем все это кончилось. -

Про все рассказал Орлик. Про то, как темной ночью обоз свернул не на ту просеку и попал прямо в лапы фашистов. Про дни и недели в лесах и болотах в поисках места, чтобы перейти линию фронта. И про то, что всюду наталкивались на заставы гитлеровцев и вынуждены были вернуться в Быковщину. И про ограбленный оккупантами детский дом. И про голод. И про холмики в лесу, на полянке...

— Ох, милые, ох, сердечные, — качала головой добрая женщина. — Сколько же горя пришлось вам перенести.

— Бабуся, мы из детского дома, — с трудом сказал Орлик. — Наверное, догадываетесь, зачем мы пришли.

— Ах, родненькие мои, сейчас соберу кое-чего, не обижу да кликну внучонка, пошлю по деревне, людей позовем, не отпустим вас с пустыми руками.

Местные жители душевно отнеслись к детям. Не так уж много времени понадобилось, чтобы заполнить котомки бульбой, кусками хлеба. Какой-то седой старик притащил даже четвертинку поросенка, а шустрый мальчуган сунул в Люсину сумку еще теплую буханку хлеба.

— Мать велела, только испекла, — сказал он.

Безмерно усталые, но счастливые, с богатой добычей возвратились ребята к вечеру в детский дом. И сразу же на кухню.

Тетя Маруся была тронута до слез и картошкой и хлебом. И, быть может, более всего ее взволновал подвиг ребят. Подумать только: в глубокую осень, в дождь, в слякоть отмахать столько километров по липкой грязи, по глухим лесным тропам, чтобы помочь гибнущим от голода малышам.

— Кормильцы вы мои дорогие! — обливала слезами каждый кусок тетя Маруся. — Где же это вы? Кто же это дал вам столько добра? Завтра уж такого супа наварю...

Весть о том, что Орлик, Люся и Петя принесли тете Марусе какие-то продукты, вызвала всеобщий восторг. На худых, изможденных лицах детей появилась давно исчезнувшая улыбка.

— Ты почему, Орлик, не сказал мне о том, что хочешь собрать пионерский сбор и начать поход в деревни? — спросила Оля.

— Я боялся.

— Чего же ты боялся?

— Что не разрешите, не пустите... Вы не сердитесь, тетя Оля. Мы же не для себя, для всех...

Нет. Оля не сердилась. И Зоя тоже. И Николай Станиславович не осудил благородного порыва Орлика и его товарищей, решивших своими собственными силами добывать хоть какую-то пищу для ребят, в которых едва-едва теплилась жизнь. Ведь старшие сами помышляли о том, чтобы послать детей за помощью — иного выхода тогда не было.

И в осеннюю слякоть, и в холодные зимние дни на дорогах, ведущих из Быковщины в окрестные селения, часто встречали малолетних оборвышей с котомками за плечами. Добрые люди делились последним с обездоленными детдомовцами, обреченными оккупантами на голодную смерть.

Но шли дни, недели. Миновала осень, отбушевали метели суровой зимы, и снова в Быковщине зазеленели деревья. Пришла весна сорок второго года. Фашисты отнимали у местных жителей хлеб, мясо, одежду, и маленькие просители возвращались из своих походов почти с пустыми котомками. Жить в детском доме с каждым днем становилось все труднее и труднее. Дети чахли от голода, болезней, от постоянного страха перед очередным налетом палачей с фашистской свастикой на руках. В аптечке не было даже самых немудреных лекарств. А в лесу на полянке вырастали свежие холмики, убранные зеленью и цветами.

4

— Только за одну последнюю неделю, — докладывал Комлев, — похоронили пятерых. Что будем делать, товарищ комбриг? — с каким-то даже отчаянием спросил он, ища у меня помощи и поддержки.

Мы должны, обязаны помочь детям, иначе и быть не может. Но как и чем помочь, я не мог сразу сказать.

— Поедем, посмотрим, посоветуемся.

Специально сформированная группа из отряда Комлева и я со своими провожатыми взяли курс на Быковщину.

Не доехав километров пятнадцать до детского дома, в деревне Поллодовичи, мы остановились на короткий отдых. Здесь должны были встретить Петра Тишкевича, сына Николая Станиславовича, начальника разведки в отряде Комлева. Тишкевич-младший отправился в Быковщину накануне, чтобы выяснить обстановку — не столкнемся ли мы в детском доме с гитлеровцами. Это совсем не входило в наши планы.

— Все в порядке, — доложил Петр Тишкевич, возвратившись к нам в

Полюдовичи. — Фашистов в Быковщине сейчас нет, можно идти спокойно. Но, — добавил он, — есть неприятное известие.

— А именно?

— Наши связисты доставили из тайника записку от буфетчицы Гали — вы ее знаете, она работает по нашему заданию в Полоцкой комендатуре. Она сообщает, что сегодня из Полоцка в Быковщину отправилась группа эсэсовцев на автомобиле марки «опель» и четырех мотоциклах. Фашисты затеяли, очевидно, какую-то «акцию» — зря ездить не будут.

Вот тебе и на! Как же быть? Тут было о чем подумать. Собрали на ходу нечто вроде военного совета: Комлев, Тишке-вич-младший, начальник штаба отряда Комлева Лубенников и я. Присели на бревне, размышляем, что делать? Идти все-таки в детский дом или подождать? Быть может, вообще отказаться от посещения Быковщины и вернуться восвояси? Этот вариант сразу же был отвергнут всеми участниками совещания.

— А что, товарищ комбриг, — предложил Комлев, — если мы устроим незванным гостям «дружескую» встречу на пути в Быковщину?

Эта идея показалась мне вполне приемлемой и резонной. Надо было продумать только, как ее осуществить с минимальным риском для наших бойцов.

Развернул карту, ищу дорогу, по которой следуют гитлеровцы... Вот она... Так... Чтобы попасть в Быковщину, надо обязательно преодолеть небольшую речушку Начу, неподалеку от Полюдовичей. Мостик здесь деревянный, ветхий. Мы тут же отправились к этому мостику и довольно быстро разобрали его. Фашистам волей-неволей придется повернуть обратно, и тогда...

Уничтожив мостик, мы разбились на две группы: одна с Комлевым расположилась в кювете вблизи шоссе, по которому должны ехать гитлеровцы, а я с несколькими бойцами занял удобную позицию на высотке, откуда можно обозревать поле боя и в случае необходимости прийти Комлеву на помощь.

Приготовились, ждем. Смотрю на часы, прислушиваюсь к тишине. И вдруг словно из-под земли донесся глухой гул... Еще несколько минут, и уже явственно слышится трескотня приближающихся машин. Едут! Да, Тишкевич-младший все доложил точно. «Опель-капитан» и четыре мотоцикла с колясками. Вот они подъезжают к мостику. Ехавший впереди резко затормозил, увидев покореженные и распиленные бревна и доски.

— Доннерветтер! — крикнул он и подал знак следовавшим за ним машинам остановиться.

Из «опеля» вышли два офицера и подошли к мостику.

— Цурюк, дурюк! — приказал один из них, видно старший по чипу.

Фашисты повернули обратно. Отплевываясь черным дымом, зафырчали моторы. Но далеко уехать эсэсовцам не пришлось. Группа Комлева открыла огонь из пулеметов и автоматов. Я дал команду своим бойцам обходить противника справа и слева, чтобы отрезать ему пути к отступлению.

Бой длился недолго. Партизаны открыли такой сильный и прицельный

огонь, что буквально в считанные минуты с эсэсовцами было покончено. В этой короткой схватке рейх недосчитался трех офицеров и девяти солдат, он потерял также четыре пулемета, шесть пистолетов, несколько автоматов и два портфеля с важными документами.

Радость победы была омрачена потерей чудесного товарища, коммуниста Кирилла Лукича Короткевича. Он первым со своим отделением бросился к мотоциклам и тут же упал, сраженный автоматной очередью.

В деревне Полюдовичи мы провели траурный митинг и с воинскими почестями похоронили нашего боевого друга.

Надо было спешить в Быковщину.

На месте разгрома мотоциклистов мы оставили засаду под командованием начальника штаба отряда Комлева Сергея Ивановича Лубенникова. Этот бывший военный фельдшер, смелый, находчивый, спокойный, как и надлежит быть сибиряку, таежному охотнику, уверенно действовал в самой сложной обстановке. Ему было поручено всячески отвлекать противника, если он вздумает пробираться к детскому дому. Забегая несколько вперед, скажу, что Лубенников блестяще выполнил поставленную перед ним задачу. Отряд карателей, пришедший вскоре по следам разгромленной группы, был встречен таким сильным огнем, что немногим удалось вернуться в Полоцк.

А тем временем...

5

Мы с Комлевым в сопровождении двух автоматчиков направились в детский дом.

В большой, почти совершенно пустой комнате нас встретил небольшого роста седоусый человек в изрядно поношенной курточке поверх сатиновой косоворотки, с печальными, усталыми глазами.

— Отец, — представил его Тишкевич-младший.

Мы познакомились.

— Здравствуйте, товарищи, — негромко приветствовал нас Николай Станиславович. — Здравствуйте, дорогие, — повторил он, крепко пожимая нам руки. И отвернулся. Человек, делавший революцию, коммунист с дооктябрьским стажем не мог сдерживать слез и как-то виновато улыбнулся. — Вы уж извините... Очень уж...

Он не мог договорить. Спазмы сжимали ему горло.

К нам подошла миловидная девушка с косой вокруг головы. Это была вожатая Ольга Разумович. Она была еще очень молода — ей только-только минуло двадцать два года, но выглядела она значительно старше своих лет. Тонкую белую кожу на исхудавшем лице избороздили мелкие морщинки, а большие голубые глаза заволокло туманом безмерной усталости и горя. Как потом я узнал, Ольга Разумович перед самой войной перешла на четвертый

курс Минского педагогического института, была неутомимой затейницей студенческих вечеринок, увлекалась спортом, самодеятельностью. После окончания института она мечтала посвятить себя детям. Когда началась война, она бежала из горящего Минска к родным в Быковщину и, как и многие ее сверстницы, искала свое место в жизни. И нашла его в детском доме. Здесь она помогла оставшимся без родителей ребятишкам пережить суровое время, страшную беду.

— Спасибо вам, — сказала она, — Вы даже представить себе не можете, как это здорово... Как это хорошо, что вы приехали, как это...— От волнения она никак не могла подобрать слова, чтобы поточнее выразить свои чувства. — Простите, что я...

— Ничего, Оля, ничего...

Признаться, я и сам с трудом преодолевал свое волнение.

— А вот и наша медицина, Зоя Михайлова, — представил нам Николай Станиславович худенькую блондинку в белом халате, вышедшую из соседней комнаты.

Я и Комлев поздоровались с Зоей.

— Ну как вы здесь живете? — невольно вырвалось у меня, хотя из рассказа Комлева и всей обстановки совершенно ясно было, как живут обитатели ограбленного фашистами детского дома.

— Пойдемте, посмотрите, — пригласил Тишкевич-старший.

Мы поднялись на второй этаж, в ребячьи спальни. В коридорах пусто. Дом, заполненный детворой, походил на мрачный склеп — ни слова, ни звука. Лишь изредка, словно из-под земли, доносился приглушенный стон и плач. Открываем дверь одной из комнат. На грязных матрасах, без подушек, одеял и простыней, а то и прямо на полу среди груды лохмотьев, сидели и лежали мальчики и девочки с восковыми землисто-темными лицами, тонкими высохшими ручками и запавшими глазами. При появлении Ольги и Зои лохмотья зашевелились.

— Тетя Оля, есть хочу! — заплакала девочка.

И, словно по команде, со всех сторон к ней присоединились и другие голоса:

— Есть, тетя Зоя, есть!..

Ольга скинула на меня растерянный взгляд, ища помощи, потом, повернувшись к детям, сказала:

— Потерпите еще немножечко... чуть-чуть, ладно?

К нам протянул руки мальчик с опухшим от голода, будто налитым водой, бледным лицом.

— А я совсем ходить не могу, — едва прошептал он.

И посмотрел на нас таким умоляющим взглядом, что я сам едва сдержал навстречивающиеся на глаза слезы.

— Тетя Зоя, поднесите меня к окошку, там веточки зеленые, — говорил мальчик лет шести-семи.

Зоя взяла его на руки и поднесла к окну. Глаза мальчика засияли, когда он коснулся руками стекла. Но вдруг он заплакал и склонился к Зоиному плечу:

— Спать хочу, тетя Зоя, спать.

Она положила его на матрас, укрыла какой-то мешковиной.

— Спи, Коленка, спи!..

— Тетя Зоя, — сказал он, — а Вайя и Петя все спят и спят. Мы их будим, а они спят.

— Спят? — в испуге прошептала Зоя, бросилась к Ване и Пете и, попробовав пульс, опустила голову. Она не хотела, чтобы дети прочли в ее глазах судьбу двух малышек. Потом она посмотрела на меня, и я все понял.

По дому нас сопровождал мальчик лет четырнадцати. Он едва передвигал ноги, но изо всех сил старался не отставать от взрослых.

— Ты бы прилег, Орлик, отдохнул, — останавливала его Ольга. — Устал ведь!

— Что вы, тетя Оля! Я знаете какой еще сильный. Ого!

И, желая показать свою силу, он пытался поднять с пола малыша, и вместе с ним рухнул на пол.

— Это я так... споткнулся, это не в счет, — оправдывался он. Гордость не позволяла ему признать свою слабость; перед посторонними людьми.

— Потом нас проводили в маленькую комнатку Ольги — ее кабинет и спальню, в которой не было ничего, кроме железной койки с таким же, как и у ребят, матрасом, маленького столика и табуретки. Николай Станиславович и его сын, Зоя и Ольга еще раз напомнили нам всю трагедию этого детского дома.

— Как же вы жили все это время?

— Как жили? — Ольга повторила мой вопрос, и, горько улыбнувшись, как-то непринужденно, совсем по-детски подняла на меня свои большие глаза и сказала: — Ну как жили... Сперва ребята постарше ходили по деревням, собирали милостыню... Это стыдно, конечно, но что делать, если речь шла о жизни и смерти... Принесут куски хлеба, немного картошки, ну и делим, на всех... А потом собирать стало нечего. В деревнях фашисты все забрали, там тоже голодают... А тут совсем недавно, вы, вероятно, знаете, к нам привезли из Полоцка еще сотню малышей, больных, немощных... В общем, беда, горе, — вздохнула Ольга. — Мало нам всего, чесотка еще одолевает. Белья нет, лекарств никаких...

Она замолчала ненадолго, потом продолжала:

— Когда Николай Павлович приехал к нам первый раз, — Ольга бросила в сторону Комлева благодарный взгляд, — он сразу же прислал нам немного муки, даже мяса и сала. Правда, — подтвердила она, хотя никто ей не возражал. — Но этого так мало, дети такие голодные... А их ведь у нас теперь, вместе с Полоцкими, около трехсот. Осталось около трехсот, — уточнила она, — а было...

Я слушал этот рассказ со щемящей болью в сердце. В свои двадцать девять лет я кое-что видел, кое-что испытал, будучи пограничником и особенно во время войны и партизанской жизни. Я видел зверства фашистов, смерть, горе, страх, сотни всяческих бед и несчастий. Но я не покривлю душой, если скажу, что все, что я видел в детском доме, оставило в моей памяти, быть может, самый неизгладимый след на всю жизнь.

Детдомовцы смотрели на нас с такой надеждой, с такой верой, что мы вернем им жизнь, солнце... Я не знал еще тогда, что делать, как быть, но одно знал твердо: надо добыть для детдома продукты, медикаменты, одежду. Где все это добыть, я не знал, но был убежден, что добыть это надо во что бы то ни стало. Положение осложнялось тем, что и бригада наша жила в то время более чем скудно. Несколько месяцев боев с карателями изрядно вымотали и наши силы, и наши материальные ресурсы. Кое-какие запасы, сделанные зимою, иссякли. А из некоторых подпольных баз мы не успели вывезти продукты во время вынужденных переходов с места на место.

Прощались мы со своими новыми друзьями, с грустью и надеждой на лучшее будущее. Эту надежду мы пытались оставить и в сердцах Николая Станиславовича, Ольги и Зои.

6

Вернувшись в штаб бригады, я в тот же день собрал своих товарищей — комиссара Глезина, начальника штаба Кривского, начальника разведки Корабельникова, чтобы посоветоваться, что делать, чем можно помочь обреченным на голодную смерть детям.

Разговор в штабе был довольно бурным. Все соглашались, что помочь мы, безусловно, должны, но как, какими путями и средствами — тут возникли разные мнения и предложения.

— Давайте ребят постарше заберем к себе и распределим их по отрядам, — предложил начальник штаба. — Из мальчишек получаются неплохие бойцы и даже разведчики. Так, Павел Алексеевич?

— Так-то так, — ответил Корабельников. — Ну, а как быть с девочками, с малышами? Ведь их тоже надо спасать.

— М-да, — задумчиво произнес комиссар, — Старших заберем, а маленьких оставим на произвол фашистов?

Слушая своих товарищей, я все больше убеждался, что нам предстоит решать сложную задачу. Допустим, старших мальчишек вывезем, разошлем по отрядам. Ну, а куда девать малышей, девочек? Попытаться разместить их у местных жителей? Но имеем ли мы моральное право навязывать людям больных, немощных, отощавших ребят, когда им самим нечего есть, у них свои голодные дети, они сами живут под постоянной угрозой налетов карателей, часто вынуждены покидать свои дома, прятаться в лесах. Быть

может, всех детдомовцев забрать к себе в отряды? Нет, суровая партизанская жизнь не для малышей. Приходится и наступать, и отступать. Идти ночью и днем по лесам, по болотам...

На этом совещании присутствовали и командиры отрядов, приехавшие в штаб бригады по своим делам. Они тоже приняли участие в разговоре о судьбе детского дома. Кто-то из них заметил, что брать на себя полное шефство над ребятами, мы не можем — у нас есть свои более важные проблемы.

Тут мне пришлось напомнить указание Москвы: «Спасение детей считайте своей боевой задачей» ...

«Боевой задачей» ...

После долгой дискуссии мы пришли к единодушному выводу: поручить опеку над детским домом одному из наших отрядов и считать его важнейшей боевой задачей — спасение ребят.

Выбор пал на отряд Комлева. Комлев уже дважды бывал в Быковщине, его отряд базируется сравнительно недалеко от детского дома. Начальником разведки у него сын Николая Станиславовича — Петр Тишкевич. Тишкевич-младший имел связь с отцом, и это, разумеется, тоже было немаловажным обстоятельством. Да и сам Николай Павлович Комлев охотно взял на себя такое боевое поручение.

7

Весть о трагическом положении детского дома в Быковщине быстро разлетелась по всему партизанскому лагерю «Неуловимых». От командиров, комиссаров, разведчиков, интендантов, медицинских сестер, рядовых бойцов стали поступать просьбы, заявления — письменные и устные — «разрешите и мне помочь детям, выполню любое задание».

— Позвольте, товарищ комбриг, — в дверь моей землянки заглянула наш военфельдшер Александра Павлюченкова.

— Пожалуйста, входите.

р— Очень хочу побывать в Быковщине, может, хоть что-нибудь сделаю для ребят. Болеют, говорят, чесотка замучила.

— Ну что ж, дело хорошее.

Порыв военфельдшера совпал и с моим желанием как можно скорее оказать детскому дому медицинскую помощь.

— Но вы же просились на «железку», — вспомнил я.— Вас включили в группу Александра Дюжина.

— Знаю, спасибо. Но я думаю, что вполне можно совместить эти две операции, — сказала Павлюченкова. — Наш путь лежит совсем недалеко от Быковщины. Если позволите...

Предложение военфельдшера было вполне резонным. Я посоветовал ей воспользоваться остановкой группы на отдых в соседней деревне, навестить

детский дом, оставить там медикаменты — мазь от чесотки, марганцовку, бинты, вату, — а затем вернуться к своим и продолжать путь на «железку». Само собой понятно, что Дюжин с товарищами должны позаботиться о том, чтобы уберечь Павлюченкову от возможной встречи с гитлеровцами.

Несмотря на свои юные годы — ей было немногим больше двадцати лет — Александра Павлюченкова успела уже многое изведать и испытать. Комсомолкой она ушла добровольцем на фронт. Организовали чекистскую группу для перехода в тыл врага — она попросилась в эту группу и вместе с нами перешла линию фронта. Она выносила с поля боя раненых, сутками не отходила от них, когда угрожала опасность. В периоды некоторого затишья на партизанских тропах ходила по деревням, лечила людей. А то выпросит у командования разрешение пойти с группой разведчиков и подрывников на «железку» — так партизаны называли для краткости диверсии на железных дорогах — и вместе с парнями тащит на своей спине автомат, а за поясом гранаты. Одним словом, наша Саня, как любовно звали ее бойцы, прошла полный курс суровой партизанской жизни.

Группа подрывников во главе с начальником штаба штабного отряда Александром Дюжиным собиралась в очень ответственный поход — надо было испытать новый способ крушения вражеских поездов. Мы решили провести эксперимент в отдаленном от нашей базы районе, где партизаны бывали не так часто и гитлеровцы чувствовали себя более или менее спокойно.

Здесь мне хочется рассказать чуть-чуть о некоторых наших средствах борьбы с оккупантами на «железках».

В первые месяцы в тылу врага мы взрывали фашистские эшелоны только одним способом. Головной заряд закладывался в небольшое углубление под рельсом, в заряд вставлялся механический взрыватель с капсулой и предохранительной чекой, и чека эта соединялась со шнуром длиной не менее пятидесяти метров. Подрывник отползал от железнодорожного полотна на длину шнура и ждал поезда. Выдернуть предохранительную чеку — то есть произвести взрыв — полагалось в тот момент, когда поезд вплотную подойдет к заряду. От взрыва под паровозом образуется воронка. Локомотив как бы ныряет в нее, останавливается или перевертывается, вагоны налезают друг на друга и падают под откос.

Стремясь предотвратить диверсии, гитлеровцы стали посылать впереди поездов дрезины с саперами. Обнаружив заряд, они вынимали его, перерезали шнуры, и следовавшие вслед за дрезинами поезда проходили благополучно.

Наши бойцы попробовали применять такие заряды, которые взрывались только под тяжестью паровоза. Новый способ давал хороший эффект — немало фашистских поездов с войсками и военной техникой не дошли до назначения. Тогда гитлеровцы стали пускать перед паровозами одну-две платформы, нагруженные камнями, — весили они примерно столько же,

сколько и локомотив. Платформы взрывались, а паровоз и вагоны часто оставались невредимыми, особенно если эшелоны шли с небольшой скоростью.

Подрывники «Неуловимых» решили перехитрить врага. Они, предложили прикреплять предохранительную чеку взрывателя к вертикально стоящей палочке строго определенной высоты. Расчет простой: колесные оси платформ выше паровозных — поэтому платформы, идущие впереди локомотива, не заденут палочку, и взрыва не произойдет. Паровозная же ось обязательно сойдет эту палочку, тем самым выдернет чеку из взрывателя, и успех операции будет обеспечен.

Вот этот-то новый способ и должен был испытать на деле Александр Дюжин со своей пятеркой отважных, в числе которых была и Павлюченкова.

...Оставалось еще одно, и, пожалуй, самое важное. Надо было продумать, под каким предлогом Сане лучше всего прийти в детский дом, чтобы не вызывать ненужных разговоров, подозрений. Партизанский медицинский работник? Не годится. Совсем ни к чему афишировать нашу связь с ребятишками. Это может навлечь беду на детский дом и вызвать повышенный интерес карателей к нам — тоже мало радости. Необходимо, как говорят чекисты, «слегдировать» визит Павлюченковой к детям.

— Подробную инструкцию вам даст Павел Алексеевич Корабельников, — сказал я на прощание Павлюченковой. — Я с ним обо всем договорюсь.

— Садись, Саня, садись и слушай, — сказал начальник разведки, напутствуя ее в путь-дорогу. — Ты, разумеется, не военфельдшер, а обычная деревенская девчонка. Живешь в деревне Булавки и идешь в Быковщину навещать свою тетку.

— Какую тетку? — Саня удивленно вскинула брови.

— Ну как ж¹!. В детском доме у тебя есть тетка. Я забыл сейчас, как ее зовут, но что она есть — это точно. Вот тебе справка за подписью и печатью. На всякий случай. Может, пригодится. Вере Сушкевич разрешается навещать тетку в Быковщине. Спрячь понадежнее.

— Понимаю, Павел Алексеевич, все понимаю, — кивнула Саня, пряча справку в карман.

— Не забудь только вынуть эту бумажку, когда будешь переодеваться для свидания с тетушкой, — предупредил Корабельников.

— А зачем мне переодеваться?

— Ну как же! Не придет же деревенская девчонка в гости к тетке с автоматом и гранатами и в такой форме, как ты думаешь? — объяснил Павел Алексеевич. — Ну вот. Все свои доспехи оставишь у Дюжина, а сама — юбочку, кофточку, платок на голову — и пошла. Ясно? И еще вот что запомни. На перекрестке, ведущем от шоссеиной дороги из Ветрино на

проселочную дорогу к детскому дому, тебя встретит начальник разведки комлевского отряда Петр Тишкевич, или, как мы его называем, Тишкевич-младший. Слышала о таком? Хорошо! Он тебя и проводит в детский дом к тетке. Медикаментов прихвати сколько возможно. И будь осторожна. У тетки не очень задерживайся и поскорее возвращайся к своим. Дюжин с ребятами тебя подождут — он полностью в курсе дела. Счастливого пути.

И на прощание крепко пожал ей руку.

Тишкевич-младший нашел, в тайнике—«почтовом ящике»— записку: «Срочно приготовьте тетю. Племянница прибудет с особым поручением. Встречайте где положено. Корабельников».

Записка довольно странная: как это «приготовить тетю»? Из чего ее готовить? Но для разведчика подобная абракадабра звучит совершенно нормально и имеет вполне точный смысл. Придет девушка по какому-то важному делу, и, чтобы ее визит ни у кого не вызывал чрезмерного интереса, нужен какой-то невинный предлог — племянница навещает родную тетку; все логично, резонно — ничего особенного.

Тетя так тетя. Есть приготовить тетю!

В детском доме были две кандидатуры: баба Дуся и повариха Мария Гавриловна. Которую же из двух? Баба Дуся, пожалуй, слишком стара для тети, скорее, ей подошла бы роль бабушки, а вот Мария Гавриловна и по возрасту, и по стати натуральная тетушка.

И Петр Тишкевич, пришедший в детдом навестить своего отца, занялся приготовлением «тети» для предстоящего свидания с «племянницей».

— Мария Гавриловна! — окликнул он повариху, войдя в кухню.

Повариха раздумывала, склонившись над кулечком пшена и кастрюлей картошки, как накормить детей.

— А, Петя, заходи, милый, заходи.

— Дело у меня к вам, Мария Гавриловна, большое дело, — сказал он.

— Ко мне? Да еще большое? — удивилась повариха. — Ну что такое, говори.

— К вам скоро приедет племянница.

— Что ты, милый, какая там племянница?! — отмахнулась Мария Гавриловна. — У меня в целом свете никого нет. Одна я, а ты — племянница.

— Это-то я знаю, что никого у вас нет, — сказал Тишкевич-младший. — Только так надо, понимаете?

И тут же объяснил, что придет медсестра с медикаментами и никто не должен об этом знать. Приходится иногда сочинять родственников, чтобы скрыть от окружающих истинную цель нежданного гостя.

— Ах, вот оно что! — внимательно выслушав Петра Тишкевича, согласно кивала Мария Гавриловна. — Ну-ну, сынок, ну-ну... Племянница так племянница. Встречу, как подобает, ты уж не беспокойся.

Мария Гавриловна встретила свою «племянницу» действительно по-

родственному. Она крепко обняла ее, расцеловала трижды, усадила в кухне на табуретке и угостила чайком.

— Как же давно мы с тобой не виделись, — хлопотала она вокруг своей гостьи. — Была, помню, совсем махонькая, а теперь, гляди, какая красавица выросла. Ну как там мать с отцом поживают? Сестренки с братишками? Степа небось в школу уже пошел?

Фантазия Марии Гавриловны оказалась неисчерпаемой. Она без конца осыпала «племянницу» вопросами на семейные темы, справлялась о благополучии и здравии дяди Никифора и тети Акулины, сватов Василия Ермолаевича и Игнатия Семеновича, дедушки Афанасия.

И Саня исправно отвечала ей на все вопросы без всякого смущения и запинки:

— Отец с матерью? Ничего. Мать прихворнула недавно — кашель замучил, теперь поправляется. Отец уехал на лесозаготовки, а у дедушки Афанасия фашисты увели телку... Да, Степа должен был еще в том году пойти в школу, но идти некуда, школу сожгли.

Через несколько дней, приехав к нам в штаб, Тишкевич- младший рассказывал, что «тетя» с «племянницей» очень быстро нашли общий язык. Если наблюдать их встречу со стороны, никак нельзя было предположить, что эти «родственники» виделись впервые в жизни и ничего общего, кроме лютой ненависти к фашистам, не имеют. До чего все естественно и просто!

Визит Сани Павлюченковой в детский дом положил доброе начало систематической помощи «Неуловимых». Доставленные ею медикаменты облегчили самочувствие детей, страдавших от тяжелой, изнурительной болезни.

Навестив «тетю», Саня вернулась к группе Дюжина и вместе с нею отправилась на «железку» в дальний путь.

Прошла неделя, вторая... Мы очень волновались и за людей, и за исход эксперимента. На девятнадцатые сутки группа возвратилась в лагерь. Подрывники прошли по вражеским тылам более двухсот километров, обходя фашистские гарнизоны, вступая в стычки с полицейскими бандами, бродившими по лесам в поисках партизан.

— Все в порядке, товарищ комбриг, — доложил Дюжин. — «Волшебная палочка» сработала как надо. Эшелон с предохранительной платформой свалился под откос.

Глава четвертая

1

Ну, товарищи, большое дело нам доверили,— сказал Комлев, собрав в командирской землянке своих боевых товарищей и друзей. И рассказал про детский дом в Быковщине. — Давайте подумаем, с чего начинать будем. Да чтобы о нашей помощи никто ничего не знал.

Все на минуту задумались. Наступила тишина. Каждый, видно, пытался найти наиболее подходящие формы этого шефства, и никто пока их не находил.

Тишину нарушил глуховатый басок Николая Белоусова. Бывший учитель, большой любитель поэзии, знал множество стихотворений поэтов самых разных эпох и народов наизусть и часто цитировал любимые строки, имеющие отношение к предмету разговора.

Вот и сейчас:

Чтоб земля горячая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взшла,
Чтобы в этом крохотном
Теле навсегда
Пела наша молодость,

Как весной вода.

— Верно, Белоус, — одобрительно кивнул Тишкевич-младший. — Золотые твои слова. Только чтобы взошла юность и запела молодость, надо эту юность подкормить, очень уж она отошала, наша юность — кожа да кости.

— А вот на сей счет попросим высказаться нашего министра по делам снабжения, — обратился Комлев к сидевшему чуть в стороне на чурбаке молодому человеку с каштановыми усиками и в вышитой серебром тибетейке.

Это был Кузьма Янченков — завхоз отряда, совмещавший по мере надобности добрый десяток самых разнообразных должностей. Он доставал продукты, ходил в разведку, взрывал поезда и мосты, доил коров, когда удавалось отбить их у фашистов, с успехом заменял и повара — дядю Васю, если тому удавалось выклянчить у командира разрешение поразмять свои кости в разведке или на диверсии.

Старший сержант Янченков, как и многие другие партизаны, побывал на фронте, попал в окружение, потом в лагерь для военнопленных. Тяжелая болезнь. Госпиталь. И вот отсюда, из госпиталя, его освободила наша разведчица — подпольщица Анна Смирнова, учительница, действовавшая в тылу врага под видом прислуги госпитального счетовода.

— Ну, что скажет Кузьма? — повторил Комлев.

Янченков раздумчиво закрутил козью ножку и, затянувшись горьким дымом махорки, перемешанной с сухими листьями, как бы нехотя сказал.

— Кормить ребят — доброе дело. Но чем кормить будем? — вот вопрос. У меня на складе есть, правда, мешок муки — раз, — он загнул один палец, — два мешка бульбы — два, — второй палец пошел вслед за первым, — три килограмма сахара — три, чай, кофе ноль-ноль. Все. — Он разогнул пальцы и ладонями стряхнул с них приставшие крошки табачной смеси. — Отдать ребятам? Можно, конечно. А надолго ли хватит? Чем тогда кормить своих партизан? Тут что-то другое требуется, надо сообразить, — рассуждал Кузьма.

И тут поднялся во весь свой гигантский рост старший группы разведчиков и подрывников: Хаджи-Батыр Бодоев.

— Позвольте, товарищ командир, предложение.

— Давай, Хаджи-Батыр.

— Есть тут недалеко местечко Луначарское. А там в полициях мой хороший друг, Николай Грибков. Большую помощь он нам оказывает, понимаешь. Так вот: рассказывал он мне, что тамошние полицаи награбили у людей столько добра, что его хватит детдому на целый год. Там не только мука и бульба, но и коровы — детишкам молочко очень даже подойдет. И швейных машин полным-полно, фабрику, понимаешь, открывать можно. Наведаться бы туда, товарищ командир, как вы думаете?

— Это интересно, Хаджи-Батыр, — согласился Комлев. —

Заглянуть бы, конечно, не худо, но...

Тут было о чем подумать. И не только подумать, но и провести солидную подготовку.

Дело в том, что в Луначарском размещались фашистское подразделение и банда полицейских во главе с предателем Петушкевичем, известным во всем районе грабителем и убийцей. «Наведаться» туда, как предлагал Хаджи-Батыр, было совсем не просто — дерзкая, рискованная операция.

— Ну что ж, — сказал Комлев. — Начальнику штаба Лубенникову и начальнику разведки Тишкевичу изучить обстановку и приступить к подготовке.

2

Через несколько часов по направлению к Луначарскому тощая лошаденка тащила скрипучую телегу, на которой сидели свесив ноги четверо мужиков с пилами и топорами в руках. В случае чего, «едем на заготовку леса для немецкой комендатуры». Документы? Битте-дритте. У старшего бригады — а это был Хаджи-Батыр Бодоев — надежный аусвайс на всех четверых за подписью и печатью самого уездного бургомистра.

Не доезжая до местечка, Бодоев со своими друзьями-«лесозаготовителями» щедро расплатился с возницей — пачка махорки и буханка хлеба — шутка ли в те голодные времена! — и углубился в лес. Там в заброшенной землянке партизаны проводили свои конспиративные встречи. А сегодня здесь Хаджи-Батыр должен был увидеться со своим другом и подшефным Николаем Грибковым, служившим по заданию командования «Неуловимых» в полицейском гарнизоне местечка Луначарское.

Николай Грибков...

Вот и сейчас, спустя тридцать с лишним лет, стоит перед моими глазами этот бледный, худой парень с воспаленными от бессонницы глазами, в потрепанном ватнике, валенках с дырками, заткнутыми пучками соломы. Переступая с ноги на ногу, он просит поверить его искренности, что он никакой не немецкий шпион, а всамделишный советский командир, бежавший после долгих мытарств из фашистского лагеря смерти.

— Как бежал? Каким образом?

— Дивчина одна спасла.

И рассказал такую историю.

В лагере он заболел, и его поместили в лазарет. Отсюда его вывела на волю черным ходом санитарка тетя Феня. Другая добрая душа, учительница Бронислава Бубнова, работавшая в немецком заготовительном ларьке, добыла для него рабочую спецовку. В сторожевой будке он снял больничный халат и переделся. Здесь его поджидала миловидная блондинка.

— Теперь пошли, — торопила она.

— Куда?

— Не бойся, идем.

Она привела парня в подвал какого-то полуразрушенного снарядом дома.

— Сиди, дождайся, я скоро приду. Оправишься немного от болезни, скажу тебе, как выйти из города, чтобы снова не попасть в лапы к фашистам.

Несколько дней девушка приносила ему то кусок хлеба, то немного вареной бульбы или пшенной каши. Но вот однажды она прибежала бледная, взволнованная и велела ему срочно уходить—ее выследили. Глухими переулками, проходными дворами, переплыв речку, пробрался он за город в чисто поле, потом лесом, болотами стал искать путь к партизанам. Его задержала засада нашего штабного отряда и привела ко мне в землянку.

— Садитесь, — предложил я, указав на стоявший напротив меня у стола пенек.

— Ничего, постою, — едва выговорил он. — Впрочем, если позволите,— несмело попросил парень,— я к печке поближе, замерз очень. Холодище адский...— Он зябко повел плечами и зажал ладонью рот, пытаясь хоть немного унять пляшущие во рту зубы.

Он присел на корточки к печурке, приоткрыл дверцу, протянул руки к тлеющей головешке и сразу как-то ожил; на бледном лице появился даже легкий румянец.

— Ну, вот и порядок, — с облегчением вздохнул он, потирая застывшие пальцы. — Теперь и умирать не надо. Думал, не доберусь... А у меня дочка... Маринка — как же ей без отца?..

В его голосе было столько ласки и нежности к своей маленькой Маринке, что мне, да, кажется, и сидевшему рядом Корабельникову захотелось выбросить из головы всякие подозрения — а не подослан ли этот парень гитлеровцами с провокационной целью.

Он рассказал о фронте, об окружении под Смоленском, о лагере и о светловолосой девушке, которая вывела его из лагеря на волю.

Возможно, что какая-то добросердечная дивчина действительно помогла ему вырваться из плена, но не исключено, что этот человек прошел хорошую школу в гитлеровской разведке. Как же с ним поступить?

Мы пригласили к себе нашего боевого разведчика Хаджи- Батыева — ему не впервые «осваивать» новичков — и поручили взять под свое наблюдение этого парня и присматривать за ним.

Сперва Николая Грибкова послали на кухню помогать повару Зыбкину из очень скромных запасов продовольствия готовить мало-мальски съедобную и сытную пищу. Это было трудно и сложно. При всей своей пылкой фантазии и изобретательности Зыбкину не удавалось разнообразить меню, но все же он умудрялся как-то накормить бойцов и выдавать им кое-что в дорогу, когда они отправлялись на «железку».

— Так-с, так-с, — говорил он часто своему новому помощнику. — Что у нас сегодня — отбивные? Суп с клецками? Клюквенный кисель со сметаной? Давай, давай, Коля, вкальвай.

И хотя отбивные оборачивались оладьями из мороженой картошки, а суп с клецками — незатейливой похлебкой из отрубей, приправленной перцем и жареным луком, Зыбкин не унывал. В самые тревожные минуты нелегкой партизанской жизни он находил бодрое, озорное слово, веселую шутку, чтобы скрасить свое более чем скромное меню, которым потчевал бойцов.

— Вы, ребята, не обижайтесь, — говорил повар выстроившимся с котелками в очередь к полевой кухне партизанам, — Черной икорки нынче не подвезли — затруднения с транспортом, сами знаете, так что без закусочки придется обойтись. А отбивные зато по-киевски и суп с клецками по-польски пальчики оближете...

Грибкову нравился этот добродушный, улыбчивый мальчик, и он исправно выполнял все его поручения: чистил картошку, пилил и колол дрова, добывал воду. Именно добывал. Из снега. Колодца не было, рыть его в мерзлом грунте — дело безнадежное, да и кто знает долго ли придется жить в этих местах. Нагрянут каратели — надо будет уходить, искать новое пристанище. Единственное, что угнетало Грибкова, — это то, что ему не доверяют оружия, не посылают на боевые задания.

«Испытывают, проверяют, — с огорчением думал он. — Ну что ж, правильно, пожалуй...»

...Прошла зима. И вот наконец весной радостная встреча с той самой девушкой, которая освободила его из лагеря и помогла найти путь к партизанам. Она оказалась одной из самых бесстрашных разведчиц недавно организованного отряда нашей бригады — Александрой Вайнонен. Шура пришла к нам в штаб с особым поручением командира отряда Корнилова, встретила здесь своего знакомого, и это окончательно сняло с Грибкова всякие подозрения.

— Ну, дорогой, поздравляю. Поздравляю, дорогой, — горячо пожимал ему руку Хаджи-Батыр. — Полный порядок в жизни, дорогой. Завтра мы отправляемся с тобой на одно важное дело.

Они вышли из землянки покурить и, присев на бревно, завернули самокрутки. Был тихий, теплый вечер. Где-то радовались приходу весны прилетевшие из дальних краев птицы. Только-только распустившиеся листья деревьев трепетали на легком ветру, таинственно перешептываясь между собой. И ничто будто не напоминало о том, что, быть может, совсем близко рыщут каратели, готовые обрушить на лагерь шквал огня и смерти.

— И что такое, понимаешь? — философствовал Хаджи-Батыр. — Почему людям не спится, не ложится, один другого за глотку берет? Посмотри, какая красота кругом. Песни бы только петь... И мы с тобой завтра пойдем не на свадьбу...

— А какая свадьба у меня была! — вспомнил Грибков. — Комсомольская. Во Дворце культуры. А дворец у нас не хуже Большого

театра.

— Сам-то ты откуда?

С Волги я, из Куйбышева. Работал на строительстве монтером. Приехали к нам девчата с Кубани. Одна другой лучше. Вхожу как-то в управление, смотрю, стоит такая красотка в синем берете, глаза — вишни спелые, громадные такие вишни, нет не вишни, а сливы — так и горят. Кожа белая, румянец во все щеки. Попробовал заговорить с нею — злющая до невозможности. Вот, подумал я, разнесчастный тот будет человек, кто женится на ней.

— Сам, наверное, и женился?

— Точно.

— Здорово, понимаешь! — расхохотался Хаджи-Батыр.

— Ну и свадьбу сыграли во Дворце культуры, — продолжал Грибков. — Подарки, музыка, ключи от однокомнатной квартиры — оба ударники, стажановцы.

— А потом?

— Что потом? Ворох счастья: родилась Маринка.

И Грибков улыбнулся так, что, казалось, в одном этом имени слились для него все радости, какие только способна подарить человеку жизнь.

— Вот за твою Маринку, понимаешь, мы и пойдем с тобой завтра на «железку» палочку ставить, — сказал в раздумье Хаджи-Батыр.

— Это какую же такую палочку? — поинтересовался Грибков.

— Важную, понимаешь, палочку, — пояснил Бодоев. — Ее у нас называют волшебной, хотя никакого волшебства здесь, конечно, нет. Только от палочки этой летят на воздух целые поезда с пушками, танками, фашистами. Понимаешь? Я тебе потом всю эту технику расскажу... И все за твою Маринку, за всех Маринок на земле.

— И у тебя тоже есть дочка? — спросил Грибков.

— Нет, — вздохнул Бодоев.

Наступила короткая пауза.

— Послушай, друг, — нарушил тишину Хаджи-Батыр. — Ты не знаешь, что такое, понимаешь?.. Любишь девушку — поцеловать стыдно, не любишь — пожалуйста, целуй сколько угодно — и ничего. Почему так, как ты думаешь?

— Ну что тебе сказать, — неуверенно ответил Грибков. — Наверное, брат, чистая психология. Наука есть такая — от нее вся эта волынка и идет...

Из-за леса, как бы крадучись, выплыла черная тучка и заслонила собою лунный свет. Внезапно наступившую темноту пронзили зеленые огоньки.

— Ракеты! — сказал Хаджи-Батыр.

— Какие? Откуда?

— Это наши ребята салютуют самолету из Москвы, показывают посадочную площадку. Подарки нам везут, боеприпасы. А может, и весточку из дому. Эх, хорошо бы весточку!

— А ты сам откуда?

— Из-под самого Казбеги, — с гордостью ответил Хаджи-Батыр.
— Орджоникидзе город слышал?

— Как не слышать! Мы оттуда цветные металлы получали.

— Красавец город! — восторженно продолжал Бодоев. — Посередине города Терек бежит. Так сильно бежит, шумит, сердится — а тебе не страшно. Сидишь в парке на лавочке — перед глазами Терек, а поднимешь голову, и прямо над тобой висит Казбеги. Могучий такой, седой Казбеги, понимаешь?

И Хаджи-Батыр мечтательно затаился самокруткой...

За свою Маринку и за всех других Маринок на земле Грибкову довелось биться не только «волшебными палочками», но и... мундиром полицаю. Когда Бодоева перевели в отряд Комлева, он взял с собой и своего нового друга. Командир отряда предложил Грибкову для пользы дела пойти в услужение к гитлеровцам, и он стал полицаем в фашистском гарнизоне в местечке Луначарском.

Не одна группа фашистов была разгромлена «Неуловимыми» благодаря информации Грибкова. И не один обоз с провиантом и вооружением перехватили партизаны.

3

...В лесу звонко пел соловей. Через минуту ему стал вторить другой. Этот соловьиный дуэт, разносившийся далеким эхом в лесной тишине, продолжался до тех пор, пока у заброшенной землянки не встретились два добрых друга — один в поношенной одежонке, а другой — в мундире полицаю. Они по-братски обнялись, аккуратно разгребли листья и ветки, прикрывавшие вход в землянку, и скрылись в своей конспиративной квартире.

— Ну как дела, полицаи? — ухмыльнулся Бодоев.

— Да вот... служим, — ответил Грибков. — Хайль Гитлер, будь он проклят! Послушай, Хаджи-Батыр, ты мне друг?

— А ты в этом сомневаешься?

— Помоги мне поскорее снять этот чертов мундир и вернуться в отряд. До смерти надоела моя собачья должность. Хочу со своими ребятами на «железку», куда угодно...

— Теперь как раз не время, дорогой, — прервал его Бодоев. — Есть серьезное дело, Коля, очень серьезное, — повторил он. — И ты, как полицаи, должен сыграть в этом деле самую, понимаешь, главную роль.

— А что такое? — насторожился Грибков.

г- Помнишь, дорогой, мы с тобой как-то говорили о твоей Маринке, о всех Маринках на земле?

— Как не помнить!

И Хаджи-Батыр рассказал своему другу трагическую историю детского дома в Быковщине.

— А что я могу, говори. Для ребятешек жизни не пожалею! — горячо воскликнул Грибков. — Что делать надо?

— Погоди, дорогой, не торопись. Тут дело, понимаешь, тонкое...

Скажи, Коля, много ли полицаев и гитлеровцев в Луначарском?

— Не очень.

— А все-таки? Говорят, ваши полицаи с фашистами припрятали порядком всякого награбленного добра. Верно это?

— Точно, — уверенно ответил Грибков.

— Понимаешь, к чему я про это спрашиваю?

— Начинаю догадываться.

— Так вот, Коля: проверить бы все надо, уточнить. И сколько у вас полицаев с гитлеровцами, и где у них все припрятано, понимаешь?

— Все понятно, Хаджи-Батыр.

И друзья договорились, что ровно через неделю в определенный час снова в здешних местах будут петь соловьи.

И соловей запел. Он пел весело, задорно, как бы радуясь теплоте, ясному летнему дню, легкому ветерку, шаловливо заигрывавшему с листвою деревьев. И в тон ему ответил другой соловьиный голос, такой же веселый и задорный.

Друзья встретились вновь.

— Все разузнал, все разведал, — сказал Грибков. — В гарнизоне у нас сорок человек. Погребов, амбаров и сундуки начальника полиции Петушкевича и его ближайших помощников набиты всяким добром — хлебом, бульбой, салом, мануфактурой, даже швейными машинами.

— Ясно, — кивнул Бодоев.

Свой краткий отчет Грибков закончил напоминанием о том, что по субботам вечером полицаев часто навещают гости из соседнего гитлеровского гарнизона. Они привозят с собой шнапс и устраивают попойки.

— Это неплохо, совсем неплохо, — размышлял Хаджи-Батыр. — Надо бы только всех угостить как следует на сон грядущий.

Бабка Ефросинья обещала сварить самогона, если понадобится, — сказал Грибков, — Я с ней уже договорился.

— Отлично, Коля! — Хаджи-Батыр остался доволен своим «полицаем». — Все будет доложено командованию. Жди дальнейших указаний.

Отряд Комлева деятельно готовился к походу на Луначарское. Распределялись обязанности, вырабатывались тактические приемы, проверялось оружие, готовились боеприпасы. Решено было, что боевая группа под общим командованием начальника штаба отряда Лубенникова будет состоять из пятидесяти человек. Группу эту разбили на две части, и их командирами назначили Хаджи-Батыра Бодоева и Ивана Верхогляда — боевого бесстрашного партизана, отличавшегося, казалось, неисчислимым запасом энергии, мужества, юмора, ни при каких обстоятельствах не падающего духом отважного разведчика.

Сам Комлев с большой группой бойцов займет позицию в небольшой рощице на окраине местечка, чтобы в случае необходимости прийти на помощь товарищам.

Все как будто продумано, подготовлено, предусмотрено.

— Полный порядок, товарищ комбриг, — доложил Комлев,

приехав в штаб бригады, чтобы получить «добро» на визит в Луначарское.

Но тут выяснилось, что учтено и предусмотрено далеко не все. И самое главное...

— А что вы будете делать, если на помощь Луначарскому гарнизону нагрянут мотоциклисты из соседнего гарнизона? — спросил начальник штаба, Алексей Николаевич Кривский.

Это был не праздный вопрос. Неподалеку, в местечке Яновичи, находился охранный батальон гитлеровцев. Узнав о налете партизан на Луначарское, они, несомненно, помчатся на выручку. Нужно, видимо, как-то предусмотреть подобную ситуацию. А как предусмотреть?

И тут перед нами встала такая задача: или отказаться от налета на Луначарское, или парализовать Яновический гарнизон. Иного выхода не было. Но отказаться от операции — значило, быть может, надолго оставить голодных ребятишек в детском доме без всякой помощи и поддержки. Локализовать соседний гарнизон — дело совсем не простое и не легкое. Да, это не легко и не просто, но вполне возможно.

Прежде всего надо было уточнить личный состав гарнизона в Яновичах, его вооружение, внутренний распорядок, размещение постов, расположение казарм и прочее. Короче говоря, нужна была довольно обстоятельная информация.

— А кто там у нас в Яновичах? — спросил комиссар.

— К сожалению, пока никого, — развел руками Корабельников, — Есть кое-кто на примете, подбираем... Кстати, к нам сейчас прибыл по делам Иван Васильевич Якимов. Его отряд расположен поблизости от Яновичей, и он, по-моему, кое-что знает об этом районе.

— Насчет Яновичей? — сказал Якимов, когда его пригласили к нам в штаб. — Бывает там частенько один шустрый мальчишка, негласно как бы приписанный к нашему отряду. Судя по его делам, он вполне может быть полезен.

fb Мальчишка? А что это за мальчишка?..

4

В ясный, безоблачный день апреля сорок второго года, когда под лучами весеннего солнца торопливо таял снег и говорливые ручейки весело бежали с холмов и пригорков, на улицах местечка Яновичи появилась странная процессия. Трое мальчишек лет десяти — двенадцати с палками на плечах под водительством такого же, быть может, чуть постарше сорванца бодро шагали по направлению к гитлеровской комендатуре. «Командир» этого «боевого подразделения» был вооружен еще и деревянной шашкой, привязанной веревочкой к поясу.

Возле двухэтажного особняка, где помещалась канцелярия начальника гарнизона, процессия остановилась и раздалась команда:

— Айн-цвай-драй, битте-дритте, хайль Гитлер, ура!

Пронзительный фальцет, выпаливший на одном дыхании весь скудный запас немецких слов, сразу же, разумеется, привлек внимание сидевшего в канцелярии дежурного офицера.

— Что там такое? — поморщился он, выглянув в окно. — Эй, ты! — окликнул он охранника-полицая. — Пойди узнай, чего хотят эти оборвыши?

— Слушаюсь, господин капитан, — ответил охранник и вышел за ограду.

У калитки возле часового «вольно» стояли трое мальчишек с палками на плечах, а вдоль «строя» не по годам сосредоточенно и серьезно расхаживал «командир» в громадных опорках на босу ногу.

— Вам чего, пацаны? — мрачно спросил охранник, окинув ребят холодным взглядом.

— Ой, дядя! — обрадовался юный «командир», узнав в полицая одного из местных жителей. — Вот здорово, дядя, что и вы тут! — с неподкупной искренностью воскликнул он. — Мы тоже пришли служить нашим спасителям. Хайль Гитлер, понятно?

— Понятно-то понятно, — почесал за ухом охранник с таким выражением лица, что видно было, что ему абсолютно ничего не понятно.

— Смотрите, дядя, сколько нас, — вдохновенно продолжал паренек. — Айн-цвай-драй, сам четвертый. Сила! Ребята — во, все как на подбор, — представил он свою босоногую, худущую ребятню команду.

— Оно и видно, что на подбор, — отвернулся охранник, чтобы не рассмеяться. — Так чего вам, шантрапа, надобно?

— Нам бы главного фрица повидать, — как-то заискивающе почтительно сказал «командир». — Где он тут есть — главный фриц? Как к нему пройти?

— Ну чего мелешь несуразицу, — хмуро буркнул охранник, — «Главный фриц», «главный фриц» ... Какой тебе может быть «главный фриц»? Катился бы ты лучше отселева со своей шпаной куда подальше, а то за этого «главного фрица» как бы не всыпали тебе шомполов — сидеть не на чем будет.

— Ой, дяденька! — с испугом воскликнул паренек. — Я ведь про главного фрица говорю потому, что не знаю, как его зовут.

— Майор у нас фон Райнер, — пояснил полицай. — И не Фриц он вовсе, а, как самого Гитлера, Адольфом зовут, понятно?

— А как к нему пройти, дяденька?

— Смеешься! Станут они с такой мелюзгой разговаривать, — презрительно ухмыльнулся полицай. — Погоди маленько, сейчас доложу дежурному, может, кто и выйдет поговорить, ежели всурьез желаете пойти в услужение к новым господам.

Через несколько минут вышел лейтенант.

Он презрительно посмотрел на ребят и приказал заставить их работать. Охранник проводил их на кухню.

Бойкий, расторопный, услужливый паренек — «командир» и его

«воинство» пришлось по нраву и шеф-повару, и старшему унтер-офицеру, ведавшему хозяйством. Они разрешили ребятам приходить почаще — дело для них всегда найдется. И они приходили. Часто у входа на кухню звенел звонкий голос Жени и неизменная команда: «Айн-цвай-драй!». Потом в его лексиконе появилось еще «вас ист дас» и «доннерветтер». Мальчишки пилили дрова, выносили помои, чистили картошку. Шеф-повар не жалел своим новым помощникам лишнюю миску супа, кусок хлеба.

Постепенно гитлеровцы настолько привыкли к этим ребятам, что перестали их замечать. Они совершенно не подозревали, что боевой мальч, который так самозабвенно кричал «айн-цвай-драй» и с такой страстью и так пронзительно провозглашал здравицу фюреру, способен не только пилить дрова и таскать помои...

Женя заметил, что на территории гарнизона под брезентом хранится оружие. Он стал внимательно присматриваться к этому складу, изучая, как и с какой стороны лучше к нему пробраться. Он знал, что в его деревне организуется боевая группа, ей до зарезу нужно оружие и боеприпасы, и, отправляясь в гарнизон со своей командой «айн-цвай-драй», он мечтал помочь землякам раздобыть винтовки, патроны, гранаты. А тут столько всякого добра — глаза разбегаются. Вскоре он сделал ценное открытие: оказывается, часового у склада не было. Фашисты, видимо, считали, что достаточно охраны у ворот. Это хорошо, конечно, что у склада нет часового. Но как же все-таки проникнуть под брезент, взять оружие, а главное, вынести его за ограду, доставить в деревню?..

В беспокойном раздумье вернулся он в тот день домой.

— А тебя давно тут приятель дожидается, — встретила его мать на пороге.

— Кто, мам?

— Ну этот, как его... из детдома он, что ли, Орликом зовут.

— А где он?

— Ходит по деревне, для детдома куски собирает. Сказывал, придет еще, — ответила мать. — Ну, садись, ешь бульбу, проголодался небось с дороги.

— Спасибо, мамка. И есть чего-то сегодня совсем не хочется. А где он, Орлик? Сейчас побегу поищу.

Орлик частенько заглядывал в эту деревню, и мальчишки подружились. Вместе строили фантастические планы борьбы с оккупантами, поверяли друг другу свои тайные замыслы и мечты.

— Вот здорово, что ты пришел сегодня, — обрадовался Женя, увидев Орлика неподалеку от своей хаты. — Дело есть — во! — Он выразительно потряс в воздухе большим пальцем правой руки, — Такое, понимаешь, дело, только...

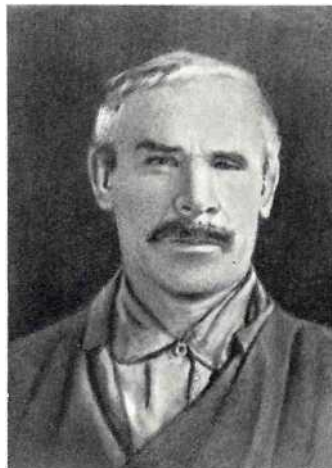

Детский дом в Быковщине им. В. И. Ленина.

Разведчица партизанской бригады «Неуловимые» Лиля Павловна Костецкая (справа) и ее сестры Александра и Анна (фото 1936 г.).

Секретарь партийной организации
и директор детского дома в
Быковщине Николай
Станиславович Тишкевич.

Секретарь комсомольской
организации детского дома Ольга
Владимировна Разумович (слева)
и воспитательница Зоя
Васильевна Михайлова (фото
1940 г.).

Командир партизанской бригады особого назначения «Неуловимые»
Михаил Сидорович Прудников (фото 1943 г.).

Начальник разведки отряда Комлева Петр Николаевич Тишкевич.

Начальник штаба отряда Комлева Сергей Иванович Лубяников.

Военфельдшер партизанской
бригады «Неуловимые»
Александра Никандровна
Павлюченкова (фото 1942 г.).

Второй секретарь Полоцкого подпольного райкома партии Георгий Сергеевич Петров (фото 1962 г.).

Встреча бывших партизан бригады «Неуловимые» и рабочих совхоза у обелиска. В центре комиссар бригады Борис Львович Глезин (фото 1973 г.).

Встреча М. С. Прудникова с московскими школьниками перед их походом по боевым местам партизанской бригады «Неуловимые» (фото 1963 г.).

Встреча командира партизанского отряда Петра Ефимовича Тищенко с молодежью (фото 1975 г.).

Воспитанники школы-интерната им. В. И. Ленина на уроке (фото 1961 г.).

Спальня школы-интерната.

Торжественная линейка.

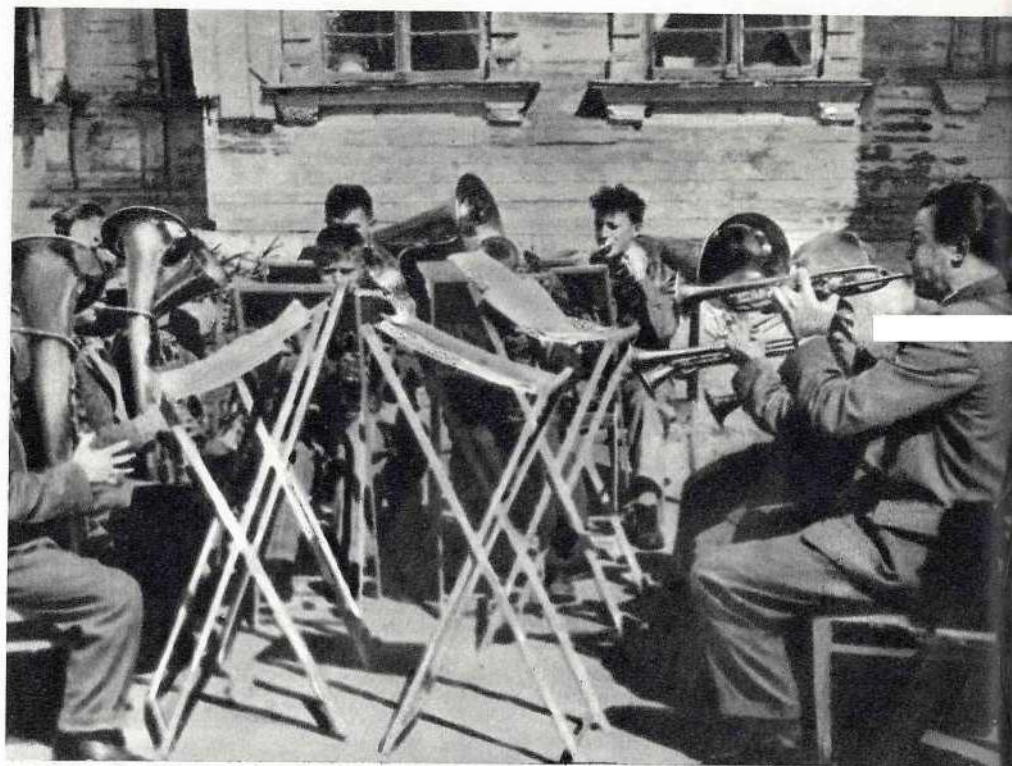
Бывший воспитанник детского дома им. В. И. Ленина Михаил Захарович Беленький, ныне руководитель художественной самодеятельности школы-интерната.

Бывший воспитанник детского дома Александр Иванович Лугов.

Детский хор школы-интерната.

Духовой оркестр.

Хор учителей и воспитателей школы-интерната им. В. И. Ленина (фото 1959 г.1)

Воспитанники школы-интерната — участники областной олимпиады художественной самодеятельности.

И он поделился своими идеями насчет оружия, боеприпасов, своими сомнениями о том, как их взять.

— Это да! — протянул Орлик, выслушав обстоятельный рассказ Жени. И, сняв с плеч котомку с собранными кусками хлеба, повесил ее на плетень, сдвинул кепчонку на затылок и, стукнув себя ладонью по лбу, сказал: — Слушай, друг, а что, если...

И предложил очень остроумный способ, далеко, конечно, не безопасный, каким образом можно тащить оружие из-под самого носа фашистов.

Склад был расположен недалеко от ограды, по соседству с глухим переулком. Орлик принес из детского дома найденный среди хлама в чулане длиннющий кусок провода. Во время очередного визита в гарнизон Женя взял с собой этот провод и по пути на кухню один его конец оставил в переулке, а другой просунул под ограду во двор. Шагая с ведрами на помойку, он выбрал удобный момент и протянул провод поближе к складу. Провод надежно скрывала густая трава. Как только солдаты ушли на отдых, мальчик быстро вытащил из ящика, стоявшего под брезентом, винтовку, привязал к ней конец провода и спрятал ее в траве. А вечером, когда стемнело, Орлик тихонько приблизился к ограде со стороны переулка и, осторожно подтягивая конец провода, вытащил первую добычу. Воспользовавшись наступившей темнотой, ребята благополучно вынесли винтовку и закопали в землю. На другой день Женя как ни в чем не бывало снова появился в резиденции начальника гарнизона и под дружный хохот гитлеровцев опять кричал «доннерветтер» и неизменное «айн-цвай-драй».

С помощью провода Жене и Орлику удалось «выудить» у фашистов несколько винтовок. Свои трофеи ребята поделили по-братски. Часть их доставили потом в детский дом — в то время Николай Станиславович создавал небольшую боевую группу «на всякий случай», а другую часть Женя притащил в свою деревню, где организовался отряд самообороны от произвола оккупантов.

В середине лета в Ветринском районе появились партизаны. Они взрывали мосты, железные дороги, пускали под откос поезда.

— Давай и мы что-нибудь взорвем, — предложил Женя своему другу.

— А что?

— Ну, рельсы, что ли. Фрицы всё гонят на фронт поезда с вооружением — пусть попрыгают.

— Давай, Женя, ух здорово! — согласился Орлик.

Тол ребята добыли быстро. Испытанным способом вытащили из-под брезента несколько шашек. Капсулы тоже раздобыли. Но, чтобы произвести взрыв, нужен еще и бикфордов шнур, а шнура такого не было.

— Вот это да! — озабоченно сказал Орлик и задумался.

— А знаешь что, Женя? — Его осенила дельная мысль. — Заложим под рельсы взрывчатку, вставим капсуль, обсыплем его порохом и протянем подальше от рельсов пороховую дорожку. Подожжем, а сами ходу, ясно?

— И битте-дритте! — обрадовался Женя изобретательности своего

друга.

Ночью ребята вышли на линию железной дороги, выбрали удобный момент, когда охрана, патрулировавшая линию, прошла, сделали все, что полагается, подожгли пороховую дорожку, стремительно убежали и спрятались в кустарнике. Прильнув к земле, они с волнением и восторгом наблюдали, как огненный ручеек бежит к капсулю. Взрыв!

Урон от этого взрыва был, правда, невелик. В течение двух-трех часов гитлеровцы восстановили путь и зло потешались над комариными укусами партизан, совершивших такую ничтожную операцию. Они ведь и не подозревали, что это дело неопытных мальчишеских рук. Истинные же партизаны, обосновавшиеся неподалеку, никак не могли понять, кто так неуклюже и непродуманно взрывает полотно железной дороги. Важно ведь не просто разрушить путь, а пустить состав под откос.

Тетка Анисья, пришедшая из соседней деревни навестить свою сестру — Женину мать, сообщила новость: вчера ночью в деревню «вихрем налетели» какие-то вооруженные мужики, перебили полицаяв и вернули крестьянам отобранный у них гитлеровцами скот.

— А какие они — эти мужики, тетя Анисья? — спросил Женя, жадно вслушиваясь в каждое ее слово.

— Ну, как тебе сказать... обыкновенные: кто с бородой, а кто бритый-стриженный. А только все вежливые, душевные. Мы, говорят, хотим защитить вас от фашистов, вы нас не бойтесь, мы — свои.

— Партизаны, что ли?

— Сказывают, они.

Жене давно хотелось стать партизаном, но он не знал, где их искать. А теперь оказывается, они где-то совсем близко. Он вызвался проводить тетку в надежде, что ему удастся повидать партизанского командира и уговорить его взять к себе в отряд.

На улицах деревни было совсем тихо — ни души. Где же партизаны? Не станешь ведь ходить по хатам и расспрашивать — могут ведь подумать, что мальчишку подослали фашисты.

Грустный и расстроенный возвращался Женя домой.

И вдруг за околицей он встречает двух вооруженных парней.

«Они! — догадался Женя. — Партизанский патруль, должно быть».

— Где ваш командир? — деловито спросил он.

— А тебе зачем?

— Дело есть.

Какое именно «дело» у этого босоного паренька к командиру отряда, патрульным допытаться не удалось.

— Могу сообщить только лично, — с подчеркнутой таинственностью сказал Женя.

— Раз так — пойдем, — ухмыльнулся один из парней. — Проводи, Вася, — кивнул он своему напарнику.

У дверей одной из хат партизан остановился и сказал часовому:

— Доложи командиру, малый к нему пришел. Дело, говорит, очень серьезное.

Через минуту часовой вернулся и велел Жене следовать за ним.

В горнице за столом сидел высокий человек с усталым взглядом,

одетый в гимнастерку, с пистолетом за поясом. Это был, как потом станет известно Жене, один из прославленных командиров «Неуловимых» Иван Васильевич Якимов.

— У тебя, говорят, дело ко мне? — с улыбкой спросил он, с любопытством оглядывая невзрачную фигуру подростка. — Ну, садись, рассказывай, какое дело?

Женя тут же растерял всю свою напускную серьезность и просто, по-детски сказал:

— Дяденька, возьмите меня.

— Куда?

— В партизаны. Я, честное слово...

— Мал ты еще, парень, — покачал головой командир, — Партизанить, брат ты мой, не голубей гонять.

— Я их уже давно не гоняю, — обиделся Женя. — Как война началась — ни разу не гонял. Я теперь знаете что делаю?

И рассказал про кухню, про винтовки и капсули, которые он умудряется тащить из-под брезента у гитлеровцев, про дорожку из пороха. Причем говорил он 'об этих очень опасных и смелых делах так просто, словно речь шла о самых невинных детских забавах.

Якимов слушал и не верил. Неужели в этом тщедушном пареньке столько смекалки, выдержки, мужества, бесстрашия? Но, вслушиваясь в его неторопливую речь, всматриваясь в его лицо и глаза, командир убеждался, что Женя говорит истинную правду.

— А кто же это тебя надоумил устроиться на кухне у фашистов? — поинтересовался Якимов.

— Сам придумал. Лежал на печке и все думал, думал, как бы у них оружием разжиться, вот и придумал, — ответил Женя с какой-то подкупающей искренностью.

— Ну и молодец! — похлопал командир отряда своего юного собеседника по плечу, — Такие ребята нам очень даже могут пригодиться. Только вот о чем давай договоримся. Ты у меня не был, я тебя не видел, и ты меня тоже, понятно? Ну вот. На «железку» не ходи — не надо. Шума много, а толку чуть. А кухню не бросай. Очень ты здорово придумал с этой самой кухней. Оружие из-под брезента больше не таскай. Много не натаскаешь, а поймают — капнут. Осторожность, братец ты мой, прежде всего. Смотри. Запомнил?

— Так точно, дяденька!

— А теперь запомни еще вот что: ты видел дерево на краю вашего села, громадное такое дерево, расщепленное молнией?

— Там еще дупло большое, до войны мы там с ребятами в прятки играли.

— Вот-вот, — кивнул Якимов. — Заглядывай почаще в это дупло. Найдешь там записочку... Ты грамотный?

— Пять кончил, в шестой перешел, — не без гордости ответил Женя.

— Отлично. Прочти и уничтожь. И сделай все, что в той записке написано, ясно? И все только между нами. Никому, даже матери родной — ни гугу.

— А товарищу можно?

— Какому товарищу?

— Орлику. Из детдома. Малый — во! — и подтвердил свою рекомендацию исчерпывающим доказательством — вздернутыми большими пальцами обеих рук. — Мы с ним вместе таскали оружие из-под брезента.

— Если так, можно.

Женя возвращался домой окрыленный. Скорее-бы встретить Орлика, поделиться с ним превеликой тайной. Какие необыкновенные дела ждут их впереди, дела, полные опасностей, тревог и побед.

— Ну что, проводил тетю Анисью? — спросила мать, когда Женя к вечеру пришел домой.

— Проводил, мамка. До самой избы проводил.

— Не видел ты там этих... партизан?

— Нет, мамка, никого не видал.

— Интересно. Очень интересно, — сказал комиссар, выслушав рассказ Якимова о ребятах. — И ты говоришь, Иван Васильевич, что все это происходит именно в Яновичах?

— Именно, Борис Львович, — ответил Якимов.

— Вероятно, есть смысл вспомнить об этих пацанах, Павел Алексеевич, — обратился комиссар к начальнику разведки.

— Пожалуй, — согласно кивнул Корабельников.

Посоветовавшись, мы решили, что эти боевые мальчишки могут оказать нам неоценимую помощь в подготовке выступления против гитлеровского гарнизона в Яновичах.

На краю деревни, в дупле расщепленного молнией громадного дерева Женя нашел записку. С трепетом он развернул листок из тетради в клеточку — первую великую тайну, которую ему, как равному, доверил партизанский командир.

Якимов просил обязательно и по возможности скорее установить, сколько в Яновическом гарнизоне солдат и офицеров и как они, хотя бы приблизительно, вооружены. Женя выучил эту записку даже со всеми знаками препинания наизусть и, как приказано было, тут же ее уничтожил.

— Видишь, Орлик, какую нам с тобой задали задачу! — с гордостью и растерянностью сказал Женя. — А как мы все это узнаем?

— Ну, как как? — покровительственно ответил Орлик. — Придумаем. Главное, Женька, не дрейфь. Вот так. Завтра что-нибудь сообразим.

В тот день Орлик вернулся в детский дом поздно вечером. На ступеньке крыльца, кутаясь в свою латаную-перелатанную курточку, задумавшись, сидела Люся, скрестив на груди руки.

— Ты чего? — спросил он, подойдя ближе.

— Тебя жду, Орлик. Мне очень надо с тобой поговорить, — сказала она, взглянув на освещенное лунным светом лицо Орлика, бледное, усталое...

— Поздно уже, спать пора, завтра поговорим.
— Не спится мне, Орлик.
— Есть хочется?
— Совсем нет. Сегодня тетя Маруся нас так здорово накормила — суп с картошкой, пшенная каша — ужас как вкусно!
— Откуда все это?
— Не знаю. Говорят, какие-то дяденьки ночью привезли.
— Ну и молодцы! — облегченно вздохнул Орлик. — Так о чем ты хотела поговорить?
— Я все думаю, Орлик. О чем? — усмехнулась она и, после короткого раздумья, сказала: — О том, как можно за тарелку шей кричать «хайль».
— Ты о ком?
— О тебе. Ты думаешь, никто не знает, что ты продался фашистам и работаешь у них на кухне, чтобы получить кружку баланды и ложку каши?
— Так я же... — начал Орлик.
— Не надо, лучше молчи, — перебила Люся, — Все наши мальчишки и девчонки ненавидят тебя за это... А раньше все тебя так любили, Орлик! Я тоже думала, что ты хороший, а ты... а ты... — Спазмы сжали ей горло. Она опустила голову на руки и заплакала. Плакала тихо, беззвучно, только чуть вздрагивающие плечи выдавали ее состояние.

Орлик присел рядом, пытался успокоить девочку, хотел рассказать, как он познакомился с Женей, что привело его на гитлеровскую кухню, наконец, какое важное поручение ему с Женей сегодня дали. Но разве он мог выдать военную тайну, которую партизаны доверили только им двоим? Он не смеет, не имеет права поведать о ней даже самым близким и надежным людям.

— Мне очень обидно, Орлик, — всхлипывала Люся.
— Очень... А я ведь всегда думала, что ты мой самый лучший друг. Помнишь, как мы ходили с тобой по деревням и собирали куски, помнишь? Ты так хотел есть, но ни разу ни одной крошки не проглотил — все приносил в дом... Для всех... А теперь... За тарелку шей...

— Люся... ну чего ты... Люсенька. — Он тронул ее за плечо. — Так я же... пойми ты... Ты же ничего не знаешь... ну как мне тебе объяснить?..

— Не трогай меня! — Она решительно поднялась со ступеньки. — Я тебя ненавижу... За тарелку шей, за тарелку шей! — приговаривала она, убегая в дом.

Всю ночь Орлик не мог уснуть. Он все ворочался на своем жестком матрасе, все думал, как лучше ему с Женей выполнить такое сложное поручение. Надобно узнать, сколько солдат и офицеров в гарнизоне... Надо узнать... А как это сделать, если, кроме кухни, они нигде не бывают.

И о Люсе думал... «Как же это она так... Вот глупенькая! «Ненавижу». А за что? Если бы она только знала, если бы...»

Вдруг его осенила, как ему показалось, очень дельная мысль. «А что кухня? Это, может быть, даже хорошо. В самом деле, — рассуждал он, ворочаясь на своей неуютной постели, — там же готовят обеды, ужины для всего гарнизона: солдатам отдельно, у офицеров другой стол. И котлы у них разные. Ну и что? Как что? Надо, видимо, решить совсем простую задачу: сколько порций — столько и людей, вот и все».

И тут возникла новая задача: а как узнать, сколько порций?..

— Ты чего не спишь? — толкнул его в бок сосед Степка, с которым они спали вдвоем на одном матрасе. — Все вертисься и вертисься. Спи давай!

— Я ничего... так... — ответил Орлик. — А тебе что?

— «Что, что!» — передразнил Степка и, повернувшись на другой бок, тут же заснул.

А у Орлика все время до самого утра не выходили из головы порции похлебки, каши, котлет для господ офицеров. Сколько же их — этих порций?..

Чуть свет Орлик сорвался с постели, быстро натянул на себя штаны и кургузый пиджачок, сунул ноги в опорки и попесся на большак. Как бы скорее добраться до Яновичей, увидеть Женьку, поделиться с ним своими догадками насчет порций кандера и котлет. Идти — не ближний свет. Добрый десяток километров, да еще с гаком.

По шоссе часто носились гитлеровские машины — с солдатами, продовольствием, награбленным имуществом.

«А ну-ка, — решил Орлик, — попробую, авось подвезут».

Из-за поворота вынырнул грузовик, в котором ехала группа гитлеровцев.

— Хайль Гитлер! — заорал своим звонким фальцетом Орлик, выйдя на середину дороги и подняв руку.

Водитель, смеясь, остановился.

Битте-дритте, — умоляюще, сложив руки на груди, попросился Орлик, кивнув на машину.

Солдаты разрешили «юному патриоту рейха» взобраться в кузов и подвезли его к Яновичам. Здесь на окраине, в овраге, он должен был встретиться с Женей, чтобы обсудить, как лучше и скорее выполнить задание партизан.

— Ну что, Орлик, придумал? — встретил его Женя, озабоченный и серьезный.

— Вот слушай!

И Орлик поведал другу свой замысел насчет количества каши и котлет.

— Орлик, черт! — обрадовался Женя. — Это и на самом деле здорово. Пошли скорее!

И они направились на гарнизонную кухню, полные самых радужных надежд.

Сегодня мальчишки присматривались к шеф-повару и поварихам с особым пристрастием, стараясь угадать, подсчитать, сколько же порций супа со свиной готовится для солдатни и сколько котлет и компотов для господ офицеров. Хорошо бы, конечно, перемерить половником каждый котел, пересчитать котлеты, но это совсем невозможно. А почему, собственно, невозможно? Половником, правда, в котел не полезешь — можно заработать подзатыльник, но проследить сколько термосов с первым блюдом увозят из кухни в подразделения гарнизона — не так уж трудно. Пересчитать котлеты на каждом противне и количество противней, отправляемых на плиту, — тоже не так уж сложно и без знания высшей математики.

Подсчитали термосы, пересчитали котлеты... Ну и что? Никакого ответа на главный вопрос: сколько же все-таки в гарнизоне солдат и офицеров.

И вдруг, как-то невольно, у Жени вырвалось.

— Битте-дритте, — обратился он как бы между прочим к шеф-повару. — Интересно, много ли народу можно накормить из такой вот посуды. — Он кивнул на термос, продолжая чистить картошку.

— Целый взвод, — бросил на ходу повар.

— Ишь ты! — удивленно покачал головой Женя, бросив понимающий взгляд на Орлика, собиравшего очистки овощей в ведро.

Ситуация начинала постепенно проясняться — сколько термосов, столько же и взводов. Хорошо бы еще уточнить, по сколько котлет дают господам офицерам — по одной или по две. Спросить? А почему бы и не спросить, что тут особенного.

И тут Орлик пришел на выручку своему другу.

— А господам офицерам неужели по две котлеты дают? — невзначай бросил он и, ловко подхватив ведро с очистками, понес его в хлев.

— А ты думал — по одной? — ухмыльнулся повар. — И то добавки просят.

Из всей этой кухонной арифметики в мозгу юных разведчиков складывалось довольно точное представление о количестве солдат и офицеров в гарнизоне. Труднее было подсчитать вооружение, но общительные, веселые мальчуганы быстро подружились с полициями, выполнявшими на складе Подсобные работы, и исподволь разузнали, что там хранятся винтовки и пулеметы, мины и гранаты, бочки с бензином.

Все свои наблюдения и расчеты ребята оставили в дупле рассеченного молнией дерева, ставшего еще одним «почтовым ящиком» «Неуловимых».

Сообщение юных разведчиков, доставленное связистами в штаб бригады, послужило надежной основой для разработки плана удара по гарнизону Яновичей. Операцию решили провести накануне того дня, на который намечался налет отряда Комлева на гарнизон в Луначарском. Разгром ближнего гарнизона за день до налета на Луначарское гарантировал в какой-то мере успех операции.

Удар по гарнизону Яновичей решили провести в ночь с субботы на воскресенье, когда, как правило, гитлеровцы щедро наливаются шнапсом и их легче застать врасплох. Решили так: налету партизан на казармы долями был служить сигналом взрыв склада с боеприпасами. И тут юным подрывникам выпала на долю нелегкая боевая задача: они должны были заложить в склад на территории начальника гарнизона мину замедленного действия с часовым механизмом с таким расчетом, чтобы она взорвалась ровно в полночь — в тот самый час, когда отряды «Неуловимых», подобравшись поближе к Яновичам, готовы будут начать наступление на гарнизон.

В субботу утром, как обычно, под окнами начальника гарнизона разносились звонкие голоса Жени и Орлика:

— Гутен таг, герр комендант.

Никто и не знал, как гулко стучали сегодня ребячьи сердца. Легко ли было тщедушным мальчишкам вместе с картофельными очистками спрятать

пока мину в мусорной яме, за складом боеприпасов. Первый раз в жизни им была доверена такая страшная тайна. Мина должна взорваться ровно в полночь — так сказал доставивший ее юным подрывникам разведчик нашего штабного отряда Семен Яцков. Но мало ли что!.. А вдруг механизм испортится, а вдруг... Сотни всяких «а вдруг» беспокоили ребят.

Ребята установили, что по субботам во второй половине дня к складу подъезжают грузовые машины из частей за оружием и боеприпасами. Таская помой из кухни в свинарник, Орлик и Женя с напряженным вниманием вглядывались и вслушивались — не появятся ли машины. В суете погрузки была единственная надежда проникнуть как-нибудь в склад и выполнить поручение «Неуловимых».

Но время идет, а машин все нет и нет. Неужели сегодня никто не приедет за винтовками, патронами, гранатами? А солнышко давно перевалило за полдень, скоро пора уже уходить... А мина... Как же мина в мусорной яме? Оставить ее нельзя. Унести ее с собой?..

Отчаяние овладело юными подрывниками. Они потеряли всякую надежду на успех своей первой боевой задачи.

И вдруг...

Где-то вдалеке зафырчал мотор... Звуки все ближе и ближе.]. Вскоре грузовик въехал во двор и остановился возле склада. Начальник склада — толстый фельдфебель с сигарой в зубах, прочел переданную ему бумажку, и приехавшие на машине солдаты стали грузить ящики с вооружением.

Наступили волнующие минуты.

Орлик еще помогал на кухне, а Женя, заложив руки в карманы, прохаживался вокруг мирно лежавшей совсем неподалеку от склада мины, и мысли его были поглощены одним: как переправить ее в склад?

Выбрав удобный момент, когда солдаты вместе с фельдфебелем вошли в склад за очередным ящиком с боеприпасами, Женя схватил мину, спрятал ее под рубашку и как ни в чем не бывало подошел к грузчикам.

— Битте, — игриво улыбнулся он, хотя теперь ему совсем было не до улыбок, сердце отчаянно билось и не покидала одна мысль: скорее освободиться от страшного груза, спрятанного на груди. — Позвольте вам помочь, битте. Не смотрите, что я маленький, — поспешил он развеять сомнения скептически посмотревших на него солдат. — Силенок у меня — во! — И в доказательство своих богатырских возможностей закатил рукав и продемонстрировал мускулы: — Видали?

Глядя на «богатыря», солдаты рассмеялись и разрешили ему принять участие в погрузке.

Не помня себя от радости и страха, Женя перешагнул заветную черту и оказался в складе. Для начала он аккуратно вынес небольшой ящик с патронами, две винтовки, а потом... Потом, выбрав момент, заложил мину между ящиками с гранатами и продолжал помогать солдатам.

Погрузка закончена. Фельдфебель потрепал Женю по торчавшим в разные стороны волосам и, откусив кончик сигары, вынул ее изо рта и бросил мальчику.

— На, покури, щенок! — и со смехом отвесил ему подзатыльник.

...К вечеру ребята были уже далеко от канцелярии начальника гарнизона. Орлик, «проголосовав» на большаке попутной машине, возвратился в детский дом, а Женя добрался до передовой заставы

«Неуловимых», занявшей наблюдательный пост на горке, откуда хорошо просматривались Яновичи. Боевые отряды партизан залегли в кустах и ждали сигнала к наступлению.

— Ну как, вышло? — спросил Семен Яцков, начальник заставы.

Женя только кивнул головой. От страха у него пересохло в горле, и он не мог вымолвить ни слова. Отдышавшись, он рассказал, каким образом ему удалось заложить мину.

— Теперь порядок, — закончил он, опустившись на траву.

Время неумолимо бежало вперед. Яцков посмотрел на часы. Минутная стрелка приближается к заветному рубежу. А взрыва все еще нет. Вокруг такая тишина, что слышен шелест листьев, слышно, как бьется Женино сердце. Неужели гитлеровцы обнаружили мину и обезвредили ее? Могло ведь быть и такое...

И вдруг — взрыв! За ним еще и еще: рвутся боеприпасы. Высоко в небо взвился огненный столб.

— Молодец, Женя! — крепко обнял мальчишку Яцков. — Пошли отсюда поскорей.

Наши боевые группы под командованием Якимова ринулись на Яновичи. Они бесшумно сияли часовых у казарм. Захваченные врасплох, гитлеровцы не успели подготовиться к защите; в ночном белье они стали разбегаться в разные стороны. Гарнизон был разгромлен. Партизаны увезли на свои базы несколько подвод с винтовками и патронами.

А на другой день вечером... Полсотни партизан из отряда Комлева под командованием Лубянного и его двух боевых помощников — Хаджи-Батыра Бодоева и Ивана Верхогляда — двинулись на Луначарское. На окраине местечка их встретил, как и условились, начальник караула гарнизона Николай Грибков. Он сообщил не очень-то приятную новость: в последние два-три дня сюда на ночь стали приезжать для укрепления гарнизона новые группы гитлеровцев. Фашисты не доверяли полицаям: те часто вместо службы на постах играли в карты и пили самогон.

— Но, по-моему, это не страшно, — добавил Грибков. — Все они размещены в актовом зале школы. На сон грядущий они вволю повеселились, выпили не один литр шнапса и теперь, пожалуй, уже третий сон видят.

— Ничего, одолеем, — решил Лубянный и приступил к осуществлению намеченной операции.

Часть группы по указанию Грибкова разбрелась по селу, бесшумно сняла охрану и заняла все выходы из местечка, остальные устремились к зданию школы.

Два десятка отборных парней, с автоматами, мгновенно взлетели на второй этаж в актовый зал, закрыли собою стоящую в углу пирамиду с оружием.

— Встать! — торжественно скомандовал Верхогляд.

Полусонные гитлеровцы и полицайи сперва не поняли, в чем дело. Но они не успели даже осознать, что происходит. Ни один из них не вышел из школы.

Обыск в домах полицаяев подтвердил все, что сказал Грибков. Через два-три часа во дворе школы стояло уже несколько подвод с мукой, салом, обувью, мануфактурой, одеялами, бельем, одеждой, найденными в погребах, чуланах, на чердаках грабителей. Вскоре обоз, охраняемый

несколькими десятками смельчаков, двинулся в лес по своим тайным тропам на Быковщину.

7

Караван подвод, нагруженных всяким добром, приближался к Быковщине. На всех дорогах в этом районе Комлев расставил дозоры, хотя, как известно, гитлеровцы по ночам, особенно в партизанских зонах, передвигаться не любят. Везти сразу все в детский дом нельзя. Абсолютно никакой уверенности, что на другой же день туда не придут фашисты. А придут — обязательно отберут все, что с такими тяжкими усилиями и смертельным риском удалось добыть для ребят. Ведь уже не один раз отряды карателей, гестаповцев, жандармов наведывались в детский дом и отбирали все, что попадалось под руку.

Все эти повадки фашистов мы знали. Командование бригады предложило Комлеву создать в лесу неподалеку от детского дома несколько тайников для хранения продуктов.

Оба Тишкевича — старший и младший — вместе с Ольгой и Зоей договорились, чтобы каждый из тайников знал только один человек. Этого требуют обстановка и законы конспирации.

Бойцы Комлева вырыли в лесу неподалеку от детского дома шесть подземных кладовых, обложили их ветками, надежно замаскировали. Это хоть в какой-то мере должно было помочь сохранить отвоеванное добро для спасения детей.

К рассвету подводы подъехали к тайникам и началась их разгрузка. Одну телегу с мукой, подсолнечным маслом и картофелем Иван Верхогляд и Хаджи-Батыр Бодоев решили отвезти в детский дом.

Наступало утро. Темное небо стало постепенно светлеть, на нем появились вынырнувшие из-за деревьев веселые кудряшки белесых облаков. Где-то на горизонте начали пламенеть оранжевым заревом первые блики бодрого, отдохнувшего за ночь, свежего, чисто вымытого солнышка. Страшно хотелось спать после полного тяжелого боевого труда дня и бессонной ночи. И чтобы не свалиться от усталости и не уснуть, друзья стали вспоминать смешные и забавные истории из своей партизанской жизни.

— А помнишь, Ваня, свою «полубиноклю»? — спросил Хаджи-Батыр.

— Еще бы!

Такое действительно не забывается.

Иван Верхогляд — парень отчаянной смелости и неутомимой энергии, балагур, весельчак, гармонист, пришел в один из отрядов «Неуловимых», бежав из гитлеровского застенка. Бараки военнопленных помещались на берегу реки Полоты. Верхогляд умудрился пробуровать дыру в стене, ночью выполз из барака, на рыбацкой лодке переправился на другой берег реки, долгие дни и ночи бродил по лесам в поисках партизан, наконец столкнулся с партизанской заставой и попал в отряд Комлева.

Бодоев быстро подружился с Верхоглядом, и их обоих часто посылали на самые ответственные задания.

Однажды им поручили выследить и захватить одного гестаповца, рыскавшего по округе и доставлявшего местным жителям немало бед. От своих помощников и друзей они узнали, что этот гестаповец прибыл в деревню Лучшики и остановился у полицаи Михайленка. Партизаны-разведчики задними дворами и огородами проникли к хате полицаи, ворвались туда, но... опоздали немного. Гестаповец вместе с полицаем рано утром уехали куда-то. Какая досада! Всю ночь не спали, промокли до костей под дождем, есть хочется до смерти. И все зря.

«Жалко, мужика твоего с фрицем не застали. Очень важное известие им принесли, — сказал Верхогляд жене полицаи. — Ну да ладно, в следующий раз. А ты бы, тетушка, покормила нас чем бог послал».

«Нету ничего, — говорит перепуганная женщина. — Сами с голодухи, глядишь, ноги вытянем».

«Ах так, — сказал Верхогляд, — это мы сейчас проверим».

Он вынул из кармана черный цилиндрок — половинку трофейного полевого бинокля, вытер рукавом прилипшие к линзе крошки махорки, фукнул на стеклышко, снова вытер, прищурил один глаз и направил свою «полубиноклю» на буфет.

«Неправду ты говоришь, тетушка, — с самым серьезным видом говорит он. — Я ведь все вижу. От моего аппарата ничего не скроешь. Это, тетушка, оптика. Сквозь огонь, воду, дерево, железо и камень все засекает, где что у кого лежит».

«Ой сыночек, — заголосила жена полицаи, дрожа от страха. — Да как же это... Спаси господи!» — перекрестилась она.

Потом открыла свой буфет и вытащила оттуда пузатый кувшин меда, кусок сала и целый каравай хлеба.

«Ешьте, миленькие, не обессудьте», — хлопотала хозяйка, щедро потчuya незваных гостей.

— Наелись мы тогда на неделю — давно такой царской пищи и во сне не видели, — вспомнил Верхогляд.

...Повозка приближалась к Быковщине. Последняя лесная просека, и вот-вот как бы вынырнул из зеленой стены деревьев двухэтажный дом, где в нужде и страхе коротают дни и ночи обреченные дети.

— Посмотри-ка, дорогой, в полубиноклю, — сказал Хаджи-Батыр своему спутнику, когда они подъезжали уже к детскому дому. — Не напоремся ли мы там на гитлеровскую засаду?

— Мои приборы, дружище, только для полицаевых баб годятся, — ответил Верхогляд. — Для серьезного дела — они пас. Тут глаз мой вернее. — И, остановив лошадь, он влез на высоченное дерево и стал обозревать местность со всех сторон.

— Ну как там? — нетерпеливо спросил Бодоев. Как будто порядок, Хаджи-Батыр. Нигде никого. — Верхогляд спустился на землю. — Только начальник разведки нашего отряда во-он по той боковой тропинке, никак, к нам направляется, — добавил он.

И действительно. Через несколько минут Тишкевич-младший встретил своих боевых друзей.

— Можно ехать спокойно, — сказал он. — Фрицев уже недели три здесь не видать.

Николай Станиславович встретил долгожданных гостей на крылечке. Он приготовил длинную речь. Ему хотелось сказать, какая благодарность переполняет его душу и сердца ребятишек. Еще он хотел сказать что-то о великом братстве, о чувстве великой дружбы, объединяющих советских людей и в минуты радости, и в дни неизбывного горя. И самые высокие слова ему хотелось сказать о партии, о Родине, которые вырастили и воспитали таких добрых, чутких к чужой беде людей. Но он ничего не сказал. Он только крепко обнял Бодоева и Верхогляда и долго-долго молча пожимал им руки. И в усталых глазах его нетрудно было разглядеть застывшие слезы.

Из открытых окон выглядывали ребятишки. Белые, каштановые, русые, черные головки, бледные, худые лица. Они пытались даже улыбаться добрым дяденькам, привезшим им щедрый гостинец.

— Большой праздник был в тот день в детском доме. Мария Гавриловна приготовила на радостях расчудесный по тем временам обед: картофельный суп со свининой и пшеничную кашу с подсолнечным маслом.

Мануфактуру передали партизанским портнихам, и они начали шить детям рубашки, штаны, платья, постельное белье.

Тайники все время пополнялись новыми продуктами, которые наши партизаны добывали для ребят.

8

После взрыва склада Жене не пришлось больше пилить дрова на гарнизонной кухне.

Гитлеровцы заподозрили этого шустрого мальчугана. Возвращаться домой ему нельзя было. Он остался у партизан.

Как-то получив очередное задание — установить численность ближнего гарнизона гитлеровцев, Женя под видом маленького торгаша, обменивавшего яйца на табак и сигареты, отправился в путь. Выполнив поручение, он возвратился в расположение отряда, но — увы! — ничего, кроме пустых банок из-под консервов, клочков старых газет и разного мусора, он здесь не нашел. А получилось так потому, что в то время, когда Женя был в разведке, крупные силы карателей. В ответ на разгром двух гарнизонов обрушились на «Неуловимых», попытались окружить некоторые наши отряды. Под натиском превосходящих сил врага мы вынуждены были покинуть свои базы и укрыться в более надежных местах Налибокской пущи.

Женя метался по лесу, искал штаб бригады, отряд Якимова, где он числился теперь официально, но нигде никого.

Блуждая вокруг окрестных деревень в надежде встретить кого-нибудь из своих, Женя однажды вечером подошел к деревне Черной, где временно обосновался отряд Якимова.

— Живой? — радостно встретил мальчика Иван Васильевич. И, крепко обняв его, по-мужски хлопнул по плечу. — Ну и молодец, парень! А я уже думал, поймали тебя фашисты и ... айн-цвай-драй. Есть хочешь?

— Никак нет, товарищ командир! — встав «смирно», лихо отпартовал юный партизан.

— А зачем говоришь неправду?.. Ну-ка, девчата, подкормите малого!

— сказал Якимов стоявшим неподалеку медицинской сестре и поварихе. — Да найдите ему бельишко какое-нибудь, штаны, что ли! Смотрите, как оборвался, — и сочувственно посмотрел на худое, изможденное лицо Жени, воспаленные от бессонницы глаза, рваные галифе и потрескавшиеся от грязи ноги.

Женю отвели в баню, достали ему чистое белье, угостили даже молоком и медом — продуктами, которые разрешалось расходовать только для тяжелораненых и больных. Завхоз притащил штаны, гимнастерку, сапоги. Все это обмундирование, рассчитанное на взрослых, было ему велико, однако, облачившись впервые в жизни в настоящую одежду без дыр и заплат, Женя почувствовал себя настоящим бойцом — партизаном.

В те счастливые для мальчишки дни никто и не предполагал, что все пережитые им невзгоды, лишь прелюдия, начальное испытание его воли, мужества и самообладания.

Однажды Женя с группой разведчиков был послан взорвать мост. Здесь их подстерегла фашистская засада. Вспыхнул бой. Силы были неравные. Против пятерых партизан действовал чуть ли не целый взвод противника. Разведчики уничтожили около двадцати оккупантов, но и сами при этом погибли. Только Женя, которому разрывной пулей раздробило кость, не был убит. Он лежал, истекая кровью, но сознания не терял. Закусив губы от нестерпимой боли, мальчик чутко прислушивался к тому, что творится вокруг. Шум боя затихал. Вот уже и совсем тихо.

И вдруг до его слуха донеслась немецкая речь. Он плохо понимал ее, но по отдельным словам, которые успел узнать па гарнизонной кухне в Яновичах, уловил смысл разговора: гитлеровцы хотели поймать хотя бы одного партизана и доставить «языка» в свою часть.

— Смотри, Вилли, нашел! — совсем близко услышал Женя. — Давай сюда веревку. Вот так. Тащи его!..

Мальчишке накинули на ноги петлю и поволокли по ухабам и кочкам. Неистовая боль пронизывала все его тело, но он притворился мертвым. У него хватило воли не проронить ни звука, ни стона.

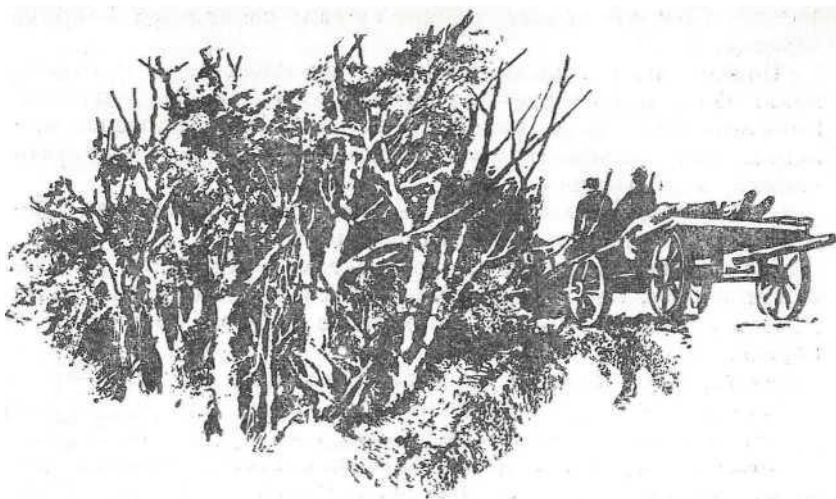
— Куда мы тащим эту падаль? Смотри, он же подох, — сказал один из солдат своим спутникам.

— Бросай его, черт с ним!

Они пнули свою жертву на всякий случай несколько раз сапогами. Преодолевая адскую боль, мальчик и на этот раз не шелохнулся, не подал признаков жизни. Фашисты плюнули с досады и ушли.

Всю ночь Женя пролежал без сознания в лесу. Утром его подобрала партизаны из нашего штабного отряда и принесли в лагерь.

Несколько дней он метался в жару, бредил, то и дело кричал «айн-цвай-драй». Бригадный врач Анна Алексеевна Савкова не отходила от его койки в подземном госпитале. Мальчик довольно быстро стал поправляться и вскоре снова с карабином в руках и толовыми шашками в заплечном мешке вместе со своими старшими товарищами шел на боевые дела.

Глава пятая

Дерзкий налет партизан, разгромивших почти одновременно два гарнизона в Яновичах и Луначарском, вызвал большое недовольство высшего командования третьего рейха своими подчиненными. «В две ночи два гарнизона? — возмущались в Берлине. — А где же были каратели, полевая жандармерия, эсэсовцы, гестаповцы? Ослы! Бездари! Бездельники!» — неистовствовали почтенные генералы.

И белорусским властям приказали срочно направить из Минска в район Ветрино ответственного уполномоченного. Им предложили в трехдневный срок разработать подробный план ликвидации всех партизан на территории Белоруссии, развесить их на всех телеграфных, телефонных столбах, фонарях и на деревьях в городских парках.

Начальник гарнизона Яновичей майор Адольф Райнер, мечтавший заработать Железный крест за ликвидацию «Неуловимых», был снят с должности, понижен в чине и отправлен на фронт. Сместили также и ветринского коменданта Генриха Шульца.

Новый комендант, переведенный в Ветрино из Полоцка, майор Отто Шнайдер с нетерпением ждал гостя из Минска. Двухэтажный особняк срочно отремонтировали, медные ручки дверей тщательно надраили мелом, дорожки в саду посыпали свежим песком. Едет личный представитель гаулейтера Белоруссии — не шутка! Не каждый комендант и далеко не каждый гарнизон, удостоивается столь высокой чести. Правда, визит этот вызван весьма грустными обстоятельствами — недавним

налетом «Неуловимых» и на Луначарское, и на Яновичи — но он-то здесь ни при чем. Все это было при Шульце. Не зря Шульца вместе с Райнером разжаловали в лейтенанты и отправили на передовую.

Какова же была гордость и радость майора Шнайдера, когда он, встречая на аэродроме высокого гостя, узнал в нем своего одноклассника по военной академии и боевого друга по войне во Франции капитана Вальтера Винцлера. И везучий же этот Вальтер, черт бы его побрал! После взятия Парижа он сумел пролезть в генеральный штаб, оттуда в управление оккупированных областей России и за каких-нибудь два-три года стал полковником.

— Хайль Гитлер! — вытянулся в струнку новый комендант, увидев спускавшегося по трапу ответственного представителя из центра.

— Хайль, хайль! — с улыбкой покровительственно приветствовал своего старого сослуживца полковник Винцлер. — Рад видеть тебя, Отто, — и протянул руку. — Да ты чудесно выглядишь, дорогой! Видно, белорусы хорошо кормят своих новых хозяев.

Шнайдер сдвинул брови и нахмурился.

— Да как тебе сказать, Вальтер... Впрочем, об этом потом. А сейчас, господин полковник, прошу ко мне закусить.

Они сели в машину и в сопровождении группы эсэсовцев, на мотоциклах, проследовали с аэродрома в резиденцию коменданта.

Несколько рюмок бургундского, бутылка русской водки, обильный ужин еще больше расположили почтенного гостя к своему бывшему однопольчанину.

— Как чувствуешь себя, Отто, на наших новых землях? — спросил Винцлер.

— Откровенно?

— Конечно.

Как живая рыба на сковородке, — мрачно ответил майор.

— Не понимаю. — Полковник вопросительно вскинул брови.

— Ничего непонятного, Вальтер. Все ясно как божий день. Здесь каждый час, да что час — каждую минуту тебя подстерегают неприятности, и подчас даже очень крупные.

— Но фронт уже далеко, Отто. Наши подходят к Волге, Фюрер обещает скоро парад на Красной площади в Москве. Это будет великий праздник великой Германии, — мечтательно заключил полковник, аппетитно затягиваясь сигарой.

— Если будет, конечно, — ответил майор.

— Не узнало тебя, Отто. Откуда такой пессимизм?

— От жизни, Вальтер. От нашей повседневной жизни. Ты говоришь, фронт далеко. По карте — да. А у нас здесь все время фронт. Мы не знаем покоя ни днем, ни ночью. В лесах и многих населенных пунктах засели партизаны. Они взрывают склады, пускают под откос поезда, не было ни одного спокойного дня. Однажды трое суток не утихал огненный смерч над взорванной базой с горючим. А совсем недавно две ночи подряд они гарнизоны в Яновичах и Луначарском.

— Вот по этому поводу я и прилетел сюда, — сказал полковник. — Как же это случилось, Отто? Ведь фюрер давно приказал ликвидировать

все банды.

— Я знаю. Но партизаны не очень-то охотно склонны выполнять приказы нашего фюрера, — горько умехнулся майор. — Они неистребимы. В нашем районе действуют какие-то «Неуловимые». Они действительно неуловимы, черт возьми!

— Надо прочесать леса.

— Прочесывали. И не один раз. И никого не нашли. А наступает ночь — то там, то здесь снова летит в воздух склад с боеприпасами, рушится мост, ныряют в реку эшелоны с людьми, пушками, танками.

— Не унывай, Отто! Я привез обстоятельный план ликвидации партизанщины на всей территории Белоруссии. Фюрер приказал, чтобы на каждом телеграфном и телефонном столбе и на каждом фонаре висело по партизану. Зрелище для богов, не правда ли, Отто? — самодовольно усмехнулся полковник.

— Я не совсем уверен, Вальтер, что партизаны согласятся выполнить и этот приказ фюрера, — ответил майор и налил гостю очередную рюмку шнапса.

Представитель центра приказал срочно собрать со всей округи руководящих военных деятелей рейха для обстоятельного разговора. В Ветрино съехались коменданты и начальники гарнизонов, командиры карательных отрядов и полевой жандармерии, фюреры разных рангов различных гестаповских и эсэсовских подразделений.

...Вечером партизаны шумно приветствовали высоких гостей. Они взорвали базу с горючим, расположенную на окраине Ветрино. Всю ночь огненное зарево освещало дорогу гитлеровцам, тщетно пытавшимся поймать пиротехников, устроивших такой необыкновенный фейерверк в честь полковника Вальтера Винцлера и его приближенных.

2

Новый комендант Ветрино майор Отто Шнайдер не на шутку расстроен. В самом деле, неслыханная дерзость — взорвать склад с горючим в день приезда такого гостя! Фюрер, конечно, тысячу раз прав. Надо кончать с этими партизанами. Легко сказать — кончать. А как это сделать? Сколько раз посылали отряды на поиски возмутителей спокойствия — и толку никакого. Эти «Неуловимые» действительно неуловимы. Ну, а почему, собственно, они так уж неуловимы?

И тут он вспомнил о детском доме в Быковщине. Ему рассказывали, что с некоторых пор его малолетние обитатели, умиравшие от голода, стали как-то оживать, поправляться. Ведь отлично известно, что местные власти не отпускают этому щенячьему питомнику ни грамма продуктов. Какая же волшебная фея спасает детей от голодной смерти? Ясно, что это дело рук партизан.

Майор снял трубку и набрал номер.

— Штурмбанфюрер? Вас приветствует Шнайдер. Если вы не очень

заняты, был бы рад видеть вас у себя... Отлично. Жду, — и положил трубку на рычаг.

Через несколько минут начальник местной группы гестапо Ганс Фибих сидел в кабинете коменданта, и они вели доверительный разговор о том, как сделать «Неуловимых» уловимыми.

Отто Шнайдер рассказал собеседнику все, что ему удалось узнать о детском доме и о предполагаемой связи партизан с детским домом.

— Это интересно. Очень интересно, — настороженно слушал Фибих. — Что же вы предлагаете?

— У меня возникла мысль ликвидировать этот щенячий питомник.

— То есть как ликвидировать? — Гестаповец вскинул на майора широко раскрытые глаза.

— Как обычно. Двери на замок и... Дыма немножко многовато... Запах несколько... Но ничего...

— А что это даст? — спросил Фибих. — Ну, ликвидируете этих заморышей, а что дальше? — И, задумавшись ненадолго, вскочил с кресла, хлопнул себя ладонью по лбу и сказал: — Это же очень здорово, что в Быковщине существует детский дом. Если с ним действительно связаны «Неуловимые», то с помощью этого дома они несомненно станут уловимыми.

— Простите, я не совсем понимаю вашу мысль, господин штурмбанфюрер, — сказал Шнайдер.

— Ну как же: если вы полагаете, и совершенно справедливо, что относительное благополучие детского дома связано с событиями в Луначарском — оттуда вывезена не одна повозка со всяким добром, — то обязательно следует использовать этот, как вы говорите, щенячий питомник для выяснения наших отношений с партизанами.

— Соображения штурмбанфюрера показались майору вполне убедительными и надежными — они действительно могли привести к желанной цели.

— Если я вас верно понял, господин Фибих, — сказал майор, — вы собираетесь с помощью детского дома и его обитателей найти пути к «Неуловимым»?

— Разумеется, — пояснил гестаповец. — Если бы нам удалось поймать там хотя бы одного партизана, думаю, мы сумели бы заставить его рассказать нам все, что нас интересует. И тогда... Ферштейн зи?..

3

Тишину раннего утра внезапно нарушил гул моторов. Вскоре во двор детского дома, фырча и отплевываясь выхлопными газами, въехала легковая машина, а за ней команда мотоциклистов. Из машины вышел краснощекий рыжеусый детина со свастикой на рукаве и погонами лейтенанта. Он махнул белой перчаткой, подал какую-то команду, и мгновенно с одного из мотоциклов застрочил пулемет. Пули носились вокруг дома, летали над крышей, срывали ветки с деревьев, и их истошный визг вместе с воплем перепуганных малышей, носившихся в смятении по коридорам, создавал невероятную симфонию ужаса и страха.

Закончив «артподготовку», лейтенант снова, махнув перчаткой, крикнул: «Генуг!» — и в сопровождении группы солдат поднялся на крыльцо.

— Кто есть здесь начальство? — Он постучал в дверь рукояткой пистолета. — Выходи, будем говорить.

Но никакого начальства не оказалось.

...Вскоре после возвращения из неудачной попытки прорваться через линию фронта директор Тишкевич и вожатая Ольга Разумович, чтобы оберечь как-то детский дом от неожиданных визитеров, решили организовать дозорные посты из ребят на дорогах. Появляются на горизонте машины с оккупантами — юные патрульные, расставленные на расстоянии нескольких сот метров друг от друга, быстро передают по рогогате условный сигнал тревоги. То зачирикают воробьи или начнут каркать вороны, то кукушка отсчитывает свои «ку-ку» столько раз, сколько вражеских машин движется по направлению к лесному домику. И тогда все взрослые и дети постарше, «балшой киндер», уходили в свои укрытия — тайники, в погреба и чуланы. Особенно важно было уберечь мальчиков и девочек старше двенадцати лет и детей любого возраста еврейской национальности. Им грозила смертельная опасность.

Вот и сегодня, когда «кукушка» прокуковала шесть раз, Николай Станиславович, Зоя и Оля тут же спрятались в надежном укрытии, прихватив с собой ребят постарше и спустив в подземные тайники еврейских мальчиков и девочек.

— Кто ест — выходиль! — с явным раздражением повторил свой приказ лейтенант.

Но и на этот раз никто не откликнулся.

— Выходиль! — продолжал стучать в дверь офицер. — Не выходиль, будем ломай, гранаты бросай, — предупредил он.

В дверях звякнул ключ, и на пороге появилась повариха Мария Гавриловна: вместе с бабушкой Дусей она оставалась с ребятами в детском доме при налетах фашистов.

— Милости просим, — с наигранной любезностью пригласила она. — Я-то на кухне стряпаю — кухня у нас далеко, в крайнем углу, — не слышу.

— Ошен, ошен хорош, — затараторил лейтенант. — Данке шен, мамаш, — и вошел с группой солдат в дом.

Увидев гитлеровцев, малыши разбежались по комнатам, забились по углам и притаились.

— Почему нет киндер? Почему не встречай? — недовольным тоном, прищурившись и оглядываясь по сторонам, спросил офицер.

— Испугались, несмышлениши ведь, — ответила повариха. — Где им понять своих спасителей?

— Спасител, о, это ест хорошо понимайт.

— Ну как же, — согласно кивнула Мария Гавриловна. — Мы все понимаем, господин офицер.

— Можно посмотрейт? — сказал лейтенант, открыв дверь одной из спален.

— Добрым людям ребята всегда рады, — ответила повариха. — Входите, пожалуйста.

Рыжеусый вошел в комнату и прямо с порога, вытянувшись в струнку, щелкнул каблуками и поднял руку к фуражке.

— Хайль, Гитлер, киндер! — провозгласил он.

Но дети ответили единодушным молчанием.

— То ест не хорошо, — побагровел лейтенант, — Нох айн- маль: хайль Гитлер, киндер!

И снова в ответ гробовая тишина. Дети еще теснее прижались друг к другу, с испугом поглядывая на строгого дяденьку, который почему-то хочет заставить их кричать «хайль!».

Лейтенант злобно и вопрошающе посмотрел на повариху.

— Вас ист дас, мамаш? — грозно спросил он.

— Кто их знает! — пожал плечами Мария Гавриловна, обтерев ладонью бледные, сухие губы. — Не иначе, в толк не возьмут, что самого фюрера величать надобно.

— А где ест старший? Где мужчин? Где женщин?

— Да нету никого. Одна я с ребятами маюсь. Все их бросили, а мне жалко, помрут с голодухи.

— Кто кормит? — допытывался офицер. — Кто давал рубашка? Говорил, помирай дети, голый киндер. Нет, не помирай, пет голодай. Кто помогай? Партизан помогай? Где партизан, мамаш?

— Не слыхала про таких, господин офицер, — решительно замотала головой повариха. — Никаких партизан не видывала и не знаю, какие такие они есть. Бог с ними! Век бы не видать и не слышать.

Гости высказали желание побывать на кухне — «чем кормят киндер?». В углу мешок муки и ведро картошки, на столе кусок сала и куча грибов.

— Кто дал? Где взял? — поинтересовался лейтенант.

— Господь взял, господь и дал, так и живем, — с наивной непосредственностью ответила повариха. — Слава господу, не оставляет сироток своими благодеяниями, — перекрестилась она.

— Но-но-но, мамаш, глупость болтай! — прикрикнул офицер.

Какие же это глупости, господин хороший, — обиженным тоном сказала Мария Гавриловна. — Видит господь — едва перебиваемся, ну и жалко ему стало ребятишек, что без отца- матери прозябают — вот и прислал кое-чего. — Повариха протерла глаза кончиком головного платка. — Вырастут наши детишки, какая подмога будет вашему фюреру.

— Наш фюрер — ваш фюрер, мамаш, — поправил офицер.

— Я и говорю: вашему фюреру, — повторила она, как бы же поняв замечания лейтенанта.

— Бог много давал, мамаш, — строго сказал офицер. — Много ел ест вредно, — и, кивнув сопровождавшим его солдатам, прошипел что-то по-немецки, указывая пальцем на муку, картошку и сало.

Гитлеровцы ринулись выполнять приказ командира.

— Да что же вы у ребятишек последнее отнимаете! — взмолилась Мария Гавриловна.

— Последний — нет, — ухмыльнулся лейтенант. — Гриб не берем.

Киндер суп грибы ошен ест полезна, зер гут, — добавил он.

Отправив солдат обследовать все погреба, чуланы и кладовки, лейтенант уселся в кухне на табурете, придвинулся к столу, вынул из планшета блокнот, самописку и пригласил повариху подойти поближе я нему.

— ...Мария Гавриловна прожила тяжелую жизнь. Ее муж погиб в гражданскую войну, сына убили кулаки в годы коллективизации. Оставшись одна, она поступила на работу в детский дом и стала поварихой.

Громадная семья ребят стала ее судьбой на всю жизнь. Женщина малограмотная, она очень любила книги, литературу. Вечерами в ее крохотную комнатку при кухне забирался кто-нибудь из многочисленных ее «сыночек» или «дочек» и вслух читал ей. Усевшись на свой диванчик, обитый цветастым холстом, она складывала крест-накрест руки и затаив дыхание переживала страдания Ниловны за своего сына Павла и с великой гордостью радовалась, когда эта простая женщина сама становилась борцом за новую жизнь. Обливаясь слезами, она охала и вздыхала, слушая описания страшных злодеяний духовников из «Овода». Ее увлекал широкий мир великих идей, она начинала постигать смысл борьбы за лучшее будущее человечества. Всем сердцем возненавидела она гитлеровцев, посягнувших на ее родную землю и на жизнь советских людей.

Когда дети отправились в эвакуацию, окончившуюся так неудачно, и ее вместе с бабушкой Дусей оставили охранять детский дом, она верила, что правда восторжествует, что не может долго длиться лихолетье. Дети вернулись, но горе следовало за ними по пятам.

Она не верила в бога, не ходила в церковь. Но когда в самую трагическую пору жизни ребят их начали выручать партизаны, она тайне молилась иногда. На всякий случай. А вдруг бог действительно есть? Может, действительно какая-то высшая сила послала добрых людей спасать детей от голодной смерти?..

...И вот она сидит перед гладко выбритым гестаповцем, и тот настойчиво предлагает ей рассказать о том, чьими руками господь бог посылает киндер такие щедрые гостинцы.

— Партизан, да? Где ест партизан? — допытывался он.

И в ответ она все то же:

— Глаза мои сроду их не видели, знать не знаю, ведать не ведаю.

— А кто кормил? Кто мука, сало давал?

— Бог и кормил и давал, — твердила Мария Гавриловна. — Выхожу по утрам из своей каморки па кухню — а там, глядишь, то мешок картошки, либо муки, а иногда и кусок сала, либо бутылка подсолнечного масла. Бог и посылает. А кто же еще? Бог ведь он — спаси Христос, — и осеняет себя крестным знамением, — все видит. Шалает ребятишек — вот и помогает. А как же! На то он и бог. Так и живем тем, что бог послал.

— Бог — это ест хорошо, — с плохо скрываемой яростью бросил лейтенант. — Бог таскай киндер картошка свой плечи, да? — постепенно начинал свирепеть гестаповец.

— А кто его знает! — уклончиво ответила повариха. — Может, кто из апостолов либо ангелов. Ангелы тоже народ добрый, отзывчивый на людскую беду и людское горе.

Тогда лейтенант изменил тактику. Он стал доказывать, что в настоящее время бог как раз интересуется партизанами, и она, как человек верующий, обязана доложить ему, где скрываются эти самые партизаны, помогающие богу так щедро снабжать детей продовольствием, чтобы их можно было по достоинству отблагодарить.

Но эти коварные уловки не имели успеха. Повариха решительно отвергала какое-либо знакомство с партизанами и твердила:

— Знать не знаю, ведать не ведаю.

— Будем говорить так, — сказал лейтенант. — Нет партизан! — поедем район, мамаш, ферштейн зи? — Он охватил ее колючим взглядом.

Мария Гавриловна побледнела и дрожащей ладонью провела по лицу. Она знала, слышала, каким зверским пыткам гитлеровцы, подвергают свои жертвы, желая добиться от них признания.

— А ты не пугай меня, господин хороший, — как можно спокойнее сказала она. — В район так в район. Бог терпел и нам велел, а про партизан ничего знать не знаю, ведать не ведаю, — уж в который раз твердила она эту фразу, как заученный урок.

— Пошел, мамаш! — приказал лейтенант и вывел ее на улицу к машине.

Он открыл дверцу «опеля» и предложил ей занять место рядом с собой. Вслед за автомобилем офицера покинула детский дом и команда мотоциклистов. Вместе с поварихой гестаповцы увезли все, что было приготовлено ею на обед.

— Кто же ребят моих кормить будет? — всхлипнула она, когда шофер включил газ и машина выехала со двора.

— Бог дал, бог кормил, — издевательски ухмыльнулся гестаповец.

4

Белобрысый мальчуган с задиристым хохолком откинул рядом, прикрывавшее крышку в подполье, присел на корточки и, приложив трубочкой ладони ко рту, громко прошептал:

— Выходи, Мишка, слышишь?

И в ответ, словно из глубокого колодца, донесся глухой голос:

— Ты, Петька?

— Я, я, не бойся.

— Уже? Можно?

— Можно, можно, — ответил Петька, подняв крышку, — Сам дядя Коля сказал, что можно.

— Ушли?

— Уехали, Миша. Забрали тетю Марусю и уехали.

— Тетю Марусю?

Из подполья показалось бледное лицо мальчика лет десяти со впалыми, бледными щеками, с черными кудряшками волос и такими же черными глазами.

— Иди в комнату, тетя Оля ждет. Бульбу тебе приготовила. Иди скорее, а то с голоду помрешь.

— Не помру, — возразил Миша. — Могу еще целый месяц ничего не есть.

— Ладно-ладно, пошли. — Петя помог мальчику выбраться из подпола, — Видишь, как ослаб — даже ноги не держат, окоченел весь в

холодной яме. А еще храбришься: «целый месяц», — ворчал Петя, подхватив товарища под руки.

В комнату Ольги Петя с Мишей пришли чуть ли не самыми последними — все были уже в сборе. Зоя Михайлова держала за руки двух девочек — БERTУ и Симу, шурившихся от солнца: их глаза еще не привыкли к свету после долгого пребывания в склепе, куда их спрятали Ольга от гитлеровцев. Бледные, немощные девчушки прильнули к тете Зое, точно боясь, что их снова будут прятать. В углу сидел восьмилетний Саша. Его вывел из тайника сам дядя Коля.

Последней явилась Ольга с пятилетней Кларой на руках. Девочка крепко обнимала тетю Олю, всем тельцем прижималась к ней, дрожа от холода и страха. И ее, крошку, надо было уберечь от фашистов, искавших даже среди маленьких детей «преступников» с неарийской кровью. Клару прятали в чулан с тряпьем и забрасывали всяким хламом. Только это и спасало ее. Шныряя по дому в поисках коммунистов, комсомольцев и евреев, фашисты открывали все закуты и кладовки, лазили по погребам; не проходили они и мимо чулана, примыкавшего к кухне, в надежде поживиться там чем-нибудь съестным. Лишь запах гнили, ударявший в нос с неотвратимой силой, вынуждал их тут же брезгливо захлопнуть дверь и идти дальше.

— Тетя Оля, — говорила девочка, — а вы не будете больше запикивать меня в тряпки? Там темно и страшно, тетя Оля, — с каким-то совсем не детским надрывом жаловалась она.

— Не будем, Кларочка, не будем, — успокаивала Ольга, поглаживая ее темно-каштановые волосы. — Так надо было, девочка. Для тебя надо было. Ты еще маленькая, тебе трудно все понять. Вырастешь немного, мы тебе все-все расскажем и ты все-все поймешь.

Потом Оля и Зоя стали хлопотать вокруг стола. Каждому, кто был спрятан в тайниках, положили на блюде по две картошки, по ломтику хлеба и даже... что делалось в очень торжественных случаях, по полкусочка сахару.

— Это все мне, тетя Оля? — с восторгом оглядывая столь щедрое для того времени угощение, спросил Саша.

— Тебе, Саша, ешь на здоровье.

Глядя на этих напуганных ребятшек, и Николай Станиславович, и Ольга, и Зоя с грустью и болью душевной вспоминали Гришу Цейтлина, которого при первом же налете гитлеровцев не удалось вовремя спрятать. Фашисты увезли мальчика в лагерь смерти на окраине города Дисна. Там он и погиб вместе с сотнями других мирных советских людей — взрослых, стариков и детей.

5

Марию Гавриловну привезли в огороженный тремя рядами колючей проволоки двор, в глубине которого стоял опрятный с виду, блестящий свежеразкрашенной зеленой краской домик.

— Ауфвидерзейи, мамаш, — козырнул лейтенант, помогая ей выйти

из машины и передавая в руки вышедшего из домика гестаповца.— Вот что, Альберт,— сказал он конвоиру.— Отведи эту фразу в контору и скажи начальнику, чтобы он поместил ее в отдельную комнату и получше кормил. Да-да, не удивляйся. Так приказал штурмбанфюрер, понятно?

Мария Гавриловна была потрясена необычным комфортом. Удобная кровать с сеткой, матрас, одеяло, подушка. Стол, два стула, графин с водой.

Дня два к ней никто не приходил, никуда ее не вызывали. Жила как на курорте. На обед ей приносили котелок наваристых щей с мясом и тарелку пшенной каши со сливочным маслом. Завтрак — кофе с белым хлебом, ужин — опять каша с маслом, сладкий чай. Она была поражена вниманием и заботой фашистов о старой русской женщине. А может, они и в самом деле не такие звери, как о них говорят? Но тут же ее молнией пронзила страшная мысль: неспроста, видно, гестаповцы так усердно за ней ухаживают. И вскоре она убедилась в истинности своих предположений.

В дверь постучали робко, уважительно.

— Кто там? Входите, — ответила она.

Вошел худощавый человек в пенсне с офицерскими погонами на зеленом кителе, с холодными оловянными глазами и словно навечно впаянной улыбкой на тонких губах. Он вежливо попросил разрешения сесть, положил на стол изящный чемоданчик и пригласил хозяйку присесть на другой стул.

— Прошу, мамаш, у нас ест будет душевный разговор, — сказал он.

— А я, господин хороший, и постою, ноги не отвалятся.

— Это ест не культурно, мамаш. Молодой мужчин сидит, старый фразу стоит. Не хорош, — попытался он разыгрывать из себя джентльмена:

А ты мне, мил человек, сказал бы лучше, чего тебе надобно? Что ты все какую-то антимионию разводишь? — простодушно и бесхитростно спросила она.

— Почему такой строгий, мамаш? — не снимая улыбки, сказал гестаповец. — Я желаю добра... Надо ошен мало: где ест партизан киндер помогай?

— Ничего не знаю и не ведаю, — ответила она. — Зря щи с мясом на меня изводите.

— О, то ест не хорош. — Гестаповец старался казаться спокойным, и улыбка не сползала пока еще с его лица. — Можно красиво жить, мамаш, ошен красиво. Громадный деньга за одно слово: где ест партизан?

Мария Гавриловна онемела от ужаса, придя в себя, задрожала от гнева и с таким презрением посмотрела в глаза гитлеровцу, что тот, не выдержав взгляда заключенной, на какое-то мгновение опустил голову. Потом поправил сдвинувшееся на кончик носа пенсне, провел ладонью по гладко выбритому подбородку, резким движением губ снял улыбку и строго сказал:

— Может, эта игрушка помогай говорил? — Он похлопал рукой по чемоданчику, раскрыл его и разложил на столе какие-то странные по своей конфигурации металлические предметы.

С ужасом она смутно догадывалась, что все это и есть орудия пытки.

— Думай, мамаш. Ошен думай. Ест время одна сутка. До завтра. Ауфвидерзейн!

Он быстро встал со стула, собрал свои «игрушки», аккуратно сложил их в чемоданчик и ушел.

Через несколько часов надзирательница приказала ей покинуть свои комфортабельные апартаменты и втиснула ее в совершенно пустую каморку с крошечным оконцем под потолком, где не на чем было ни прилечь, ни присесть. На обед принесли миску воночей баланды и кусочек эрзац-хлеба, состоявший наполовину из отрубей и опилок. Это не сулило ничего хорошего.

Малограмотная пожилая женщина не была искушена в изуверствах фашистов. Но сердцем она чувала, что приближаются страшные испытания, и решила не сдаваться. Понадобится умереть — что ж! Лучше умереть, чем продавать врагу свою совесть и честь.

На другой день звякнул тяжелый засов на дверях и в камеру просунулась лохматая голова полицая. Бросив на заключенную холодный взгляд, он мрачно буркнул:

— На допрос!

И провел ее в комнату, где за широким столом сидел вчерашний визитер и перед ним на столе лежал солидный набор «игрушек».

— Так будем говорить? — спросил он, перекладывая с места на место свои «игрушки», чтобы привлечь к ним внимание. — Где ест партизан помогай киндер? — едва сдерживая гнев, строго начал гестаповец.

Она решительно покачала головой:

— Знать не знаю, ведать не ведаю.

Палач побагровел, встал, вынул из кобуры пистолет и подошел к ней.

— Думай, мамаш, раз... Думай, два...

— Ничего ты от меня не добьешься, ирод проклятый! — с сердцем сказала повариха.

Палач ударил ее рукояткой пистолета по голове, и она упала.

— Вассер! — крикнул гестаповец.

Вошел ефрейтор. С невозмутимым спокойствием он привычным движением вылил на лежавшую без сознания на полу женщину ведро воды, помог ей встать, усадил на стул и ушел.

Потом были угрозы. И соблазнительные обещания «красивой жизни». Убедившись в бесплодности своих «методов», палач подверг ее чудовищным истязаниям. Бесчувственную женщину подручные оттащили в камеру и бросили на каменный пол.

Мария Гавриловна очнулась лишь поздно ночью. Пробившийся через решетку осколок луны светил ей в лицо. Она с трудом перевернулась на бок в надежде, что это хоть на минуту облегчит страдания. Но ничем нельзя было унять мучительную, адскую боль.

— Спаси Христос! — тихо шептала она. — Спаси и помилуй...

По проселочной дороге по направлению к Быковщине тощая лошаденка еле тащит телегу. На ней лежит в забытье пожилая женщина. С обеих сторон ее охраняют полицайи. Они попыхиывают самокрутками и с равнодушным видом изредка посматривают на «преступницу» — она нет-

нет да и застонет, когда колеса со скрипом ныряют в ухабы.

— Не скучай, мамаша, скоро все кончится, приказано тебя в расход, — спокойно процедил один из полицаев.

— И на кой тебе дьявол сдались эти партизаны? — философствовал другой. — Сказала бы, где они там прячутся, и отпустили бы твою грешную душу на покаяние.

Мария Гавриловна приоткрыла глаза. Знакомые до боли в сердце места! Вот по этой дороге она часто ходила в тайники за продуктами. А вот здесь с ребятами собирала грибы. Теперь все... Всею конец...

«Как-то они без меня будут, сиротинушки?» — мелькнуло в голове. И вновь впала в забытьё.

Больше она уже не просыпалась. Она не слышала, как полицаи стащили ее с телеги, бросили на обочине, дали по ней две очереди из автоматов. Думали закопать, но не оказалось лопаты, и они оставили мертвое тело на дороге.

Но не довелось убийцам вернуться на свою базу. Не дождался штурмбанфюрер их доклада о выполнении задания. На обратном пути в Ветрино полицаев перехватила наша засада.

...Лишь на четвертый день детдомовцы, бродившие в окрестностях Быковщины в поисках грибов и ягод, нашли свою тетю Марусю.

Вася прибежал бледный, взволнованный. Кепчонка, прикрывавшая наполовину полысевшую от чесотки голову, сбилась на затылок, ноги дрожали. Встретив у входа в дом Николая Станиславовича, он едва проговорил:

— Ой, дядя Коля, как страшно!

— Ты что, Вася? — Директор обнял мальчика за плечи и посмотрел ему в глаза. — Что случилось, Вася?

— Мы пошли в лес за грибами, и ... там... в канаве... тетя Маруся... Вся в крови... Ой, дядя Коля, дядя Коля... — в каком-то неистовом смятении повторял Вася.

— Ее же увезли в Ветрино, — недоумевал Тишкевич. — Как же так?... — И после паузы: — А ну-ка пойдем, покажи.

В канаве, в луже крови лежала тетя Маруся, Мария Гавриловна, глядя в одну точку открытыми остекленевшими глазами. На губах застыла страдальческая улыбка.

Вслед за Тишкевичем в лес прибежали Оля и Зоя, мальчики и девочки. Они шли молча, не по годам сосредоточенные. По пути собирали полевые цветы. Каждому хотелось хоть чем-нибудь выразить тете Марусе свою любовь и благодарность за то, что сделала она для них в самые тяжкие дни.

Похоронили тетю Марусю на холме у подножия могучего дуба, где она любила отдыхать, когда выпадали свободные минуты.

У могилы Николай Станиславович сказал прощальное слово:

Ну вот, дети, нет у вас теперь тети Маруси... Запомните, кто отнял у нее жизнь. Такое изуверство не должно быть забыто. Прощай, добрая душа! — Он низко поклонился. — Прощайтесь, ребята!..

Тишкевич вынул из бокового кармана пиджака красную косынку и положил ее на шершавую необтесанную крышку гроба.

— Вот и все, — глубоко вздохнул он.

Высокий холм был густо осыпан зеленью и цветами. Понурился, медленно возвращались в свой дом ребята и молча разошлись по своим комнатам. В ту ночь кое-где в спальнях слышался сдавленный детский плач...

6

— Читал?

Начальник разведки вошел в штабную землянку в тот момент, когда я с комиссаром занимался расшифровкой очередной радиogramмы из Москвы.

Я поднял глаза и уловил на лице Корабельникова загадочную улыбку. Он часто так улыбался, когда сталкивался с какой-либо нелепостью или злобной провокацией гитлеровцев по поводу «Неуловимых».

— Что именно?

— Да вот, очень любопытную листовку притащили наши разведчики из Полоцка. Посмотри-ка. Мы, оказывается, страшнейшие бандиты: убиваем женщин и детей, даже старух не жалеем.

— Интересно. Ну-ка, Борис Львович, почитай.

Комиссар взял у Корабельникова листовку, начал читать и громко рассмеялся.

— 'Хватит тебе смеяться. Ты лучше почитай вслух, — попросил я.

— 'Слишком длинно, — сказал Глезин. — Я перескажу своими словами. Оказывается, повариху из детского дома убили не полицией по приказу гестапо, а наши партизаны. Какая наглость, какой цинизм! Ты подумай только: два невинных агнца везли с почетом в детский дом в Быковщину ошибочно задержанную женщину Марию Гавриловну Завальнюк, на эту идиллическую процессию напали «Неуловимые» разбойники, зверски умертвили обаятельную старушку и расстреляли сопроваждавших ее телохранителей. Надо же придумать такую ахинею!

Я выслушал монолог комиссара довольно спокойно. За время нашей боевой работы в тылу врага мы были свидетелями более чудовищных провокаций гитлеровцев. Они не гнушались никакими средствами, чтобы скомпрометировать не только партизан, но и Красную Армию, и вообще Советскую власть.

И тут мне вспомнилась прошлогодняя акция фашистов в Полоцке.

Это было в ночь на восьмое сентября сорок второго года. Я твердо помню эту дату — такие события плотно врезаются в память и не забываются. В ту ночь советские самолеты пытались разбомбить военные объекты Полоцка. Налет оказался неудачным. Бомбы разорвались в городском саду и где-то неподалеку от лагеря военнопленных. Люди не пострадали. Не было не только ни одного убитого, но и никто не был даже ранен. Начальник гестапо решил воспользоваться этой неудачной бомбежкой и собрал своих приближенных на экстренное совещание. Через несколько часов полиция начала сгонять население города на главную площадь на похороны... жертв бомбардировки.

Когда площадь была заполнена народом, привезли из лагеря

военнопленных десять грузовиков с трупами. Возле вырытых могил встали с кадилами попы во главе с местным «профессором богословия» Пономаревым.

Кстати, несколько слов об этом предателе, ставшем начальником церковного отдела городской управы.

В дни церковных праздников он вместе со своей благоверной супругой аккуратно посещал Николаевский собор, где собиралось обычно немало верующих. Однако эта набожная чета менее всего прислушивалась к доносившимся с амвона молитвам. Более всего она интересовалась настроениями православных, их отношением к оккупантам. Достаточно было одной неосторожной фразы, вскользь брошенного слова, чтобы очутиться в гитлеровском застенке. Дежурившие у выхода из собора полицией по указанию Пономарева задерживали недовольных и тут же отправляли их в тюрьму.

За ревностную службу фашисты назначили «профессора богословия» по совместительству и начальником отдела пропаганды городской управы и послали в Берлин для «усовершенствования».

Лекции Геббельса вдохновили Пономарева на новые «дела». Вернувшись из столицы рейха, он стал преподавать в местных полицейских школах дисциплину «Национал-социализм» и выступать с докладами на эту тему перед населением. Этот подонок считал себя вождем местной интеллигенции. И когда гитлеровцы устроили чудовищное истребление военнопленных и решили торжественно похоронить их на главной площади города, «святой отец» Пономарев поднялся на трибуну, благоговейно снял шляпу и сказал:

«Уважаемые граждане древнего Полоцка. Все вы знаете, что сегодня ночью антихристы-коммунисты бомбили наш мирный город. Вот они перед вами — невинные жертвы красной авиации. Господь бог примет их в свои райские чертоги, но они вопиют о мести. Да будет вам земля пухом, незабвенные соотечественники. Аминь!»

Зачадили кадила. Попы начали отпевать людей, которых казнили фашисты, чтобы обвинить в варварстве коммунистов и Советскую власть.

7

Хаджи-Батыр Бодоев вернулся из очередного визита в детский дом мрачный и угрюмый. Взобравшись на свою постель из еловых веток, покрытых мешковиной, он хмуро ворочался с боку на бок и долго не мог уснуть.

— Ты чего не спишь? — При свете коптилки Верхогляд чинил свои издававшие виды галифе.

— Понимаешь, Ваня, какая петрушка, — в раздумье ответил Бодоев. — Заглянул я вчера по пути с «железки» к нашим подшефным ребятишкам.

— Ну как они там?

— Понемногу приходят в себя. Хлеб есть, картошка. Но вот,

понимаешь, какая беда: соли ни крошки, а где взять — ума не приложу.

— М-да, насчет соли — полная хана, — со вздохом согласился Верхогляд. — И у нас в отряде бедновато. Думать надо!

— Вот я и думаю, только придумать ничего не могу. — Хаджи-Батыр повернулся на другой бок.

Через несколько минут, когда уставший до предела после двух бессонных ночей Бодоев закрыл глаза и готов был уснуть, Верхогляд огласил землянку радостным восклицанием:

— Есть-есть, нашел!

— Что? Где? — сквозь дрему спросил Хаджи-Батыр.

— Соль нашел! — ответил Верхогляд, поплевав на ладонь и разглаживая только что пришитую заплату.

И рассказал, что во время своего недавнего похода в разведку в деревню Глушки он случайно узнал о необыкновенной жадности местного полицая Войтовича, таскавшего в свою хату соль со всей округи. В те годы соль была едва ли не самым дефицитным продуктом во всей оккупированной Белоруссии и ценилась чуть ли не на вес золота.

— А от кого ты все это узнал? — заинтересовался Бодоев.

— Ну как от кого? Старики говорили, бабы, — ответил Верхогляд. — За щепотку соли этому предателю отдавали последнее. Говорят, он нажил на этом деле целое состояние.

— Вот это здорово! — Хаджи-Батыр присел на своей постели, обхватив руками колени. — А ты не узнал, частенько ли гитлеровцы бывают в Глушках?

— Пытался, спрашивал. Говорят, когда заходят, а когда нет — шут их разберет! По настроению. Главный хозяин в деревне — Войтович. Хорошо бы и его, конечно, вместе с солью... кровопийцу этакого...

— Неплохая идея, — оживился Бодоев. — Надо, понимаешь, с командиром отряда посоветоваться, — и, забыв о сне, быстро поднялся и заторопился к выходу. — Скорее, Ваня, кончай свое швейное производство, и пошли.

Комлев одобрил идею Верхогляда, и через несколько дней два парня, с документами лесорубов в кармане, колунами на плечах и пистолетами под полами пиджаков за поясом, появились на улицах деревни Глушки.

— Стой, красавица, не торопись, — остановил Хаджи-Батыр встретившуюся на дороге девушку с коромыслом и двумя ведрами воды.

— С хорошими ребятами почему и не постоять, — кокетливо улыбнулась девушка, блеснув двумя рядами белоснежных зубов и опустив коромысло с ведрами на землю.

— Будь ласка, дивчина, — обратился к ней Верхогляд. — Где тут проживает ваш главный полицай Войтович?

• — А его нету.

— Как нету? Живет-то он здесь?

— Живет-то здесь, только уехал с утра пьяный с какими-то фрицами.

— Эх ты, беда какая! — невольно вырвалось у Бодоева...

— А на кой шут он вам сдался — наш полицай? Вы, по топорам видно, насчет работы — так у него зимой снега не выпросишь. Мужик крутой —

всю деревню в испуге держит.

— А новые господа часто бывают? — спросил Верхогляд.

— Когда как: когда на дню по три раза, а когда неделями не видать, — ответила она разочарованно. Ей совсем не хотелось с такими бравыми хлопцами вести серьезные разговоры.

— Так, говоришь, Войтовича сейчас дома нет? — уточнял Хаджи-Батыр, думая о чем-то своем.

— С утра уехал, сама видела. А живет он во-он в том доме с садиком, с глечиками на плетне, — сказала девушка и с укором посмотрела на незнакомцев, у которых не нашлось для нее ни одного ласкового слова.

— Ну, прощай, красавица, — снял кепку Верхогляд, — жениха тебе хорошего. Пошли, Хаджи-Батыр.

И они направились к дому полицая.

Хозяина действительно дома не оказалось.

— Немножко не застали, — сказала его жена. — Господа офицеры приезжали, так закусили маленько, — как бы оправдывалась она, убирая со стола окурки и остатки трапезы. — А вы откуда будете и по каким делам?

— Из Булавок мы, мамаша, соседи, — ответил Верхогляд. — Едем в лес на заготовку дров. Сольцей разжиться хотели.

— Э, милые, где она — соль-то? Ее теперь днем с огнем не найдешь.

— Не хорошо, мамаша, — вступил в разговор Хаджи-Батыр. — Слух идет, Войтович всю округу солью кормит, а вы...

— Было, милые, все было. А теперь новые господа все как есть под чистую подобрали.

— Так ли уж под чистую? — засомневался Верхогляд, — Мы сейчас все это проверим, — на полном серьезе и совершенно спокойно и деловито сказал он, вынимая из кармана своего неизменного спутника — половинку старого трофейного полевого бинокля. Привычным движением он стер рукавом прилипшие к линзе крошки махорки, прищурил один глаз и, приставив к другому свою «полубиноклю», пристальным взором окинул горницу, осмотрел все шкафы, буфет, сундуки, ящики, заполнившие жилище полицая, изредка бросая подозрительные взгляды на хозяйку.

— Ты чего, милый, так смотришь? — волнуясь, прошептала жена полицая побледневшими губами.

— Изучаю, мамаша, не согрешила ли ты перед господом насчет сольцы? — ответил Верхогляд, продолжая поочередно нацеливать свою «полубиноклю» на все стоявшие в хате вещи. — Мой приборчик, мамаша, все видит — вот какая штукавина! От него ничего не скроешь. Оптика, мамаша, тут уж ничего не поделаешь, — разъяснял он перепуганной насмерть хозяйке. — Сквозь огонь и воду засекает, у кого что лежит.

Задрожала от страха жена полицая, стала креститься и приговаривать:

— Не погубите, сыночки, не виновата я... Сам велел никому ни крошки — ирод он этакий. Убью, говорит, если кому сундуки с солью откроешь.

— Не хорошо, мамаша, получается, — пожурил Хаджи-Батыр. — Мы к тебе, понимаешь, всей душой, а ты против правды пошла. Ну ладно,

мамаша, открывай сундуки. В котором, Ваня, твоя полубинокля соль показывает? — бросил он иронический взгляд на Верхогляда.

— Вроде бы во всех понемножку солыца проглядывается на приборе. — Он прихлопнул цилиндрик и положил его в карман. — Дело ясное, мамаша, открывай.

Ни жива ни мертва она открыла один из сундуков. В нем аккуратно были уложены завязанные мешочки с солью.

— Берите, хлопцы, — сказала она, — Записочку только оставьте, сколько взяли, а то прибьет меня хозяин. Воротится — и прибьет. Он завсегда, как придет домой — сразу в сундуки и мешочки считает.

— А когда он воротится? — спросил Верхогляд.

— Кто его знает! Может, к ночи, а то и завтра.

— Ничего, мамаша, не прибьет, — успокоил Бодоев. — Мы тебе такую бумагу оставим — не тронет. С печатью бумагу. Верную. Надежную. Сама только не открывай, слышишь?

— А чего я в ней понимаю — неграмотная.

— Ну то-то, смотри.

Хаджи-Батыр присел к столу и написал расписку в том, что «Неуловимые» одолжили четыре мешочка соли с отдачей после войны.

— Держи, мамаша, покрепче, — сказал он, передавая ей этот документ.

— Будь здорова, мамаша, — козырнул Верхогляд и разложил по два мешочка в рюкзаки себе и Хаджи-Батыру. — Не обижайся, хозяйюшка, если что не так.

И, попрощавшись с женой полица, наши партизаны вышли из хаты и взяли курс на свою базу.

...Дня через три в детском доме был большой праздник. Орлик принес из тайника вместе со связкой лука мешочек соли.

Новая повариха, единственная оставшаяся в живых в сожженной до тла гитлеровцами деревне, Домна Филипповна Савчук, радостно заулыбалась, увидев на кухне такое богатство. Еще бы у ребят началась цинга: кровоточили десны, выпадали зубы, и мечта о ложке соли казалась несбыточной мечтой.

И вдруг... Целый мешочек, килограммов десять. Это был бесценный подарок.

— Слышала, Оленька? — спросил Тишкевич вожатую, и на его изможденном голодом и страхом за судьбу детей лице будто разгладилась морщины, мелькнуло подобие улыбки.

— Все слышала, все знаю, дядя Коля, — ответила Ольга.

— Кто бы мог быть этот добрый человек? — задумался Николай Станиславович.

— Вероятно, все те же наши «Неуловимые».

— «Неуловимые» — это ясно. Но кто именно?

И тут Ольга вспомнила свой недавний разговор с Хаджи-Батыром Бодоевым.

...Они сидели в ее крохотной комнатухе и говорили о жизни. Было тихо, спокойно, и разговор шел о том, как сложится жизнь после войны,

когда выгонят оккупантов и на родной земле наступят мирные дни. Неужели придет время, когда в любом городе и селе можно будет спокойно жить, работать, ходить по улицам, в театр, в кино, в гости, не боясь, не оглядываясь, что вот сейчас, в любую минуту могут нагрянуть фашисты и отнять все, что у тебя есть, — одежду, пищу, а то и жизнь. И все это для них так просто, как выкурить папиросу.

— А знаешь, Ольга, о чем я сейчас думаю? — спросил Хаджи-Батыр.

— О чем?

— Сидим мы с тобой у самого Терека в нашем городе Орджоникидзе, а над нами — рукой подать — сам грозный Казбеги. Понимаешь, Оленька? Мы с тобой, и совсем рядом Казбеги, — мечтательно говорил он. — А высоко в небе большая такая луна. Смотрит на нас и смеется. Да-да, ты не смейся, луна умеет смеяться. А я смотрю на тебя... Смотрю, и хочется мне поцелуями разгладить все твои морщинки. Я люблю тебя, Ольга, понимаешь?

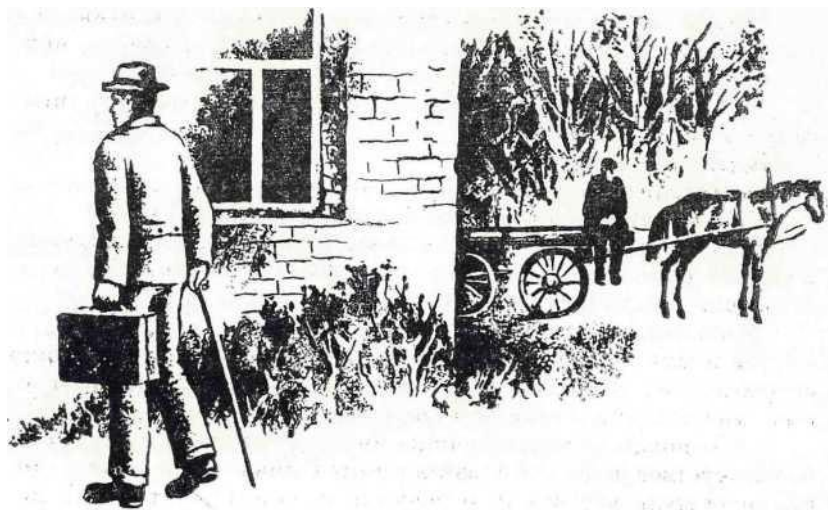
— Не надо, Хаджи-Батыр. Теперь не время говорить о любви.

О любви всегда время, Ольга, потому что от любви идет вся жизнь на земле.— Он нежно погладил ее хрупкую руку с тонкими пальцами своей шершавой ладонью, посмотрел в ее усталые, глубоко запавшие глаза и, взглянув на часы, быстро встал.— Мне пора, ждут товарищи. Идем на «железку». — И сказал на прощание: — Помнишь оперу «Евгений Онегин»? Я люблю вас, Ольга...

Она закрыла лицо руками. Не то от счастья, не то от страха, что фашисты могут отнять у нее любовь, надежду и даже... жизнь.

А он ушел, бросив уже у дверей:

— О соли я помню, не беспокойся...

Глава шестая

1

О дважды в приемной паспортного стола полоцкой полиции появился прихрамывающий на левую ногу сравнительно молодой человек с палочкой и спросил капитана Миллера. — Одну минуточку, — сказала встретившая его круглолицая девушка с длинными косами и ушла в соседнюю комнату. Вскоре она пригласила посетителя в кабинет начальника.

Капитан Миллер отодвинул лежавшие перед ним на столе бумаги, взял протянутую ему записку, внимательно ее прочел и понимающе кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Сейчас оформим вам новый паспорт. Фотокарточки у вас с собой? Оставьте, пожалуйста, все документы у девушки... да-да, той самой, с косами. Немного придется подождать. Вас вызовут.

Молодой человек вышел в приемную, сел на стоявший у окна стул, вынул из кармана газету и, в ожидании вызова, стал читать.

Время шло, народу все прибывало, девушка с косами услужливо брала документы, оформляла их, носила капитану на подпись, возвращала. Тех, кому выдавали новые паспорта, приглашали к начальнику, и тот лично вручал их посетителям.

— Господин Селюк! — окликнула девушка, выйдя в приемную из

кабинета капитана.

Никто не отозвался.

Посетители переглянулись, словно спрашивая друг друга, не он ли и есть тот самый Селюк, которого вызывают.

— Господин Селюк! — чуть громче зазвенел мелодичный девичий голос. — Пожалуйста к капитану. Господин Селюк, — повторила она в третий раз.

Но и на этот раз никто не отозвался.

Через минуту вышел из кабинета сам капитан. Он окинул взглядом всех сидевших в приемной и, заметив молодого человека, пришедшего с запиской, подошел к нему:

— Господин Селюк, прошу ко мне.

Почувствовав на себе взгляд начальника паспортного стола, посетитель вздрогнул, оторвался от газеты — это была немецкая газета — и, виновато пряча ее в карман, встал.

— Простите, пожалуйста, не слышал, — и пошел вслед за капитаном в его кабинет.

— Вы что же, господин Селюк, так увлеклись газетой? Вас трижды вызывали, и вы даже не откликнулись. Интересная статья?

— Да-да, статья действительно интересная.

— О чем?

— О том, что фюрер обещает немецкому народу уже в этом году большевистский праздник Седьмого ноября обязательно встретить на Красной площади в Москве.

— Это действительно интересно, — как-то безучастно уронил капитан. — Ну вот вам новый паспорт, господин Селюк, поезжайте в Быковщину, в детский дом. Судя по записке, вы туда, кажется, получили направление преподавать историю? Воспитывайте ребят, как подсказывает вам ваша совесть, ваш профессиональный долг. Желаю успеха.

...После окончания приема капитан, оставшись наедине со своим секретарем-девушкой с косами, как бы между прочим сказал:

— А вам не кажется, что о господине Селюке стоило бы сообщить «Неуловимым»? По-моему, Селюк этот — совсем даже и не Селюк. Уж слишком долго он не мог вспомнить свою собственную фамилию...

Откуда в гитлеровской армии такой добросердечный, предупредительный и человечный офицер?

И тут мне придется совершить небольшой экскурс в не такое уж далекое прошлое.

Было это в начале лета. Начальник разведки Корабельников вернулся из очередного рейда по нашим тайникам и принес, как обычно, целую кучу всевозможных записок.

— Какие новости, Павел Алексеевич?

— Кое-что есть. Сейчас разберем сегодняшний «улов», — улыбнулся он, вынимая из планшета треугольники из тетрадей в клетку, обрывки оберточной бумаги, картонки от папиросных коробок, на которых — у кого что было под рукой — писали свои сообщения разведчики.

Местные жители, желая помочь партизанам в борьбе против оккупантов, нередко по своей инициативе или по нашей просьбе добывали сведения о противнике — становились разведчиками, взрывали мосты и пускали поезда под откос — становились подрывниками. Такие помощники «Неуловимых» в зоне действия нашей бригады были почти во всех городах, селах, на железнодорожных станциях. Они жили опасной, тревожной жизнью — эти неприметные, с виду простые, скромные советские люди: дежурные по станции, стрелочники, учителя, шоферы, счетоводы, домохозяйки, медицинские сестры и санитарки. По заданию партизан они работали в немецких гарнизонах, служили в управах, больницах, школах, а то и просто бродили по округе, якобы в поисках куска хлеба. По призыву сердца, по долгу совести они бескорыстно и бесстрашно выполняли поручения, порой очень трудные, связанные с риском для жизни, добывая для нас секретные сведения о противнике, о его намерениях и планах, о передвижении войск и карательных отрядов. Эти сведения они сами или через связных доставляли в условные места-тайники, «почтовые ящики» — дупло дерева, камень у могильной ограды, уцелевшая печь сожженной хаты. В удобное время, конспиративно, специальные связные-разведчики собирали эту информацию и передавали ее в штаб. Здесь все анализировали, обобщали, в результате получалась ясная картина обстановки, в которой приходилось действовать. На карте наших планов появлялись новые точки для налетов, каратели подвергались огню партизанских засад.

Бесценна помощь разведчиков в боевой обстановке! Нет или почти нет таких оперативных задач, которые можно было бы успешно решать исключительно силой оружия. Идет ли речь о разгроме вражеского гарнизона, взрыве моста, склада, железной дороги — всегда нужно многое знать, прежде чем приступить к боевой операции. Даже не очень искушенные в военном деле люди отлично понимают, чем может кончиться любое, пусть даже и правильно задуманное дело, если пойти на него без учета обстановки во всех ее деталях, не имея точных данных, что ждет тебя на пути к цели, как лучше и вернее к ней подойти. Малейшая ошибка — и провал, кровь, жертвы...

Узнать же все необходимое о противнике — совсем не так легко и просто.

Наши разведчики пользовались доброй славой не только в своей бригаде, но и в соседних партизанских соединениях. И все же круг их действий был сравнительно ограничен. Не всюду и не везде они могли постоянно бывать и узнавать, что интересует командование. Даже самым опытным и смелым не всегда удавалось проникнуть, скажем, в гитлеровский гарнизон, установить его численность, огневые средства или

с предельной точностью разведать, как охраняются железнодорожные пути, мосты, склады с горючим, боеприпасами, определить наиболее удобные и безопасные подходы к коммуникациям врага. И сотни, тысячи патриотов в оккупированных городах и селах помогали нам успешно решать многие сложные и разведывательные задачи.

— Обрати внимание вот на эту записку, — сказал Корабельников, передавая мне листок из тетради, исписанный мелким почерком.

Это действительно было очень интересное послание.

Наша подпольщица, учительница Анна Наумовна Смирнова, из конспиративных соображений служила домработницей у счетовода военного госпиталя в Полоцке, кстати сказать, тоже подпольщика, Рылькова. Смирнова имела уже солидный по тем временам разведывательный опыт. Она сумела освободить из госпиталя и из лагеря военнопленных несколько десятков солдат и офицеров, большинство которых пришло в наши отряды «Неуловимых». И вот Анна Наумовна сообщает, что ее подруге Лиле Костецкой удалось устроиться в полоцкую полицию. Лиля выяснила, что начальник паспортного стола капитан гитлеровской армии Курт Миллер как будто человек порядочный, антифашист и готов нам во всем помогать.

А произошло это вот каким образом...

Домработница счетовода Рылькова тщательно мыла деревянные ступеньки крыльца и напевала:

**Отлепись плохая жисть,
Прилепись хорошая...**

Не впервые соседи слышали эту монотонную песенку из пяти слов.

— Опять убогонькая завела свою волынку, — сочувственно вздохнула, перекрестившись, богобоязненная Анфиса Кондратьевна, выйдя из калитки своего дома.

— Это вы про кого, бабуся? — спросила проходившая мимо крыльца Рыльковых круглолицая девушка с длинными косами.

— Да все про нее... про эту. — Она кивнула в сторону молодой женщины в глубоких калошах на босу ногу, выжимавшей в ведре тряпку. — Уж который день заладила: все отчепись да причепись, отчепись да прилепись... Не в себе, видать, — Она постучала себя пальцем по лбу. — Спаси Христос! — и ушла.

Девушка остановилась, молча вслушиваясь в немудреную песенку, и посмотрела на молодую женщину. Неужели Аня Смирнова, соученица по педагогическому училищу? Как будто она... Как-то трудно поверить, что Аня стала такой. Но, может быть, и в самом деле она «не в себе», как сказала бабуся?.. Чего только не случилось теперь с людьми!

— Аня, ты? — несмело спросила девушка, тронув ее за плечо.

— Лиля? — подняла голову Смирнова. — Боже мой, какая встреча! Давно мы с тобой не виделись. Ну как ты живешь? Что делаешь?

Смирнова давно знала Лилю Костецкую, дочь многолетнего рабочего, в семье которого она была самой младшей. Жили они трудно — детей

пятеро, мал мала меньше, а работник один. Но все же Лилию, как говорится, вывели в люди, выучили. Она поступила в Полоцкое педагогическое училище. Здесь-то она и познакомилась с Аней. Учились они, правда, на разных курсах. Смирнова — на последнем, а Лиля — на первом, но они часто встречались на комсомольских собраниях, в кружках художественной самодеятельности и очень подружились.

После окончания училища Смирнова уехала на работу в Боровуху. Незадолго до войны и Лиля стала учительницей в Сиротинском районе Витебской области. Несколько лет подруги не встречались.

Началась война. Школу, в которой преподавала Лиля, оккупанты сожгли, и молодая учительница едва спаслась от фашистов, угонявших девушек в Германию. Скитаясь по деревням и селам в поисках приюта, она забрела в Полоцк, надеясь здесь найти старых друзей, знакомых, которые помогут, посоветуют, что делать, как жить?..

И вот случайная встреча со Смирновой.

— Почему — полы? Почему калоши на босу ногу? Почему такая песня? — с недоумением спросила Лиля.

— Длинная история. Потом все объясню. Заходи ко мне завтра... сейчас скажу, в какое время... Хозяева к десяти уходят, приходи в полдиннадцатого, обо всем поговорим. Идет?

И Лиля пришла в условленный час.

Душевный разговор с подругой открыл перед ней совершенно новый мир. Так вот, оказывается, как нужно жить теперь, когда Родина переживает такие трагические дни.

Лиля знала, слышала, что тысячи людей укрываются в лесах и ни днем, ни ночью не дают покоя врагу, уничтожают его, помогают Красной Армии скорее изгнать фашистов с родной земли. И вот Аня... Здесь, в логове врага, она открыла для себя дорогу в жизнь тревожную, опасную, но исполненную высокого гражданского мужества и общественного долга. Значит, и ей, Лиле, нужно найти свое место во всенародной борьбе с фашизмом.

— Знаешь, Аня, что я придумала? — сказала Лиля.

— Ну что?

— Пойду работать в полицию.

— В полицию? — удивилась Смирнова. — Впрочем, — добавила она, поразмыслив немного, — это идея. Но кто тебя туда возьмет?

— А почему не взять? — довольно уверенно объяснила Лиля. — Я знаю немецкий язык. Им требуются «культурные силы». Читала сегодня в газете?

— Читать-то читала, только... Ладно, попробуй, желаю тебе успеха. Смотри только, будь осторожна.

Начальник городской полиции предатель Обухович встретил новую «культурную силу», пожелавшую служить «великой Гер мании», предупредительно и радушно.

— Ну что ж, милая девушка, если вы осознали необходимость внести и свою скромную лепту в установление «нового порядка» в Европе — милости просим. Определим вас в паспортный отдел. Заведует этим

отделом капитан Курт Миллер. Он вас научит работать и любить нашего фюрера.

Так начала свою службу в полиции Лиля Костецкая.

О своей подруге, решившей помочь нам, чем только возможно, и сообщила в своей записке Анна Смирнова.

Мне с Корабельниковым захотелось поближе познакомиться с такой отважной девушкой, тем более что Смирнова в своем послании упоминала о таинственном капитане, который, по мнению Лили, может быть нам полезен.

В одну из ненастных осенних ночей мы, в сопровождении группы автоматчиков, отправились на свидание со своими разведчицами — Анной Смирновой и Лилией Костецкой. Свидание это состоялось на новой конспиративной квартире в небольшом домике на окраине деревушки близ Полоцка. Условный стук в дверь — и на пороге нас встречает наша старая знакомая Анна Смирнова.

— Здравствуйте, дорогие, входите, пожалуйста, — приветливо сказала она, протянув нам руки. — Ждем не дождемся. Весь чайник уже выкипел, придется новый ставить.

— О, да вы шикарно живете, — бросил Корабельников, окинув обстановку оценивающим взглядом. После землянки и нар с постелью из еловых веток комната, в которой была настоящая кровать с подушками, стол и четыре стула казалась царской палатой. — А это, видимо, и есть Лиля. — Он увидел поднявшуюся навстречу круглолицую девушку с длинными косами.

— Будем знакомы.

Лиля крепко пожала нам руки.

— Ну и чудеса в решете! — воскликнула она с детской непосредственностью, внимательно присмотревшись к моей длинной бороде. — Да вы, оказывается, совсем молодой человек, а похожи на старого дядьку. Вот бы мне такую бороду! — мечтательно вздохнула она.

— Это зачем же? Что вы будете с нею делать?

— Как зачем? Для конспирации, — деловито ответила Лиля.

Все мы дружно рассмеялись, уселись за стол и повели серьезный разговор о ее работе в полиции. Она рассказала нам, что ее непосредственный начальник, капитан Курт Миллер, оказался как будто порядочным человеком и подает добрые надежды.

Лиля довольно обстоятельно нарисовала внешний облик капитана — цвет волос, глаз, улыбку, описала его манеру говорить, слушать.

— С первых же дней работы в паспортном столе полиции, — продолжала она, — он произвел на меня какое-то странное впечатление. Именно странное, — повторила Лиля, — другого более подходящего слова, пожалуй, и не подберешь. Сидят у него в кабинете другие офицеры — он ведет себя, как и подобает фашисту: груб, высокомерен. Остается наедине со мной — он весь как-то преображается. Глаза его теплеют, в нем пробуждается человеческая заинтересованность к тому, что я говорю. Он внимательно выслушивает меня, терпеливо объясняет, как в том или ином случае следует поступить.

Рассказ Лили вызвал у нас много противоречивых чувств.

Провокатор? Может быть. Гитлеровцы показали себя изощреннейшими мастерами всевозможных провокаций. Испытывает девушку? Проверяет на прочность? Хочет расположить ее к себе, чтобы постепенно добиться от нее признания, зачем и почему она пришла в полицию, выведать ее связи с подпольщиками, партизанами? Вполне могло быть и такое. А может быть... Известно, что и в гитлеровской армии были настоящие люди, пусть немного, но они были... Каков же он — этот капитан? Все нужно десятки, сотни раз проверить и взвесить...

После долгих размышлений мы дали Лиле подробнейшие наставления, как действовать и что делать, чтобы в случае возможной ошибки не рисковать своей жизнью.

— Попробуйте сделать такой эксперимент, — посоветовал Корабельников.

И после этого Лилия решилась...

На очередном приеме у капитана она попросила двадцать бланков временных удостоверений, выдаваемых гражданам вместо паспортов. Это была обычная служебная процедура. Миллер отсчитал двадцать бумажек и предложил расписаться в их получении. Лилия как бы по ошибке поставила в графе «количество» 15 вместо 20-ти.

Миллер спокойно смотрел на мгновенно вспыхнувшее лицо Лили, когда она прикоснулась самопиской к бумаге; по его губам скользнула даже улыбка, когда он увидел, как дрогнула ее рука. Но почему он сделал вид, что ничего не заметил? Возможно, капитан этот и в самом деле хороший человек и с ним можно быть более откровенной? Лилия с большим волнением ждала, чем закончится этот рискованный эксперимент.

Когда нам стало известно, что опыт с бланками как будто прошел удачно, мы решили все же ни в коем случае не расходовать эти бланки (хотя они нужны были до зарезу для «липовых» документов нашим разведчикам), пока не будет полной ясности с капитаном. В крайнем случае Лилия сможет сослаться на ошибку.

Через два дня капитан срочно вызвал Лилию к себе.

— Очень интересно, фрейлейн, куда девались пять бланков временных удостоверений?

— Какие бланки? Вы разве дали мне какие-то лишние бланки? — побледнела Лилия.

— Я ничего вам не давал, вы сами взяли.

— Не знаю... не помню, — растерянно проговорила она. — Сейчас пойду, проверю.

Она бросилась к выходу из кабинета, но капитан опередил ее, запер дверь и ключ положил в карман.

— Садитесь, фрейлейн, — предложил он, указав на стул.

Лилия почувствовала, как ее охватил озноб и потемнело в глазах. Сквозь туманную дымку она видела, как со стены ехидно улыбнулся ей из рамок портрета Гитлер, будто хотел сказать: «Мы знаем, почему ты пошла служить в полицию».

«Сейчас начнется, — думала она. Она знает, слышала, что значит, когда фашистский офицер остается с русской девушкой наедине и запирает дверь на ключ... — Лучше смерть! И как можно было предположить, что этот капитан не такой, как все. Но он же и в самом деле не такой... Да-да, не такой... У него совсем другие глаза... Он совсем иначе смотрит на меня, чем те, другие... Не может быть, чтобы он был такой, как все... Не может?.. Почему же он запер дверь?.. Зачем?.. Запер и стоит курит, прислонившись к спинке кресла... Даже улыбается... Конечно, ему можно улыбаться... Он хозяин, завоеватель... И все-таки он не похож на других... Не похож?.. А что, если он сейчас подойдет и... Закричать?.. Глупо... Смешно и глупо... Кругом все такие... Нет, лучше уж...»

Она быстрым взглядом окинула комнату, и глаза ее остановились на секунду на открытом окне. «Третий этаж... Вполне хватит, чтобы...»

— Не надо думать о глупостях, фрейлейн! — Он перехватил ее взгляд, взял за руку и, усадив в кресло, сел напротив в другое и сказал: — Какая это есть у русских поговорка: черт страшнее нарисован, чем он есть на самом деле?

«Что это значит? Смеется? Издевается?»

Лиля посмотрела ему в глаза. Почему они такие теплые, ласковые? Разве у фашистов могут быть такие глаза?

— Мы, кажется, поняли друг друга, фрейлейн. — Он улыбнулся, — Все будет очень хорошо и очень чудесно. Надо только все тихо. У вас нервы немножко... Не надо, фрейлейн.

Капитан открылся ей во всем. Он давно искал встреч с советскими людьми. Он ненавидит Гитлера, фашизм, но вынужден ему служить, чтобы не подвергать преследованию свою мать, младших братьев и сестер. Его отец, социал-демократ, хозяин маленького бара в небольшом городке на Майне, замучен гитлеровцами в тюрьме. Под страхом смерти Курт Миллер присягнул на верность фюреру. Он пошел в полицию потому, что здесь, как нигде больше, можно проявить свои добрые чувства к советским людям и помогать им.

Лиля с огромным волнением слушала исповедь капитана. Когда он закончил, она глубоко вздохнула, стало легче дышать. Мир, жизнь казались не такими уж мрачными.

— Значит, герр капитан, мы делаем с вами одно дело? — не совсем еще уверенно спросила она.

— Да фрейлейн, — ответил он, подняв в раздумье глаза, — выходит, так. Это очень хорошо, фрейлейн, очень хорошо.

— А вам не страшно помогать русским, партизанам?

— Немножко... Но вы же меня не выдадите, фрейлейн, правда? — улыбнулся он. — А если захотите это сделать, вам же будет плохо. Гестапо скорее поверит немецкому офицеру, чем русской девушке.

— Ну кто же вы? Кем вас считать? — не унималась Лиля. Ей захотелось до конца узнать мысли, чувства капитана, его настроение, его отношение к людям — своим, чужим, его политические взгляды, — Коммунистом? Антифашистом?

— Кем? — Он задумался ненадолго. — Я не коммунист, фрейлейн.

Считайте меня просто честным немцем.

Курт Миллер всем своим поведением, всеми своими делами доказал, что он говорил правду. Честно и добросовестно он помогал партизанам. Не один разведчик и подпольщик «Неуловимых» имел удостоверение, справку, паспорт, выданные капитаном Миллером за подписью и печатями. В случае необходимости, он передавал через Лилу особо ценные документы — аусвайсы. Гитлеровские патрули относились к ним весьма почтительно. Предъявит партизан-разведчик свою «липу» — магический аусвайс, — фашист щелкает каблуками, вскидывает руку под козырек и предоставляет ему «зеленую улицу».

Как-то осенним днем к детскому дому в Быковщине подъехала телега и с нее сошел чуть прихрамывающий человек. В руках у него был небольшой изрядно потертый чемодан.

— Учитель Селюк, — представился он Николаю Станиславовичу Тишкевичу. — Пожалуйста, прошу, — и предъявил подписанное полицким бургомистром направление.

— Стало быть, историю преподавать приехали, — сказал Тишкевич, внимательно прочитав бумажку. — Ну что ж, очень приятно, — и протянул вновь прибывшему учителю руку. — В нашем полку прибыло — это хорошо. Правда, дети очень отошдали, но в последнее время кое-что удается для них доставать и они понемногу приходят в себя. Так что, Сергей Петрович, надеюсь общими усилиями наладить кое-какие занятия.

— Будем стараться, — ответил учитель, — будем стараться.

Жизнь детского дома протекала серо, уныло. Изредка сюда заворачивали проходившие мимо по шоссеиной дороге воинские подразделения оккупантов в надежде пожитьишься чем-нибудь. Но, обшарив все чуланы и кладовки и не найдя ничего, они тащили с матрасов уцелевшие кое-где одеяла, подушки и отправлиались восвосяи.

Вскоре выяснилось, что новый учитель меньше всего интересуется тем, как глубоко дети изучат плач Ярославны или нашествие татар. Странно, конечно, но историк слишком уж часто заглядывал на кухню и донимал поварахиу вопросами, имеющими весьма отдаленное отношение к исторической науке: «Откуда хлеб? Откуда мука, картофель, подсолнечное масло и пшено?»

«Помогают местные крестьяне? Вряд ли. У них самих ничего нет. Все села разорены до предела». Гитлеровские интенданты строго следят, чтобы в закромах местных жителей не залеживался ни один килограмм муки и ни одна мера картошки. Скот, свиней, птицу оккупанты вообще подобрали, что называется, под метелку.

«Откуда же? Откуда?»

И это «откуда» не давало, видно, историку покоя. Исподволь он заводил разговоры на продовольственные темы и с Тишкевичем, и с

Ольгой, и с Зоей, пытался выведать кое-что у ребят постарше, но все отвечали как-то уклончиво, невнятно, и волнующий его вопрос оставался без ответа.

Нам стала известна чрезмерная любознательность нового учителя. О ней поведал нам начальник разведки отряда Комлева Тишкевич-младший, поддерживавший систематическую связь со своим отцом — и личную, и с помощью «почтовых ящиков» — тайников. На очередной встрече на конспиративной квартире в пригородной деревушке близ Полоцка Лиля еще раз напомнила мне о том, что капитан Миллер не очень уверен в добрых намерениях учителя Селюка, которому он выдал новый паспорт перед отъездом в детский дом.

И на заседании штаба мы решили, что пришло время всерьез заняться этим учителем, выяснить, с какой целью явился в Быковщину этот просветитель юношества.

— Не худо бы командировать на денек в детский дом нашего Василька, — предложил Корабельников.

Эта идея всем нам пришлась по душе. Василек — Таня Мариненко, разведчик надежный, отлично владеет даром перевоплощения, когда это требуется по ходу дела.

И мы поручили Корабельникову срочно вызвать Таню в штаб и снабдить ее в путь-дорогу необходимыми советами и наставлениями.

2

— Кто там еще? — спросил заместитель бургомистра Суховой, окинув суровым взглядом робко заглянувшую в кабинет худощавую фигуру.

— К вам просится монашка, Степан Васильевич, — ответил секретарь, вытянув руки по швам и почтительно склонив голову набок.

— А что ей надо?

— Не могу знать. Говорит, с весьма важным поручением от игуменьи женского монастыря.

— Раз такое дело — проси, — кивнул Суховой, ухмыльнувшись в усы, и, вынув из ящика стола пачку сигарет, закурил.

Через минуту в сопровождении секретаря вошла молодая женщина в черном одеянии.

— Благослови господь! — прошептала она, осенив Суховея крестным знамением. Монашка и сама хотела перекреститься, но, пробежав глазами по всем четырем углам и не найдя иконы, так и застыла с поднятыми ко лбу перстами.

— Сколько раз я говорил — повесить богоматерь, — рассердился Суховой, метнув взглядом на стоявшего у дверей секретаря. — Приличному человеку и войти сюда невозможно, перекреститься не на что. Да и сам ведь христианин. Если завтра с утра не будет иконы с лампадкой, все загремите у меня! Понятно?

— Так точно.

— Разбаловали вас тут большевики!

— Будет исполнено, Степан Васильевич, не извольте гневаться, — заикаясь пролепетал побледневший секретарь и попятился задом к выходу.

Он знал, что с заместителем бургомистра шутки плохи. Не далее как на той неделе Суховой приказал сменить охрану, и полицейские, беззаботно и спокойно дежурившие в приемной, были отправлены сопровождать ассенизационные бочки, которые военнопленные вывозили из города на поля орошения.

Когда дверь за секретарем плотно захлопнулась, грозный начальник сразу подобрел, его словно подменили.

— Ну как, Василек, ничего? — спросил он шепотом монашку.

— Здорово это у вас получается, Степан Васильевич, — так же тихо ответила она. — Никогда бы и не подумала, что заведующий районо способен так блестяще играть роль гитлеровского сатрапа.

— Беда всему научит, Танюша, — вздохнул Суховой, — Не думаю, что роль заместителя бургомистра по вопросам образования, здравоохранения и культуры труднее роли святоши. Так что там у нас слышно?

— Вот. — Монашка раскрыла Евангелие и извлекла из переплета несколько листков папиросной бумаги. — Почитайте — узнаете.

-т- Сводка?

— Да.

— Спасибо, Василек.

— А я к вам по важному поручению «Неуловимых», — сказала монашка.

— Слушаю, Танюша.

— Мне надо добраться до Быковщины, в детский дом.

— Ну что ж, подумать надо, как это лучше организовать, — хмыкнул Суховой. — Когда тебе надо?

— Хотя бы сейчас, сегодня, — сказала Таня и тут же громко запричитала: — Благослови господь. И ныне, и присно, и во веки веков... — Ей почудился за спиной скрип двери.

— Это кресло у меня такое скрипучее, — рассмеялся Суховой. — Так говоришь в Быковщину? — переспросил он. — Сейчас соображу... — и нажал кнопку.

Вошел секретарь и, как всегда, почтительно склонил голову.

— Слушаюсь!

— Посади святую деву в мой кабриолет и — куда прикажет. Передайте матери игуменье, что ремонт келий мы берем на себя.

— Храни Христос! — троекратно перекрестила монашка Суховей.

— Да, вот что, — вспомнил заместитель бургомистра. — Скажи начальнику охраны, пусть пошлет для сопровождения христовой невесты какого-нибудь бездельника. На дорогах уж слишком много бандитов развелось. Не приведи господь, попадет в руки партизан, особенно из этих головорезов «Неуловимых».

— Слушаюсь, — поклонился секретарь.

— У подъезда прогуливался подозрительный тип с плоским лицом в нахлобученной на лоб кепчонке. Увидев монашку, он остановился и с любопытством окинул ее испытующим взглядом. Сопровождавший «дщерь божью» полицейский презрительно бросил ему:

— Ну, чего вылупился? Не видишь, что ли? Пшел вон отседава!

— Благослови господь! — бесстрастным голосом произнесла монашка и перекрестила незнакомца.

Незадачливый шпик нехотя снял кепку и лениво осенил себя крестным знамением.

В кабриолете заместителя бургомистра с полицаем на облучке рядом с кучером и надежным документом на имя послушницы Ксении, выданным ей через Лилу капитаном Миллером, Василек чувствовала себя относительно спокойно. Стоявшие на перекрестках стражи порядка вежливо брали под козырек. Таня отлично «вжилась» в свою роль. Увидев, хотя бы и вдалеке, купол церкви, она с упоением шептала молитвы и крестилась, вызывая горячие симпатии богомольных старушек.

Давно ли ходила она по этим улицам с шумной ватагой подруг по педагогическому училищу, пела комсомольские песни, вместе с ними радовалась весне, солнцу! Не по годам вдумчивая, впечатлительная, она очень любила книги. В свои девятнадцать лет успела перечитать многое. Овод! Не было, пожалуй, героя, который вызывал бы в ее душе такую любовь, такое преклонение, как этот мужественный юноша из далекой Италии.

Кроме книг, у Тани Мариненко было еще одно увлечение — театр. Таня была одной из самых активных любительниц в самодеятельных спектаклях и концертах. Где-то в глубине сердца жила надежда стать когда-нибудь актрисой. А почему об этом и не помечтать? Говорят, что она очень здорово играла Агафью Тихоновну в гоголевской «Женитьбе». Сколько смеха в зале, сколько аплодисментов, криков: «Таня, браво! Таня, бис!..» И еще она любила ребятишек, ей нравилась работа в школе. Какое счастье видеть, как восьмилетний несмышлениш на твоих глазах и с твоей помощью постигает грамоту!

Но летом сорок первого все рухнуло. Только два года ей довелось учительствовать в деревне Зеленки Полоцкого района. Приход оккупантов властно поставил перед ней вопросы: как быть? Что делать? Как найти свое место в этой страшной подневольной жизни?

Она стала упорно искать это место. И вскоре его нашла. Встреча с таким же, как и она, сельским учителем из деревни Сухой Бор Павлом Гуковым решила ее дальнейшую судьбу.

По поручению штаба «Неуловимых» Павел Гуков создал в окрестностях Полоцка разведывательную группу, ему очень нужны были связные для поддержания контактов между подпольщиками. Таня вскоре стала ближайшим помощником Гукова в его почетной и опасной работе.

Бесстрашная, сдержанная, обладавшая, несомненно, незаурядными актерскими способностями, она выполняла часто очень сложные и ответственные задания. Нужно было для дела — Таня Мариненко очень искусно разыгрывала торговку и в самом центре Полоцка у ворот

гестаповского особняка торговала пирожками, оглашая все вокруг истошным голосом: «Кому со свининкой, кому с говядиной, а ну-ка налетай!..»

Приходилось ей выступать и в роли легкомысленных красавиц, ищущих интимных знакомств с фашистскими офицерами. На проселочных дорогах встречали подчас нищенку, бродившую из села в село в поисках куска хлеба.

Поистине неутомимой была Василек — отважная связистка и разведчица, учительница Таня Мариненко.

3

Дед Михась, сидевший у ворот детского дома, попыхивая прокуренной насквозь трубкой, набитой сушеными листьями, увидев приближающийся барский экипаж, поднялся навстречу и вежливо поздоровался с неожиданными гостями.

— Доброго здоровья, господа хорошие, — сказал он, приподняв старую, потертую смушковую шапку.

Монашка с полицаем? Такого еще не видывал старый сторож, уже три десятилетия охраняющий покой малышей. Полицаев видал, гитлеровцев тоже — всякое видывал на своем веку дед Михась, но монашку рядом с полицаем — таких гостей в детдоме еще не бывало.

— Спаси Христос, дядуля! — сказала монашка, вылезая из кабриолета и на ходу осеняя его крестным знамением. — А где тут у вас отроковица Ольга? — спросила она.

— Это какую же такую отроковицу тебе надобно, — поинтересовался дед Михась. — Разумович, что ли?

— Фамилии не знаю, — скрестив на груди руки, ответила монашка, слегка поклонившись. — Всевышний фамилий не различает. Господь всех своих дочерей только по именам зовет.

— Видно, Разумович и есть, — подумав, сказал сторож. — Другой Ольги в отроковицах у нас нет. Зоя еще есть, а больше никаких отроковиц и нету, две только остались на хозяйстве. А тебе Ольгу позвать или сама дойдешь? Ейная светелка на втором этаже.

— Дойду, дядуля, дойду, — сказала монашка и, поднявшись на крылечко, бросила полицаю: — А ты, служивый, дожидайся меня, покалякай тут с дедушкой, потом обратно в город отвезешь. Спаси Христос! — Она перекрестила полицаю.

Отроковица Ольга встретила «дщерь господню» отнюдь не псалмом.

— Танька, черт! — воскликнула она, увидев на пороге своей кельи однокурсницу по педагогическому училищу. — И чего это ты вздумала напялить на себя такую хламиду? Ну, садись, рассказывай. — Она усадила гостью на диванчик, обитый пестрым ситчиком, и сама присела рядом с ней.

— Тише, отроковица, тише, — сказала монашка, крепко расцеловавшись со своей подружкой, — А то, чего доброго, фашисты нас

с тобой обеих загребут, если раскроют тайну моего маскарада.

— Теперь их у нас нету. Третью неделю не появляются, — успокоила Ольга.

— Ну как ты тут? Ребята как живут? — спросила Таня.

— Теперь ничего. Отходят понемногу. Партизаны помогают. «Неуловимые». Слышала о таких?

— Еще бы! — многозначительно улыбнулась Таня.

Ну вот: то муки подбросят, то пшена, то картошки, а иногда даже кусок мяса или сала. Если бы ты только знала, как все тяжело. Хранить у себя в доме ничего нельзя, — продолжала Ольга. — Нагрянут гитлеровцы — все отберут до последней крохи. Партизаны оставляют свои гостинцы в лесу, в тайниках. А мы по ночам таскаем понемножку на кухню. Мучительно, сложно... Впрочем, все это большое счастье, Танечка. Правда. Ведь был сплошной ужас. На глазах дети таяли и умирали от голода. Заснет и не просыпается. Кошмар! И за партизан страшно. Вдруг гитлеровцы пошлют карателей, а те нападут на след... Что тогда будет?

— Скажи, Оля. Приехал к вам недавно какой-то новый учитель?

— Да, учитель истории. А что?

— Вот по этому поводу и забрела в твою обитель монашка Ксения.

— Вот как! — насторожилась Ольга.

— Что это за человек? Как он себя ведет с ребятами и вообще?

— Кто его знает! — Ольга неопределенно повела плечами. — С виду ничего — симпатичный даже. Светловолосый, голубоглазый, тихий такой... Ко всему присматривается, говорит мало... Странно, конечно, что бургомистрат проявил такую заботу о детях, чтобы они изучали историю. Лучше бы прислал несколько мешков картошки, а так... Ну как он себя ведет?... — Ольга мучительно стала вспоминать все, что знает о новом учителе, все свои наблюдения... — Когда приехал, собрал ребят постарше и стал говорить, что скоро они опять начнут учиться... Провел не то два, не то три урока: все толковал им что-то про Александра Македонского и Фридриха Барбароссу... Ну что еще... Заметила я, что в кухню частенько заглядывает...

— Интересно, — раздумчиво перебила Таня, — что ему надо на кухне?

— Как-то случайно слышала, что он очень уж усердно выпытывал у нашей новой бабки-поварихи, где она берет продукты, кто их доставляет и откуда. Между прочим, один раз как-то после урока он затеял с ребятами разговор о партизанах.

— В каком плане? — спросила Таня.

— Бывают ли они, а если бывают, что делают.

— Вот это уже очень интересно, — сказала гостя. — А знаешь что, Оленька: как бы мне повидать этого... Александра Македонского, — усмехнулась она.

— Хочешь, позову, — с готовностью сказала Ольга.

— А вот этого, пожалуй, делать не следует, — остановила ее Таня. — Лучше так, случайно... Запомни только: приехала я сюда из женского монастыря, разъезжаю по округе под охраной полиция, собираю деньги на

ремонт божьей обители, которую Советская власть обобрала до нитки,— вот и к вам забрела.

— Ладно, Танюша, не беспокойся, пошли, может, встретим этого... Фридриха Барбароссу, — в тон гостье сказала Ольга, смеясь.

Девушки вышли во двор. У дощатого сарая, где некогда был курятник и на рассвете звонко распевали петухи, стоял мужчина лет тридцати пяти в рубахе с короткими рукавами и вместе с группой мальчишек мастерил какие-то диковинные корабли из фанеры.

— Он! — шепнула Ольга.

— Бог помощь! — сказала монашка. — Доброе дело делаете, божий человек, — обратилась она к мужчине. — Святое дело — помогать отрокам. Сторицею вознаградит господь.

— Здравствуйте! — Учитель почтительно поклонился монашке и, стряхнув с рук опилки, подошел к ней.

— Разговор к вам имею, божий человек, — сказала монашка, — Не обессудьте, ребята, если я отниму ненадолго вашего пастыря по делам господним, — и взглядом предложила Ольге оставить их вдвоем.

Один из мальчишек хмыкнул, захохотал, но рядом стоявший с ним паренек прикрикнул на него:

— Тише ты, Васька, молчи!

— А чего она про дела господни, — оправдывался озорник Васька. — Какие такие могут быть господние дела? И вырядилась, как чучело. Смех, да и только!

— Монашка она, понимаешь?

— А что это такое... монашка?

— Ну это... это... Ну, чего пристал? Почему я знаю?.. Когда я еще жил дома, бабушка говорила что-то про монашек, ну, а что — я забыл.

— А задаешься! — со смешинкой подытожил Петька.

На этом и закончилась дискуссия мальчишек о странной девице в черном, невесть зачем приехавшей в детский дом.

Тем временем монашка вышла с учителем со двора. Они углубились в лес и, присев на поваленное молнией дерево, продолжали разговор.

— Значит, на ремонт келий в женском монастыре собираете? — спросил учитель.

— Так господу угодно, божий человек, — ответила она.

— Ну какая от нас помощь? — с огорчением вздохнул историк. — У самих ничего нет. Две с половиной сотни полуголодных и полураздетых ребят — вот и все наше богатство. Они едва-едва только начинают оживать.

— Господь, стало быть, не оставил сиротинушек без своей милости?

— Какой там господь! — махнул рукой учитель. — Партизаны, наверное, подкармливают.

— Антихристы эти, прости Христос? — с деланным удивлением переспросила монашка.

— Может, они и антихристы — не знаю, — сказал историк. — Но только они, видно, каким-то образом умудряются подбрасывать детишкам

кое-какие продукты. Больше некому. Из района их не снабжают, карточек не дают — это я узнал точно. А на той неделе смотрю, лакомятся шоколадом. Откуда, думаю? Потом слух прошел, что партизаны перехватили военный обоз с провиантом и прислали ребятам гостинцев.

— Спаси Христос! — перекрестилась монашка. — Стало быть, бродят они где-то поблизости, — допытывалась она, стараясь по выражению лица учителя уловить его отношение к партизанам.

— Возможно, что и так. — Он в свою очередь испытующе посмотрел в глаза собеседнице. Слишком уж подозрительной показалась ему «христова невеста», проявляющая такой повышенный интерес к партизанам. Но вот вопрос: кому служит она, кто ее сюда прислал? — А зачем вам партизаны? — спросил он. — Неужели вы думаете, что они помогут вам в ремонте монастыря?

— Слышала я, что среди них много верующих, — сказала монашка. — Почему и не помочь в богоугодном деле?

Учитель насторожился. Час от часу не легче. Противоречивые суждения собеседницы совершенно сбили его с толку. Может, эту «христову невесту» подослали партизаны, чтобы разведать, зачем в такое время понадобилось посылать сюда учителя истории, а может... прибыла она по заданию гестапо, карательных отрядов, чтобы узнать, бывают ли здесь партизаны и когда?..

— И сюда, стало быть, господь засылает партизан? — спросила монашка.

— Не знаю уж, какие распоряжения дает на сей счет господь бог, — ответил учитель, — но пока партизан видеть еще здесь не пришлось.

— А вам хотелось бы с ними встретиться здесь?

Учитель вздрогнул. Он отвел глаза в сторону и вынул из кармана пачку сигарет.

— Курите? — предложил он.

— Спаси господь и помилуй! — выпалила она.

— Простите, я совсем забыл о вашем божественном назначении. Мы говорили с вами о таких сугубо мирских делах, что...

И закурил.

Они прошли к воротам. Учитель увидел стоящий в стороне на лужайке кабриолет. На заднем сиденье, посапывая, дремал полицейский.

— Это что?

— Мой экипаж, — небрежно бросила монашка. — Видите, езжу даже с телохранителем.

«Значит, верно. Не ошибся, — подумал он, — Такая же, как я». И учитель почувствовал себя спокойнее.

— Мы с вами заняты как будто одним и тем же делом, пресвятая дева, — почти с полной уверенностью усмехнулся историк.

— Возможно, — ответила она.

— Ну что ж! Будем знакомы. — И он протянул ей руку.

— Желаю вам полного успеха, господин Селюк. Ауфвидерзейн, Сергей Петрович. Бог поможет! — И, официально попрощавшись с Ольгой, села в кабриолет и покинула Быковщину.

Визит Василька в детский дом внес в нашу беспокойную партизанскую жизнь много новых хлопот и огорчений. Кроме того, что мы постоянно думали о том, как бы раздобыть для детей побольше муки, картошки, мяса, — прибавилась еще одна забота: как избавить детский дом от учителя истории. По мнению Василька, он прибыл туда не столько для просвещения малолетних, сколько... Тане Мариненко показалось, что он почему-то очень заинтересован во встречах с партизанами.

Почему? Зачем ему нужны эти встречи?

— М-да,— в раздумье произнес комиссар, когда мы собрались поговорить о том, что нам следует предпринять, чтобы до конца разгадать истинные цели приезда в Быковщину «Александра Македонского», как окрестила учителя истории Таня.— Задача эта, правда, с одним неизвестным,— продолжал комиссар, — по решить ее не совсем легко и просто.

Появление в детском доме нового учителя не могло не вызвать у нас беспокойства по многим причинам. Почему бургомистрат вздумал посылать туда историка? Ведь никаких занятий там вообще не проводили. Дети были истощены, измучены. Если он подослан гестаповцами, то для каких именно целей его подослали? Таня уверяет, что ее смутило его желание встретиться там с партизанами. Для чего?..

Таким образом, задача с одним неизвестным приобретала куда более сложный характер. Как ее решать?

Не помню уж, кто первый подал такую мысль, но мы пришли к единодушному мнению, что обязательно нужно совершить глубокий рейд в историю, встретиться с «Александром Македонским» и поговорить с ним по душам.

Поехал я в Быковщину на свидание с учителем в сопровождении нескольких автоматчиков. Бойцы из отряда Комлева заняли удобные позиции на всех дорогах, ведущих к детскому дому. Мало ли что! В любой день и час могли нагрянуть гитлеровцы, и, в случае чего, надо было как-то предотвратить их возможную встречу со мной.

Неподалеку от дома, в конспиративном шалаше, искусно сооруженном в густом ельнике, меня уже ждал Тишкевич-младший.

— Все спокойно, товарищ комбриг, фашистов сейчас нет, можно идти, — доложил он.

Первыми встретили меня Ольга Разумович и Зоя Михайлова. Девушки бросились мне на шею со слезами на глазах. Я, человек не очень-то склонный к сантиментам, тоже почувствовал, как поперек горла стал какой-то горьковатый комок и никак не дает себя проглотить.

— Ну как вы тут живете-можете?

— Спасибо, — уняв слезы, ответила Ольга. — Теперь ничего... Дети немного окрепли.

— Очень, очень рад. Ну, вот что, девушки: имейте в виду, меня здесь не было и нет. А где Николай Станиславович?

— Лежит. Он себя плохо чувствует, и я своею властью уложила его в постель, — сказала Зоя.

"— Температура?

— Пока нормальная. Устал, отошал, годы, — вздохнула Зоя.

— Тогда и ему ничего не говорите о моем приезде, хорошо?

Я попросил проводить меня в какую-нибудь пустую комнату и пригласить ко мне нового учителя.

— Сергея Петровича Селюка?

— Именно... А как ему сказать, кто его спрашивает?

— «В самом деле, кто его спрашивает?» — подумал я. И после довольно большой паузы:

— Скажите, что его хочет видеть один... ну, в общем, полезный ему человек.

— Полезный так полезный, — усмехнулась Ольга и проводила меня в бывший класс географии.

Поломанный, без подставки глобус и продранная наполовину большая карта Европы на замусоленной стене напоминали о том, что некогда здесь ребята изучали, какие государства, моря и океаны существуют на нашей планете.

Я присел на одну из трех уцелевших парт, нащупал в кармане пистолет и, в ожидании собеседника, собирался с мыслями, продумывал предстоящий разговор. Суть его была ясна: уточнить, выяснить, с какой целью прибыл сюда новый учитель. Но с чего и как лучше начать беседу — было для меня еще не совсем ясно. Не успел я даже сформулировать первый вопрос, в дверь постучали.

— Войдите.

В класс вошел человек лет тридцати пяти, в косоворотке, подпоясанной шнурком с кисточками. Он вежливо поклонился.

— Простите, мне сказали, что вы хотели меня видеть.

— Благодарю вас, садитесь, пожалуйста, — предложил я.

Учитель присел на соседнюю парту, ощупывая меня настороженным взглядом.

— Хотел бы с вами очень серьезно поговорить.

— Кто вы? Откуда? Что вас интересует? — спросил он, и в тоне его голоса я почувствовал плохо скрываемое волнение.

— Не торопитесь, чуть позже все узнаете, — успокоил я. — Уверю вас, что прибыл я сюда с открытой душой и чистой совестью и желаю вам только добра.

— Извините меня, но я плохо вас понимаю, — начал он. — Я — учитель, меня прислали сюда преподавать историю.

— А еще зачем вас сюда прислали? — Я решил действовать более решительно.

Учитель смутился и побледнел.

— Я не знаю, о чем вы говорите. — Он в замешательстве опустил голову, чтобы избежать необходимости смотреть собеседнику в глаза.

— Ходят слухи, что вам хотелось бы здесь встретиться с партизанами, — заметил я.

— Да, но при чем тут вы? — Он все еще не поднимал головы.

— Мы решили облегчить вашу задачу. Позвольте представиться: перед вами командир бригады «Неуловимых» Прудников. Будем знакомы.

— Прудников? — воскликнул он, вскочив с парты.

— Совершенно верно.

— Майн гот! — Он схватился руками за голову. — Если бы там знали, что я виделся с вами и не привез вашу голову, они отрубили бы мою собственную... Прудников... — повторил он не то с восхищением, не то со злобой и растерянностью.

— К сожалению, не могу вам доставить такого удовольствия, — усмехнувшись, сказал я. — Без головы как-то неуютно, сами понимаете.

Учитель как-то сразу обмяк, на его губах тоже промелькнула улыбка, и он опустил на парту.

— Так что вы от меня хотите? — примирительно спросил он.

— Для начала очень немного. Надо же быть джентльменом, Сергей Петрович. Я представился вам, а вы промолчали. Кстати, я не совсем уверен, что вас зовут Сергей Петрович и что ваша фамилия Селюк.

Учитель задумался.

— Вы ждете от меня взаимной откровенности, — сказал он после длительной паузы. — Ну что ж! У меня нет иного выхода. Теперь я в ваших руках. Слушайте...

И из его рассказа передо мной возникла такая картина.

5

К особняку в яблоневом саду, занятому гестаповцами, подошел белобрысый, голубоглазый человек в штатской одежде. На нем был хорошо отутюженный серый костюм в клеточку, белая рубашка с галстуком, в одной руке соломенная шляпа — канотье, а в другой палка с резиновым наконечником, — он слегка прихрамывал.

Он несмело остановился у калитки, возле которой стоял часовой, и показал ему какую-то бумажку.

— Мне приказано явиться к штурмбанфюреру господину Гансу Фибиху в четырнадцать ноль-ноль. Теперь уже без пяти минут. — Он посмотрел на ручные часы.

Часовой внимательно прочитал бумажку, вернул ее посетителю и пропустил его в калитку.

— Пожалуйста. Начальник гестапо — третья дверь налево.

Стук в дверь отвлек штурмбанфюрера от лежавших перед ним папок с делами.

— Кто там? Входите, — сказал он, подняв голову и приподнимаясь с кресла.

— Простите, меня вызвали к вам, вот... — Человек в сером робко протянул извещение.

— Прошу, прошу, честь имею, — учтиво кивнул штурмбанфюрер, посмотрев записку. — Господин Зальцбург?

— Так точно.

— Прошу садиться, господин... Только извините за такую, быть может, вам покажется странной, метаморфозу. С этого момента нет больше господина Зальцбурга, а есть господин Селюк. Запомнили? Селюк. Сергей Петрович. Уверяю вас, это ничуть не хуже, чем Вилли Зальцбург.

— Простите, но я ничего не понимаю, — растерянно сказал посетитель, ощупывая нервным движением пальцев свои щеки, нос, подбородок, словно желая проверить — не сон ли все это.

— Терпение, Сергей Петрович, — улыбаясь, вкрадчиво и интригуяще бросил начальник ветринской группы гестапо. — Минуточку терпения, и вы все поймете. Очень надеюсь на ваше благоразумие. Кстати, должен вас предупредить, что дискуссии и возражения здесь неуместны. Если хотите, даже более чем неуместны. Лишнее время, лишние нервы, а у нас с вами их и так не хватает, ферштейн зи?

Да, он отлично понимал. Он слышал, что значит, когда вызывают в гестапо и говорят «дискуссии неуместны»! Но почему он в одно мгновение должен отказываться от своего имени, от своего отца, от своего деда и прадеда, и ни с того ни с сего стать вдруг каким-то Селюком.

— Сейчас вам все станет ясно, мой дорогой Сергей Петрович. Вы — белорус...

— Я — немец, господин штурмбанфюрер, — перебил Зальцбург. — И мать, и отец — чистокровные арийцы.

— Я же просил без дискуссий, — закусив губы, стараясь не терять вежливого тона, продолжал гестаповец. — Вы белорус, Сергей Петрович. И вскоре сами убедитесь в этом, когда поедете в Полоцк и обратитесь в паспортный стол полиции, чтобы оформить свои новые документы. Захватите с собой фотокарточки.

— Позвольте, — онемев от неожиданности, только и сумел сказать Зальцбург, волею гестапо ставший Селюком, и посмотрел на собеседника испуганными и одеревеневшими в один миг глазами.

— Вы удивлены? Напрасно, — спокойно заметил штурмбанфюрер. — Война есть война, мой дорогой, и вы, как истинный немец, должны это понимать. Война вынуждает подчас совершать куда более чудесные превращения. — И вдруг он сразу резко переменял тон: — Мы слишком заболтались с вами, господин Селюк. Пора перейти к делу. А дело вот какое: слушайте внимательно и запоминайте. Вы учитель истории?

— Да.

Раздался телефонный звонок. Штурмбанфюрер снял трубку.

— Вас слушает... Кто-кто?.. Понятно. В тот домик, о котором мы с вами говорили?.. Отлично, группенфюрер, благодарю вас...

И, положив трубку, продолжал:

— Так о чем?.. Ах да... Неподалеку от нас есть Быковщина, и., там есть детский дом. Вы едете в этот детский- дом преподавать историю.

— Но я преподаю в здешней школе полицаев.

— Это не имеет никакого значения, господин Селюк. Мы рекомендуем вам перебраться в Быковщину. Рекомендуем, — повторил он тоном, исключаящим какие бы то ни было возражения. — Будете в

Полоцке получать новый паспорт, зайдите к бургомистру, и он подпишет приказ о вашем назначении. Он полностью в курсе дела, мой дорогой Сергей Петрович Селюк.

— Зачем? Почему? Я совсем не намерен уезжать отсюда, — пытался все же возразить учитель истории.

— Мы же условились, без дискуссий, — скрипучим голосом строго сказал гестаповец.

— Что я там должен делать? — подавляя в себе безысходное отчаяние, спросил Зальцбург.

— Наконец-то чувствую деловой подход, — самодовольно усмехнулся штурмбанфюрер. — Скажу вам откровенно, меня совершенно не интересует, как ваши воспитанники изучат военные походы Александра Македонского или Чингисхана. Чем меньше будут знать эти мальчики и девочки, тем преданнее они будут служить нам, когда станут взрослыми. Да будет вам известно, — продолжал гестаповец, — что почти весь обслуживающий персонал из детского дома ушел к партизанам. Некоторые ребята постарше тоже убежали к ним. Надо сделать так, чтобы те, кто способен работать, были отправлены в Германию, а остальные... В общем, остальных лучше оттуда... выносить., Вам понятно? Но главная, прошу заметить, наиглавнейшая ваша задача помочь нам установить, где базируются «Неуловимые». За голову их руководителя назначено триста тысяч марок. Вы слышали когда-нибудь об этой банде партизан?

— Да, из газетных заметок.

— Ну вот. Они бродят где-то вокруг Быковщины, совершают налеты на наши гарнизоны, перехватывают обозы с провиантом, подкармливают щенят в этом детском доме и нашим оперативным отрядам никак не удается напасть на их след.

— А что же смогу сделать я, человек сугубо штатский? — с недоумением спросил учитель.

— Вам совсем не обязательно уметь стрелять, — объяснил штурмбанфюрер. — Вы должны узнать, бывают ли там партизаны и когда, — и сообщить нам. Ведь достаточно поймать хотя бы одного из этих разбойников, и все «Неуловимые» станут уловимыми. Вы поняли меня, господин Селюк? Наши молодцы умеют заставить людей говорить, ферштейн зи?

Учитель истории отлично понимал безвыходность своего положения, но все же сделал еще некоторые попытки оказать сопротивление:

— Простите, господин штурмбанфюрер. Но я вряд ли сумею быть вам полезным.

— Зато мы считаем вас вполне созревшим для сотрудничества с нами, — ответил гестаповец, — и настоятельно просим вас не отказываться от почетной обязанности служить фюреру и великой Германии. Рейх не забудет вашей услуги. Об этом можете не беспокоиться.

— Но я должен по крайней мере посоветоваться с женой. У меня дети, — растерянно пробормотал учитель истории.

— Думаю, что это в данный момент невозможно.

— То есть как?

— Мы уже позаботились о полной безопасности вашей семьи. Она находится под нашим наблюдением. Думаю, нет надобности напоминать вам, что, если бы вы вздумали оказаться неблагодарным, вас могли бы ожидать огорчительные вести. Мне рассказывали, что у вас очаровательная дочурка...

— Вы не посмеете! — закричал Зальцбург-Селюк.

— Ну-ну, зачем столько экспрессии, мой дорогой. Не угодно ли рюмку вина? Отлично освежает.

И вынул из шкафа бутылку бургундского.

6

— Вот и все, — закончил Зальцбург-Селюк свой рассказ. — Можете верить, не верить — как вам угодно.

Все понятно. Передо мной гестаповский агент. Он послан для того, чтобы выследить партизан и подсказать карателям, где нас лучше поймать и уничтожить.

Сперва я, честно признаюсь, немного растерялся. Я не ожидал такой исповеди незнакомца, хотя, и не без оснований, чувствовал, предполагал, что учитель этот прибыл сюда совсем не для того, чтобы просвещать детвору и, как рассказывала Василек, строить с ними из фанеры корабли. Но он решил, видимо, честно ответить на откровенность откровенностью. Ну что ж. Тем лучше...

Мы сидим друг против друга, облокотившись на крышки парт, смотрим друг другу в глаза и молчим. Каждый думает о своем. Но надо же в конце концов выяснить наши отношения, надо что-то делать, о чем-то договориться.

— Скажите, — начал я, — вы можете дать мне слово, что прекратите преследование детей и совершенно выбросите из головы все мысли и надежды о том, чтобы предать партизан?

Он отрицательно покачал головой и, после длинной паузы, едва слышно сказал:

— Это невозможно.

— Почему?

— Гестапо следит за каждым моим шагом. Если я перестану выполнять их задания, они меня убьют. Мне показали даже дерево, на котором я буду висеть. И не только я...

— То есть?

— Вспомните слова начальника гестапо о моей очаровательной дочурке, — добавил он.

Да, я вспомнил эти слова. И отлично понимал, что они означают.

— Убейте меня! — вдруг в порыве отчаяния воскликнул он.

Это было так неожиданно и странно, что я сразу не нашел слов.

Стараясь не выдать своего, мягко выражаясь, крайнего изумления столь необычной просьбой, я, как можно спокойнее, ответил:

— По вашим делам вы вполне заслуживаете этого, но мы совсем не намерены лишать вас жизни. Наоборот. Мы хотим вам вернуть жизнь, настоящую, достойную.

— Благодарю вас за хорошие чувства, но вы бессильны меня спасти, — с горькой усмешкой сказал он.

— Напрасно вы думаете, что мы такие беспомощные, — возразил я.

— Я этого совсем не думаю, — как бы оправдывался учитель. — Но... поймите меня... Я обречен, — решительно заявил он.

И, чуть ли не задыхаясь от волнения, стал длинно, путано и, как мне показалось, вполне искренне доказывать, что более гуманного выхода для себя в сложившейся обстановке он от судьбы ждать не может. Почему? А вот почему: если он не будет выполнять заданий гестапо, его убьют фашисты. Убежит к нам, партизанам, — семья будет уничтожена; заложников в таких случаях расстреливают. Если мы его убьем, он в глазах гитлеровцев станет героем-великомучеником, жертвой партизанского разбоя, а жена и дети будут спасены.

— Лучше уж мне одному... одному, — повторял он. — Если вы и в самом деле хотите мне помочь, убейте меня. Моя жена и дети не забудут вашего доброго сердца за то, что вы им даровали жизнь.

Агент гестапо — и такие высокие человеческие чувства? Это было противоестественно. Но тем не менее... Сидящий передо мной человек ценою своей жизни хотел спасти от жестокой расплаты жену и детей.

— Нет, — ответил я решительно. — Вы не должны умирать. Вы будете жить, герр Зальцбург.

— Но каким образом? А моя семья? Моя Луиза, мои Фрэд и Ева?

— И они должны жить, — сказал я, хотя в тот момент я еще очень смутно представлял себе, что для этого нужно сделать и как можно вырвать их из фашистского плена.

— Попробуем спасти и вас, и вашу семью, — быть может, и не совсем уверенно, но с надеждой заверил я.

Учитель посмотрел на меня не то с сожалением, не то с недоверием, горько усмехнулся и со вздохом покачал головой:

— Увы, это невозможно.

— Как знать, господин Зальцбург. Будем оптимистами. Никогда нельзя терять надежды. Человеку нельзя без надежды. Вы можете обещать мне полную искренность и верность слову?

— Что вы хотите этим сказать? — В его потухших глазах, полных обреченности и отчаяния, блеснула искра надежды.

Могли бы вы, скажем, в течение двух-трех недель совершенно забыть о своей главной миссии и заниматься исключительно преподаванием истории?

— Так ведь меня тотчас же...

— Это совсем не обязательно, — убеждал я. — Человек ведь может и заболеть и... Наконец, в это время может не произойти никаких событий, интересующих гестапо. Но прошу вас учесть: если вы дадите слово, хочу верить, что вы его сдержите.

— Да, да, конечно.

— Слово джентльмена — верное слово, не так ли?

— Хорошо. Буду стараться. Очень буду стараться, — повторил он.

Я посмотрел ему в глаза. И увидел в них настороженность, страх и надежду. И еще мне показалось, что он говорит правду.

— Хочу верить и не ошибиться. Надеюсь, через две-три недели встретиться вторично, — сказал я.— Думаю, не надо напоминать, что меня здесь не было, мы с вами не виделись и ни о чем, разумеется, не говорили.

Учитель приложил руку к сердцу и ответил поклоном на мой прощальный жест.

Глава седьмая

1

В дверь постучали.

— Войдите. — Миловидная женщина поднялась с топчана, покрытого байковым одеялом.

Вошла надзирательница — толстая, румяная в форменном кителе и мужских ботинках с железками на каблучках.

— Фрау Зальцбург, вас вызывают в контору.

Сейчас иду. Фрэд, — обратилась она к мальчику, сидевшему на табуретке у покрытого цветастой клеенкой стола, — он рисовал карандашом на клочке бумаги. — Посмотри за сестричкой, я скоро вернусь.

Фрэд, мальчишка лет семи-восьми, вопросительно поднял на мать глаза, молча кивнул и, послунявив карандаш, продолжал рисовать.

— Хорошо, мамочка, не беспокойся, — сказал он. — Если Ева проснется, я с ней поиграю. А когда мы пойдем домой? —

Фрэд оторвался от своей бумажки. — Почему нас заперли здесь и не выпускают на улицу? А где папа?

Не первый раз мальчик задает матери такие вопросы. С той поры, как в их дом вошли какие-то сердитые дяди в военной форме и велели им собираться, он никак не мог добиться ответа на свои недоуменные «почему». Сотни «почему» и «зачем» он обрушивал на голову матери, которая и сама ничего не могла понять во всей этой странной истории.

Всю жизнь прожила она в небольшом прибалтийском городке, вышла там замуж за учителя истории Зальцбурга. В первые дни и недели войны, когда гитлеровцы стремительно наступали на советские земли, семья Зальцбургов

решила эвакуироваться, но на территории Белоруссии их настигла фашистская армия, и пробраться в тыл не довелось. Зальцбурга сняли небольшую квартиру в Ветрино, и отец семейства, чтобы хоть как-то прокормить свою семью, стал давать уроки немецкого языка в школе полицаев.

И вот однажды Зальцбург не вернулся домой, а жену и детей увезли в черной машине с решеткой на задней двери и поселили в каком-то загородном доме. Тюрьма? Как будто нет. Отдельная комната с обыкновенными окнами, обставленная, правда, без всякого комфорта, но все же не тюремная камера с ее отвратительным запахом и вонючим матрасом на нарах. Топчаны, подушки, стол, табуретки... Но на вышках, стоящих во всех четырех углах, огороженного тремя рядами колючей проволоки двора вооруженные автоматами часовые. И дверь на запоре. Лишь два-три раза в неделю выводят на несколько минут в садик подышать свежим воздухом под присмотром полицаев.

Семья учителя истории была далеко не единственной в этом доме заключения для заложников. Здесь коротали дни и ночи много жен, детей, престарелых родителей советских граждан, которых гестаповцы задержали, чтобы заставить их близких и родных изменить Родине и выполнять порой очень сложные и опасные поручения.

— Мне сказали, что меня вызывают, — робко приоткрыв дверь, спросила фрау Зальцбург.

Начальник группы гестапо штурмбанфюрер Ганс Фибих поднялся с кресла, пошел навстречу вошедшей, вежливо поклонился и, проводив ее к столу, жестом пригласил сесть против него.

— Прошу, фрау Зальцбург, — заулыбался он, — Очень рад возможности побеседовать с вами.

Ганс Фибих считал себя человеком благовоспитанным, интеллигентным, с дамами обращался, как и подобает джентльмену.

— Ради бога, извините меня, что я не имел времени объяснить вам причину вашего... ну, вашего временного переселения под наше покровительство и временной разлуки с вашим глубокоуважаемым нами супругом. Дело в том, фрау Зальцбург, что в связи с неотложными делами государственной важности ваш супруг так спешно отбыл, что не сумел даже попрощаться с вами.

— Чем обязана вашему покровительству? — спросила она.

— Видите ли, фрау Зальцбург, — не снимая улыбки, продолжал гестаповец. — После отъезда вашего супруга хотелось создать вам обстановку полного спокойствия и безопасности.

— Вы считаете жизнь в тюрьме за колючей проволокой спокойной и безопасной? — горько усмехнулась она.

— Ну что вы, фрау Зальцбург! — развел руками Фибих, — Какая же это тюрьма? Скорее, меблированные комнаты, гостиница, пансион, где вы живете на всем готовом, получаете бесплатное питание...

— Баланду с вонючей селедкой, — поморщилась фрау Зальцбург, едва сдерживая гнев.

— Война, дорогая, война, ничего не поделаешь, — сочувственно покачал головой гестаповец. — Строительство великой Германии, дорогая фрау

Зальцбург, требует от всех нас, подданных фюрера и всех представителей арийской расы, больших жертв. А вы ведь тоже имеете честь принадлежать к этой богом благословенной расе.

— Да, да, конечно, — бросила она как бы между прочим, и тут же, резко изменив тон, сурово и требовательно спросила: — Где мой муж, отец моих детей, господин штурмбанфюрер?

— О, фрау Зальцбург, — все еще улыбаясь, но в голосе уже чувствовалось раздражение, заметил гестаповец, — вам не следует нервничать. Ваш муж и отец ваших детей в полном благополучии. Открою вам небольшую тайну, фрау: он изъявил желание помочь нам в одном важном деле, и мы не сочли возможным не ответить на его благородный порыв. Он помогает нам, мы — оберегаем его семью от возможных осложнений.

— Какую помощь? В каком деле? Он мне никогда об этом не говорил! — продолжала возмущаться и негодовать фрау Зальцбург.

— Не обо всем можно говорить даже самым близким людям, дорогая. — Ганс Фибих резким движением губ снял дежурную улыбку и заявил: — Я пригласил вас совсем не для того, чтобы выяснить с вами ваши семейные отношения. У нас есть более важные дела, фрау. Я пригласил вас для того, чтобы порадовать приятным известием: на днях вы с вашими милыми детками поедете в столицу рейха.

— Зачем? — почуяв недоброе, спросила жена учителя.

— Ну, во-первых, вы познакомитесь с Берлином, а во-вторых, будете работать. Такой прекрасной молодой фрау сидеть без дела скучно, не правда ли?

Фрау Зальцбург хотела что-то возразить, но начальник гестапо предупредил ее желание:

— У меня нет больше времени, фрау. — Он посмотрел на часы. — Мы отправим вас с воинским эшелоном — охрана у вас будет надежная. На вокзал вас также проводят наши люди. До скорой встречи!

Он не дал ей больше промолвить ни одного слова. Нажал кнопку. Вошла надзирательница.

— Проводите, прошу вас, фрау Зальцбург в ее апартаменты. Ауфвидерзейн, дорогая.

И помахал ей вслед рукой.

Она ушла молча, понуриив голову, не оглянувшись.

В кабинете капитана Миллера раздался телефонный звонок. Капитан снял трубку.

— Слушаю... хайль-хайль... Из Ветрино?.. Добрый день, господин Фибих... Да-да... Ах вот как!.. Понимаю... Вы хотите отправить семью Зальцбурга в Германию с воинским эшелоном? Ну что ж, отлично!.. Документы? Не беспокойтесь. Все будет оформлено вовремя. Хайль, герр штурмбанфюрер!..

Связные доставили из «почтового ящика» очень важную записку. Наши

подпольщики сообщили, что в ближайшее время намечается отправка эшелона карателей из Полоцка в Берлин на отдых. Это известие нарушило наши планы.

— Я думаю, что есть смысл обсудить вот какой вопрос, — сказал комиссар. — Стоит ли пропустить этот поезд в столицу рейха?

В этом мы все были единодушны. Никаких дискуссий, которые часто предшествуют принятию каких-либо решений, не возникло. Ясно, отпускать карателей с миром на отдых нет никакого смысла, тем более что полоцкая группа головорезов доставила нам немало бед и огорчений. Приходилось порой и отступать, и сражаться, нести серьезные потери. Нельзя было упустить такой удобный случай, чтобы не расквитаться с ними сполна. Мы считали это своим святым долгом перед историей, перед своею совестью.

Начальник нашего штаба, человек спокойный, уравновешенный и дальновидный, принял эту идею к исполнению. Он тут же разложил на столе карту, провел карандашом черту железнодорожной линии, по которой должен проследовать этот поезд из Полоцка на Берлин.

— Я полагаю, — сказал он, — что удобнее всего перехватить эшелон вот здесь, — и указал на мост через Дриссу.

— А что, правильно. — Комиссар склонился над картой, — Вот на этом мостике действительно неплохо бы рассчитаться с нашими «дружками» — карателями. — И даже в такой момент, когда разговор шел об очень серьезных вещах, Борис Львович не удержался от иронической улыбки: — Как в песне поется: «Мы простимся на мосту». Ты как думаешь, комбриг?

Мне это предложение тоже показалось подходящим. Его осуществление хотя и отвлекало нас от запланированных ранее операций в глубоком тылу оккупантов, но мало ли неожиданностей бывает в нашей бурной партизанской жизни! Следовало только хорошенько продумать практическую сторону «встречи на мосту». Кому поручить такое, казалось бы, на первый взгляд, обычное дело: заложить мину под мостом, перед приходом поезда. Но это было совсем не просто. Мост; через Дриссу стоял на центральной магистрали, связывавшей Германию с Белоруссией. Гитлеровцы охраняли его особенно тщательно. Для патрулирования этого моста не допускали ни солдат железнодорожного батальона, ни полицаев — им попросту не доверяли охрану такого жизненно важного объекта. Эсэсовцы и жандармы обычно стояли на Дриссенском мосту. Провести их, обмануть, усыпить бдительность было не так-то легко. К тому же добраться туда нашим взрывникам тоже, как говорится, не ближний свет: несколько десятков километров по путям-дорогам, где то и дело шныряют засады, разьезды гитлеровцев — пешие, конные, на мотоциклах... Кто лучше и вернее достигнет цели с меньшим риском для жизни?

— Есть у меня вполне подходящие кандидатуры, — сказал молчавший в раздумье Корабельников.

— Кого ты имеешь в виду, Павел Алексеевич?

— Бабушка и внучка, — ответил начальник разведки.

— Правильная идея, — согласился комиссар.

Учитывая обстановку, Корабельников верно определил, кто более всего подходит для выполнения предстоящей операции.

— Да, только бабушка и внучка, — еще раз повторил Павел Алексеевич.

3

Бабушка и внучка...

С той поры прошло более трех десятилетий. Многое выветрилось из памяти в длинном череду минувших весен и зим. Но и сегодня я часто вспоминаю многих своих юных боевых товарищей, деливших с нами все тяготы и невзгоды партизанской жизни. В шинелях, ватниках, потертых пальтишках и латаных-перелатаных шубейках шли они рядом с нами с толовыми шашками в рюкзаках по глубоким тылам оккупантов, по лесам и болотам Белоруссии, взрывая мосты, пуская под откос поезда. Истинными героинями были многие наши смелые разведчицы и подпольщицы, заботливые санитарки и медицинские сестры.

Всегда будет жить в моем сердце Оля Светлова — маленькая, хрупкая девятнадцатилетняя девушка с тонкими руками и застенчивой улыбкой на миловидном лице. Вспоминая о ней, я глубоко сожалею, что у меня не сохранилось многих подробностей ее короткой, но прекрасной героической жизни, что в моем архиве не оказалось даже ее фотографии. Я знаю лишь, что до войны она жила в Полоцке, на улице Фрунзе, училась в школе, была отличницей и комсомольской активисткой. Любила книги, писала, кажется, стихи, пела в хоре, мечтала стать педагогом.

Впервые я познакомился с ней в лесу, неподалеку от деревни Булавки Полоцкого района. После удачной операции мы остановились здесь на короткий отдых. Дежурный доложил, что меня хочет видеть какая-то девушка. И вот она подошла. Бородатый, увешанный оружием человек произвел на нее, видимо, не очень благоприятное впечатление. Позже она призналась, что ей стало даже немного страшно. Но после короткого разговора она увидела, что пугаться нечего, и стала опасаться, что я не захочу взять ее в бригаду. И ростом не вышла, и стрелять не умеет.

Понравилась мне эта девушка — простая, наивная, искренняя... Она не могла не вызвать улыбки, когда говорила, что ей обязательно надо воевать с фашистами, что на войне без нее никак не обойтись. И мы договорились с Корабельниковым, что он будет давать ей время от времени поручения по связи с нашими полоцкими подпольщиками, назначил ей явку в определенном месте и в определенные дни, присвоил ей псевдоним Семиреченская, и она стала нашим верным боевым товарищем.

В интересах разведывательной работы мы решили «породнить» с Ольгой нашу славную, добрую Наталью Ивановну Рудакову — женщину пожилую, жену железнодорожника, помогавшую нам во многих нелегких делах.

В моей памяти сохранилась первая встреча «бабушки» и «внучки», как мы их называли.

Дело было зимой. Пришли мы в незатейливую хатенку Натальи Ивановны. Сидит она на лавке, греется у жарко натопленной печи. Увидев нас, встала, засуетилась, встретила гостей, как обычно, приветливо и радушно, принялась ставить самовар, а Павел Алексеевич Корабельников сразу и начал:

— Внучку вам привезли, Наталья Ивановна, породнить вас хотим. — Он кивнул на вошедшую вместе с нами Ольгу.

— Ну что ж, — ответила она. — По возрасту я давно уже бабушка, а такая внучка, статная да ладная, — она окинула Олю оценивающим взглядом, — очень даже мне по душе. Ну, садись, внученька, гостьей будешь, — Она взяла ее за руку и посадила за стол. — Вот самоварчик закипит, чайком горяченьким и закрепим наше с тобою родство, вина, жалко, не припасла для такого торжества. Шутка дело: внучка объявилась! — улыбнулась она.

Так вот и образовалась у нас боевая нара связисток и разведчиц — «бабушка» и «внучка».

Придумали ситуацию, легенду, как говорят чекисты, чтобы им легче было встречаться по мере надобности. Наш верный друг капитан Миллер снабдил их надежными документами. Бабушка больна, нуждается в хорошем питании, и поэтому ей разрешается выходить и выезжать в окрестные деревни и села за продуктами. Внучке гитлеровское командование разрешает навещать бабушку, ухаживать за ней.

«Бабушка» и «внучка» часто бродили по проселочным дорогам, деревням и местечкам, разыскивая друг друга, и не без успеха выполняли наши поручения: узнавали, велик ли гарнизон оккупантов в том или ином населенном пункте, какое у него вооружение, изучали подступы к складам с боеприпасами и горючим. Все эти сведения служили хорошим ориентиром для наших боевых отрядов и групп взрывников.

И когда речь зашла о том, кому доверить операцию, с эшелонам карателей, Корабельников и вспомнил о «бабушке» и «внучке». Домик Натальи Ивановны Стоял буквально в сотне метров от железнодорожного моста через Дриссу.

— Есть серьезный разговор, дочка, — сказал Корабельников, когда Оля, найдя в тайнике записку, явилась в штаб бригады.

— Слушаю, Павел Алексеевич. — Она присела к печке и выжидаяще — вся внимание! — подняла свои большие синие глаза.

— Вот видишь, какое ответственное дело мы тебе доверяем, — закончил начальник разведки. — Стало быть, доставишь ты своей любимой «бабуле» гостинец, понимаешь? А уж Наталья Ивановна знает, что с этим гостинцем делать надо.

— Все-все понимаю, Павел Алексеевич, — ответила Ольга, вставая.

— Погоди, не торопись, — остановил ее Корабельников. — Скажи честно, не страшно?

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать! — озорно сказала девушка.

— А вот такая бравада ни к чему, дочка. Я еще на твоей свадьбе погулять собираюсь, — заметил Павел Алексеевич; — А уж если на самом деле тебе не страшно, будем собирать тебя в путь-дорогу. Учти: гостинец твой смертоносный и провезти его не так-то легко и просто.

В тот же день мы раздобыли лошадь с санями, наложили побольше сена, ящик с миной уложили в мешок, туго набитый пахучим сеном, и пристроили его в санях. Снабдили Олю надежной справкой — едет к больной бабушке.

Одели ее по-деревенски: полушубок, валенки, теплый платок на голову. Уселась юная разведчица и связистка в сани, тронула вожжи.

— До скорой встречи! — помахала она нам варежкой и причмокнула губами, как заправский кучер.

— В добрый путь, дочка!

И вскоре сани, сопровождаемые группой партизан па первом этапе пути, скрылись за поворотом.

Несколько дней мы не имели никаких вестей ни, от Ольги, ни от сопровождавших ее товарищей. Тревожно было у всех нас на душе. А вдруг... Тревога усилилась, когда, выполнив задание, группа вернулась в лагерь и командир группы сообщил, что, возвращаясь, они слышали вдалеке шум мотоциклов и выстрелы. Неужели?.. Как жалел я тогда, что согласился послать Олю с таким опасным поручением! Но потерянного не вернешь. Впрочем, почему потерянного? Ведь еще ничего не известно.

Прошло дней шесть. За это время мы несколько раз встречались со связными, разведчиками, местными жителями по пути следования Оли к своей «бабушке», но никто не видел ни саней с сеном, ни девушки в полушубке.

Какова же была наша радость, когда еще дня через два- три с пункта сбора донесений нам принесли коротенькую записку: «Жду в условленном месте. Семиреченская».

— Я всегда говорил, что бог есть, — не сдержал своего веселого настроения комиссар. — Молодчага она — наша Оля.

Мы с Корабельниковым тотчас же отправились в село Червятку — условленный пункт встречи. Прихватили с собой, как обычно, на всякий случай группу автоматчиков.

Приземистые избы Червятки прилепились на северном берегу большого озера. На окраине деревни заснеженный лес.

Знакомую фигуру Оли я увидел еще издали. Вот она идет — наша юная красавица, сияющая, гордая сознанием выполненного долга. Мы сердечно поздоровались, обнялись, даже, кажется, расцеловались на радостях и от волнения минуты две-три никто из нас не мог начать разговор.

Я с восторгом смотрел на эту нежную, хрупкую девушку, ставшую теперь обстрелянным бойцом. Для нее борьба против оккупантов стала долгом совести, насущной потребностью и смыслом всей жизни.

На конспиративной квартире колхозника Зенкевича Оля рассказала нам все, что ей пришлось пережить и испытать, пока она добралась со своим «гостинцем» к любимой «бабушке».

В одном из населенных пунктов она решила немного погреться и отдохнуть. Подъехала к какой-то избе, привязала лошадь к плетню и постучалась в дверь.

«Чего тебе, доня?» — услышала она приветливый голос хозяйки.

«Да вот, тетушка, — начала Оля, — еду к больной бабушке, промерзла до костей, если позволите, погреюсь немножко»,

«Входи-входи, дочка, погрейся, милая, — пригласила хозяйка, — морозец знатный, — и проводила девушку в жарко натопленную избу. — В селе у нас теперь тихо, супостаты постоем не стоят, бывают только наездом».

— Обогрелась чуть и собралась уходить, — рассказывала Оля, — вбегает в избу девчонка лет восьми — десяти да как закричит: «Мамка, фрицы!» А сама вся трясется, плачет. Ну что делать, думаю. Лошадь с саними под окном. Посмотрят, найдут мешок с «гостинцем» — беда. Я быстро разделась, села за стол, посадила к себе девочку — ее Аней звали — на колени и сказала хозяйке: «Если спросят про лошадь — знать ничего не знаю, прибудилась какая-то, и все, хорошо? А я, мол, проходя, ищу бабушку — у меня на это и справка есть». Добрая женщина, видно, поняла меня и, усмехнувшись, сказала: «Стало быть, и я не я и лошадь не моя? Ладно. Сиди, вроде своя, не беспокойся».

Сидим и ждем — что-то будет. На этот раз пронесло. Видно, спешили куда-то. Промчались по деревне, постреляли на ходу из автоматов, наделали шума, поугадили людей — и мимо. Когда все затихло, я отдышалась и тут только почувствовала соленый вкус крови. Откуда, думаю. Не сразу поняла, что, видно, слишком сильно губы от страха закусил.

Подождала еще немного, а потом поблагодарила хозяйку, попрощалась, уселась в свои сани — и айда дальше, к «бабушке».

Только объехала озеро — на перекрестке гитлеровский патруль. Свернуть некуда, да и поздно — заметили. Будь что будет. Еду смело прямо на патруль: два фашиста и полицай.

«Куда едешь, девка? По каким таким делам?» — спросил полицай. Местный он, собака продажная!..

Меня всю трясет, руки дрожат, сердце вот-вот выскочит из груди, а стараюсь улыбаться. Полезла за справкой, показываю и объясняю, что еду к больной бабушке.

Повертели патрульные мою справку, поговорили между собой, потом один из них — тощий такой, на козла похож, — унес мою справку в маленький домик — должно быть, караульное помещение. Полицай усмехнулся. «Ты, говорит, девка, не бойся. Проверят тебя и твои шмотки и отпустят». Как сказал он про шмотки, я вся похолодела — ведь в мешке-то у меня мина! Не помню уж откуда силы взялись, слезла с саней, отпустила чересседельник, повод, взяла мешок с сеном и поставила его прямо перед лошадью. Уткнулся мерин мордой в мешок, жует сено, а я хожу вокруг и руками хлопаю себя по плечам, как старые извозчики в кинокартинах, будто замерзла, согреваюсь.

Выходит из домика солдат с моей справкой, а за ним офицер в очках. Спрашивает меня офицер по-русски, куда и зачем еду. Я опять ему про бабушку, показываю справку. Осмотрел меня очкастый с ног до головы, обошел вокруг саней, поворошил сено. А лошадь все жует сено. Скорее бы, думаю, черти кончали, а то мерин вот-вот и мину начнет жевать. На мое счастье, очкастый вернул мне справку, сказал «гут, фрейляйн», махнул рукой и ушел. Я не спеша положила мешок на место, поправила упряжку и тронулась в путь, помахав патрульным варежкой.

Еду — петь хочется. Да и как не петь, когда выиграла поединок с самой смертью...

Не стану приводить полностью весь рассказ Ольги об ее приключениях в дороге, пока она добралась до своей больной и любимой «бабушки». Долго бродила она еще по деревням селам, ночуя в пустых сараях, оставленных

жителями холодных изб. И наконец — о счастье и радость! — на пороге встречает ее «бабушка» здоровая, как всегда, приветливая. Объятия, поцелуи...

«Осторожно, бабуся. Я тут «гостинец» привезла, — сказала она, притащив мешок с сеном в хату. — Потом все-все расскажу».

«Внученька ты моя дорогая, — захопотала Наталья Ивановна. — Раздевайся ты поскорее, умойся, я сейчас тебя бульбой накормлю, чайком согрею. А насчет «гостинца» — не беспокойся. Все знаю, милая. Прилажу его куда надобно, когда придет время».

Но тут, когда, казалось, все было решено и подготовлено, внезапно возникло очень серьезное осложнение. Капитан Миллер передал нам через связного неприятное известие: семью учителя Селюка-Зальцбурга гестаповцы собираются отправить в Германию с эшелоном карателей. В наши планы совсем не входило вместе с карателями расправляться с фрау Зальцбург и ее детьми.

Как же быть? Отказаться от эшелона? Отпустить карателей с миром на отдых?

— Нет, это невозможно, — решительно заявил комиссар.

Мы все понимали, что это невозможно.

— Ну, а как же фрау, киндер?

Думать надо, думать...

4

По перрону небольшой станции, где все поезда обязательно останавливаются — паровозы набирают воду, — спокойно прохаживался обер-лейтенант СС в сопровождении двух унтер-офицеров. Обер-лейтенант часто поглядывал на ручные часы и всматривался в даль.

— Хайль Гитлер! — подошел к нему патрульный.

— Хайль, хайль! — улыбнувшись, ответил обер-лейтенант, привычным жестом подбросив два пальца к фуражке.

— Битте шен. — Патрульный сконфуженно переступил с ноги на ногу. — Долг службы... Разрешите документы.

— Битте, битте, пожалуйста. — Офицер с готовностью расстегнул шинель и вынул из нагрудного кармана мундира свои офицерский билет и командировочное удостоверение. — А эти господа со мной, — Он кивнул в сторону стоявших рядом унтер-офицеров.

— Данке шеи, — сказал патрульный, ознакомившись с документами. — Извините за беспокорство, — козырнул он, вскинул автомат на плечо и ушел в здание вокзала.

Наконец из-за поворота вынырнул паровоз, попыхивая клубами черного дыма. Вслед за ним потянулась длинная цепочка вагонов — международных, очевидно, для высших офицеров, первого и второго классов — для чинов пониже, и третьего — для солдат и отправляемых в Германию некоторых гражданских лиц. Эшелон полоцких карателей отправлялся домой, на отдых.

— Идет! — шепнул обер-лейтенант своим спутникам. — Восьмой вагон, четвертое купе — запомнили?

— Так точно! — одновременно ответили унтер-офицеры.

Еще минута-две, машинист затормозил, заскрежетали колеса, поезд замедлил ход и, кряхтя и охая, остановился у перрона.

— Господин майор, — учтиво и предупредительно обратился обер-лейтенант к вышедшему из вагона начальнику поезда с ленточкой коменданта эшелона на рукаве.

— Слушаю вас, герр обер-лейтенант.

Офицеры обменялись общепринятыми приветствиями: «хайль», «хайль», и обер-лейтенант вручил майору какую-то бумажку со штампом и печатью.

Майор внимательно прочел бумажку и, как бы про себя, сказал:

— Значит, фрау Зальцбург с детьми приказано снять с поезда и срочно доставить обратно в Полоцк?

— Точно так, господин майор.

— Ну что ж, раз приказано — пойдёмте.

Они вошли в восьмой вагон. Унтер-офицеры остались у входа, возле ступенек.

— Фрау Зальцбург с детьми и вещами! — зычным голосом провозгласил майор, — За вами пришли, фрау.

Из четвертого купе выглянуло испуганное лицо женщины.

— За мной?.. Кто?.. — побледневшими губами едва слышно спросила она.

— Мы, фрау, — козырнул обер-лейтенант. — Имеем предписание срочно доставить вас в Полоцк.

Жена учителя онемела от ужаса и сперва не могла вымолвить ни одного слова. Она знала, слышала, что значит, когда эсэсовцы или гестаповцы снимают пассажиров с поездов с тем, чтобы якобы доставить их в какой-нибудь город, гарнизон или лагерь.

— Не троньте только моих детей! — взмолилась она, когда к ней вернулась способность говорить. — Фрэдик... Евочка... — шептала она, крепко прижимая к себе ребят. — Ну кому, кому я там нужна в Полоцке?

— Не могу знать, фрау, — довольно сухо ответил обер-лейтенант. — Прошу поторопиться, поезд ждать не будет... Шредер! Вайскопф! — окликнул он оставшихся на перроне унтер-офицеров. — Помогите, пожалуйста, вынести вещи фрау и ее очаровательных киндер.

Через несколько минут обер-лейтенант вышел из вагона вместе с начальником поезда, пропустив вперед фрау Зальцбург, крепко державшую за руки мальчика и девочку. Вслед за ними унтеры несли чемоданы и узелки с домашним скарбом.

— Куда же вы нас, господин офицер? — с тревогой поглядывала на обер-лейтенанта перепуганная насмерть женщина, когда ее с детьми вывели на привокзальную площадь.

— Я вам уже объяснял, фрау, — как-то безучастно ответил обер-лейтенант. — Вас приказано доставить в Полоцк, так угодно высшему начальству.

— Зачем?

— Не знаю, фрау, не знаю, — в его голосе явно чувствовались раздраженные нотки. — Прошу. — Он открыл дверцу «опеля».

— Машина долго плутала по проселочным дорогам, потом въехала в лес и

стала пробираться по просекам, часто подпрыгивая на ухабах.

— Вы хотите нас убить! — в отчаянии прижимала к себе детей фрау Зальцбург.

— Ну зачем же так... — как-то невнятно пробормотал обер-лейтенант. — Не беспокойтесь, фрау, — добавил он.

— Я плохо вас понимаю, господин офицер. — Она посмотрела ему в глаза и на какую-то долю секунды ей почудилось, что глаза эти не такие холодные и злые, какими казались прежде.

— Еще немного, фрау, и вы все поймете, — сказал он.

5

Штурмбанфюрер Ганс Фибих пришел домой разгневанный и возбужденный. Он нервно сбросил на руки дежурному шинель и фуражку и, опустившись в кресло, приказал:

— Вина!

— Слушаюсь, — и дежурный достал из шкафчика бутылку бургундского и фужер. — Осмелюсь спросить, герр штурмбанфюрер, чем вы так расстроены сегодня?

— Слишком мягко сказано, дорогой, «расстроен!». Не расстроен, Франц, а убит. Какой удар, Франц! Целый эшелон наших доблестных воинов из карательных частей, уезжавших в рейх на отдых, угодил в реку. Кошмар, Франц, — целый эшелон!..

— Неужели снова партизаны? — выпучил глаза дежурный.

— Ты осел, Франц! — вскочил Фибих. — Ну, а кто же? Это новогодний подарок «Неуловимых». — Он саркастически ухмыльнулся и захохотал, — Новогодний подарок, — повторил он, — Налей мне еще вина, Франц!..

Поздно ночью в детском доме зазвонил телефон. Дед Михась, дежуривший в конторке, снял трубку:

— Вас слушают.

В ответ он услышал суровый голос, который на ломаном русском языке требовал срочно разбудить учителя господина Селюка и пригласить его к телефону.

— Говорит гестапо Ветрино, шнель давай — давай Селюк телефон.

Перепуганный учитель едва натянул брюки и набросил на плечи пиджак. За все время пребывания в детском доме его впервые ночью потребовали к телефону гестаповцы. Обычно он сам навещал своих хозяев в положенные дни и часы и передавал им интересующие их сведения, а сегодня...

Впрочем, ничего удивительного. Они, видимо, обеспокоены его долгим молчанием. Прошло уже три недели со дня беседы со мной, он честно соблюдал обещанный «нейтралитет», передал им несколько сообщений о своей болезни и теперь его, видимо, хотя бы проверить и призвать к ответу. С невеселыми мыслями, как на эшафот, шел историк к телефону.

— Алло, — дрожащим голосом едва проговорил он, приложив к уху

трубку. — Учитель Зальцбург, виноват, Селюк слушает вас... Что?.. Да-да, Селюк.., Завтра утром в девять ноль- ноль быть у вас? Но как я доберусь?.. У меня ведь ни лошади, ни машины... Что?.. Как угодно?.. Как это как угодно?..

На другом конце провода повесили трубку, раздалась глухие частые гудки — и все. А в ушах продолжал звучать назойливый, упрямый, чуть хрипловатый голос, передававший приказ начальника группы гестапо штурмбанфюрера Ганса Фиби- ха явиться к нему в Ветрино точно в указанное время.

Штурмбанфюрер встретил своего агента не очень любезно:

— Где ваши партизаны, я вас спрашиваю?

— Но, господин Фибих...

— Я уже тридцать четыре года господин Фибих, — продолжал штурмбанфюрер. — Для чего мы направили вас в детский дом?

— Ну для того, чтобы...

И он объяснил точно, что ему было поручено выследить «Неуловимых», выявить евреев, собрать подростков свыше двенадцати лет для отправки в Германию.

— А что вы успели за шесть месяцев и двенадцать дней? — неистовствовал Фибих, и стал перелистывать лежащую перед ним толстую тетрадь...— Зальцбург-Селюк... Селюк-Зальцбург, — нашептывал он про себя. — А-а, вот... — Он нашел нужную страницу.— Зальцбург-Селюк... так... что мы имеем от вашего пребывания в детском доме? Партизан — ноль-ноль... так... Три отрока неарийского происхождения — их отправили в лагерь, и двух четырнадцатилетних мальчишек, которые работают теперь на Рурских шахтах в рейхе. Небогатый улов, господин Селюк. — Он захлопнул тетрадь.— А где же главное? Где ваши «Неуловимые»? Они продолжают нас терроризировать — взрывают склады, мосты, поезда, грабят на больших дорогах наши обозы с провиантом, скрываются черт знает где, а где ваша помощь? Ведь совершенно ясно, что они не могут не бывать в детском доме, если ваши щенята до сих пор не подошли от голода.

Селюк-Зальцбург сидел ни жив ни мертв. Он знал, чем кончается недовольство гестаповцев своими агентами... Как правило, обвинят в измене, предательстве, л в два счета — в расход.

— В последние три недели от вас вообще не поступало, никаких донесений! — неистовствовал штурмбанфюрер, — Что это значит? Уж не чересчур ли вы увлеклись походами Наполеона и совершенно забыли о сегодняшнем дне?

— Никаких событий не было за это время, господин Фибих, — оправдывался учитель. — Партизаны там ни разу не появлялись. Я ни разу никого не видел. Да, какие-то продукты, видимо, поступали, но, по наведенным справкам, это дары местного населения.

Гестаповец расхохотался.

— И вы поверили этой легенде? — злобно ухмыльнулся он. —Наивный ребенок. Наши молодцы давным-давно отобрали у местных жителей все. Последний раз напоминаю: мне не нравится ваше поведение, господин Селюк. Очень советую подумать о своем будущем, — предупредил Фибих, взял сигарету, щелкнул зажигалкой и, поднявшись с кресла, дал понять, что

аудиенция закончена. — Можете идти.

Учитель встал и, поклонившись, дрожа от страха, попятился к двери.

— Да, чуть не забыл сообщить вам одну не очень веселую весть, — остановил его гестаповец, пуская колечками дым. — Присядьте на минутку.

Селюк-Зальцбург вскинул на Фибиха настороженный взгляд и, не спуская с него глаз, опустил на кончик стула.

— На днях эти «Неуловимые» устроили нам с вами очередную пакость, — сказал штурмбанфюрер, — взорвали мост через Дриссу и пустили в реку воинский эшелон.

— Какая мерзость! — возмутился учитель.

А гестаповец продолжал:

— Вы знаете, конечно, что мы решили познакомить вашу милую супругу и ваших очаровательных киндер со столицей великой Германии?

— Да, вы мне говорили об этом.

— И такое нелепое совпадение. Мы отправили вашу семью именно с этим эшелоном.

— Боже мой, какой ужас! — мгновенно побледнел учитель. — Что с ними? Говорите!

— Сами понимаете, — спокойно развел руками Фибих, — что разбитые вдребезги и рухнувшие в Дриссу вагоны оставляют мало надежды... Будьте мужественны, господин Селюк. Ведь вы же все-таки Зальцбург, мой дорогой друг, чистейших арийских кровей. Не вешайте нос. Думаю, что горе, которое вам причинили партизаны, придаст вам бодрости и сил, вдохновит вас на новые свершения во славу нашего великого фюрера! — патетически воскликнул штурмбанфюрер. — Хотя бы из чувства благородной мести вы должны постараться поскорее помочь нам найти пути к «Неуловимым». Желаю удачи, дорогой. Жду добрых вестей.

...С тяжелым сердцем возвратился учитель истории в детский дом. Все погибло: жена, дети, вся жизнь. «Он прав, тысячу раз прав этот штурмбанфюрер. Мстить!.. Благородная месть... Мстить безжалостно за то, что так предательски отняли все самое дорогое...»

— Что с вами, Сергей Петрович? — спросила Зоя Михайлова, увидев его вечером после визита в Ветрино. — Вы чем-то взволнованы? Расстроены? Огорчены?

— Ничего-ничего... так... устал очень... плохо себя чувствую... Ездил за учебниками — не достал ни одной книжки... Да, меня никто не спрашивал сегодня?

— Нет, а что?..

И вот я снова со своими неизменными провожатыми — автоматчиками Индыковым и Савельевым направляюсь в детский дом на второе свидание с учителем истории. Боевые группы отряда Комлева, как и в прошлый раз, заняли на всякий случай удобные позиции на всех, ведущих к Быковщине дорогах. Заходить в дом мне не хотелось, хотя, по сообщениям начальника разведки Тишкевича-младшего, в последнее время гитлеровцы там не бывали. Один из моих связных пригласил учителя в лес.

Кутаясь в драповое пальтишко, с заячьим треухом на голове, он пришел бледный, взволнованный и мрачный.

— Вы нездоровы? Простите, что побеспокоил не вовремя.

— Я совсем здоров, совсем, — иронически усмехнувшись, подчеркнул он. — А я думал, что вы больше не придете.

— Но мы же условились, — напомнил я.

— Да, конечно, но теперь, когда все погибло, я возненавидел вас! — истерически закричал он. — Вы обманули меня... Вы...

— Что случилось, господин Селюк? Спокойнее, прошу- вас, объясните мне, что произошло.

— Извините меня... пожалуйста, извините... — едва сдерживая вспыхнувший безрассудный гнев, сказал учитель. — Я понимаю, что вы тут ни при чем... Вы же не знали, не могли знать.

— Что вы? О чем?.. — Я действительно ничего не мог понять.

— Вам известно о крушении поезда на мосту через Дриссу? — спросил он, стараясь казаться спокойным.

— Что-то слышал. Ну и что?

— В этом же поезде погибла моя семья — жена, дети... Это же ужас, господин Прудников! — в отчаянии воскликнул он и закрыл лицо руками.

— Маленькая поправка, Сергей Петрович, могла погибнуть.

— То есть как? — И учитель с надеждой посмотрел мне в глаза. — Разве кто-нибудь уцелел в этой катастрофе?

— В катастрофе, как вы говорите, не знаю, но ваша жена и дети будут счастливы встретиться с вами, — заметил я.

— На том свете, вероятно, — глубоко вздохнул учитель.

— Ну почему же на том? На этом...

— Где? Когда я могу их увидеть?

— Когда угодно. Хоть завтра.

Селюк-Зальцбург был потрясен.

— Приехали, — сказал обер-лейтенант, когда шофер выключил газ и машина остановилась на небольшой полянке в березовой роще. Казалось, дальше нет никаких дорог и тропинок.

— Куда вы нас привезли? Что вы хотите с нами делать? — едва выговорила фрау Зальцбург, крепко прижимая к себе детей.

— Ничего плохого, будьте спокойны, — деловито ответил обер-лейтенант. — А ну-ка, ребята, — обратился он к унтерам, — помогите фрау и киндер вернуться из машины и возьмите вещи.

— Есть, товарищ начальник, — сказал один из унтеров и принялся высаживать из «опеля» пассажиров.

— Товарищ? — в недоумении воскликнула фрау Зальцбург, не веря своим ушам. — Обер-лейтенант — товарищ? Что значит весь этот маскарад? Кто вы? — растерянно допытывалась она.

— Скоро все поймете, — ответил, улыбаясь, обер-лейтенант. — Минуточку терпения.

По едва видимой лесной тропинке, утопая в снегу, обер-лейтенант и его

спутники благополучно провели взволнованную таким необычным путешествием женщину с ее детьми в наш лагерь, раскинувшийся в лесной чаще.

— Ну вот мы и дома, — сказал обер-лейтенант, проводив фрау Зальцбург с детьми ко мне в штабную землянку.

Наши боевые товарищи, безупречно владевшие немецким языком, блестяще сыграли свои роли и отлично справились со своей нелегкой задачей. Капитан Миллер смастерил нашему «обер-лейтенанту» и двум «унтерам» надежную «липу». Эта «липа» верно послужила нашим бойцам.

Детский дом больше не видел учителя истории Сергея Петровича Селюка, а у нас в бригаде появился еще один переводчик, в совершенстве владеющий немецким языком Вилли Зальцбург.

Шли дни, недели, месяцы...

«Неуловимые» всем сердцем, не жалея сил, а порою и жизни, свято выполняли указание Москвы: «Считать спасение детей своей боевой задачей». Неудачи на фронте — Сталинградская эпопея, поражение на Курской дуге — охладили несколько воинственный пыл фашистов, и они постепенно утратили интерес к стоявшему в стороне от больших дорог домику в лесу и все реже и реже навещали его.

Глава восьмая

1

Наступило лето сорок четвертого года. В один из жарких дней стоявшие в дозоре на дороге из Ветрино в Быковщину Сеня и Витя прибежали едва дыша, счастливые, возбужденные.

— Дядя Коля, тетя Оля, тетя Зоя! — кричали они. — Танки!..

Наши!.. На танках красные флажки!

Великий праздник шел тогда по всей изувеченной, растерзанной белорусской земле, освобожденной от оккупантов.

— Наши, наши!..— бесконечно повторяли мальчишки, первыми увидевшие приближавшиеся к детскому дому советские боевые машины.

— Тетя Оля, а можно нам теперь сбор... Настоящий... как всегда?

— Можно, можно, — вытирая слезы, сказала Оля. — Собирайте отряд.

Витя и Сеня побежали в лес, в тайник, и вскоре вернулись с пионерскими доспехами, пролежавшими почти три года в земле. Торжественно и гордо несли они горн, барабан, коробку с красными галстуками.

Через несколько минут во дворе детского дома бодро, призывно прозвучал пионерский горн и далеко вокруг рассыпалась барабанная дробь. Сеня и Витя виртуозно владели своими инструментами.

В открытых окнах замелькали бледные, измученные, но счастливые лица ребят. Послышались восторженные голоса:

— Вася, Стена, слышишь? Это Сенька, это Витька... Пошли скорее!..

Весть о том, что идут наши танки, мгновенно разнеслась по всем комнатам. С шумом и криком, смеясь и толкаясь, высыпала во двор детвора.

— В колонну по четыре в ряд стройсь! — скомандовала Оля. Строй получился, правда, не очень ровный: за три года ребята отвыкли от пионерских сборов.

— А где же галстуки? Витя, давай сюда. Пусть наденут...

Радостным восклицаниям не было конца.

Первый пионерский парад принимал Николай Станиславович. Он вышел на крыльцо в темно-синей сатиновой рубашке, подпоясанной шнурком с кисточками. Рядом с ним — Оля, Зоя и сторожиха бабушка Дуся. Она никак не успевала вытирать бегущие из глаз слезы.

— Дорогие юные пионеры и октябрята, — начал Тишкевич. — Сегодня самый счастливый день в нашей жизни. После долгой темной ночи взошло, наконец, солнце. Сейчас мы будем с вами встречать наших освободителей. В борьбе за дело партии Ленина будьте готовы! — провозгласил он.

И в ответ ему раздалось:

— Всегда готовы!

Под барабанную дробь дети прошли мимо крылечка, кто-то затащил «Взвейтесь кострами». Знакомая мелодия любимой песни звонким эхом откликнулась вдали.

— Из-за леса послышался гул моторов.

— Едут, едут!

Гул все ближе, громче. Вот из-за поворота вынырнула стальная громадина, за нею — вторая, третья... У ворот они резко затормозили. Из машин вылезли загорелые, обветренные солнцем и огнем сражений танкисты.

— Здорово, ребята! — замахал пилоткой приехавший па первой машине лейтенант.

И в ответ ему раздалось такое могучее «Ура!», что казалось, вся земля, весь лес, все кругом утонуло в восторженных приветствиях в честь долгожданных гостей.

Среди солдат был один тщедушный паренек с нахлобученной на лоб пилоткой и больших не по росту сапогах.

— Это наш сын полка — Женя, — представил его лейтенант, уловив, с каким любопытством осматривают дети маленького танкиста.

Да, это был тот самый Женя Горбатюк, наш юный разведчик, который привел своих товарищей в гитлеровский гарнизон, устроился на кухню и сослужил нам, партизанам, большую службу. Да, это наш боевой помощник Женя, который вместе с Орликом таскал из-под носа гитлеровцев винтовки, боеприпасы, а потом взорвал склад и после долгих мытарств перебрался через линию фронта и стал сыном полка в одной из танковых частей.

Женя долго смотрел на ребячьи лица, словно искал кого-то.

— Ты чего? — спросила стоявшая рядом с ним девочка.

— Тут у меня товарищ... Орликом зовут, очень мне надо его повидать.

— Нету Орлика, — грустно ответила девочка.
— Как нету?
— Увезли.... Фашисты проклятые... Схватили и увезли.
— Орлика... Фрицы...— в тяжелом раздумье Женя снял пилотку.
— Такой малый... Мы с ним такие дела делали! Я тебе как-нибудь потом расскажу. А как же они его, когда?

Орлик, Орлик... Всеобщий любимец... Неутомимый выдумщик и затейник... Весной сорок третьего случилась с ним непоправимая беда. В детский дом нагрянула команда эсэсовцев из Юровичей. Произошло это совершенно неожиданно... Впрочем, вот как это было.

Получив тревожный сигнал о приближении гитлеровцев, как обычно в таких случаях, взрослые, ребята постарше и все еврейские мальчики и девочки мгновенно разошлись по своим тайникам. Последними убежали и Орлик с Люсей, спрятав в чулан пятилетнюю БERTУ. Им удалось нырнуть в свое укрытие до того, как во двор въехали машины с оккупантами.

В суете Люся забыла свою любимую косынку. Шелковую, с яркими цветами на голубом фоне... Эту косынку ей подарил Орлик в день рождения за несколько дней до начала войны.

И вот едва они только успели спуститься в тайник и замаскировать вход еловыми ветками, Люся вспомнила, что в спешке забыла про косынку и оставила ее под набитой листьями подушкой на своем матрасе.

— Я побегу принесу, — сказал Орлик, и рванулся к выходу.

— Не ходи, не надо. — Люся схватила его за рукав и прикрыла собой выход из тайника.

Но Орлик отстранил Люсю, быстро разгреб ветки, выбежал на лесную тропинку и помчался к дому.

— Куда ты, Орлик? — закричала Люся ему вслед. — Вернись!.. Не надо...

Но он не слышал ее слов. Они утонули в реве мотоциклов, доносившемся сравнительно еще издалека.

Орлик вихрем взлетел на второй этаж в комнату, где жила Люся, нашел косынку, сунул ее в карман и спустился вниз. Но как только он очутился на улице и, не помня себя от волнения (первые мотоциклы уже въехали в ворота), метнулся на тропинку, ведущую в тайник, ему преградил дорогу гитлеровец.

— Айн-цвай-драй? — воскликнул он, схватив мальчика за плечи.

Орлик поднял глаза и замер. Перед ним стоял один из охранников взорванного вместе с Женей склада боеприпасов в Юровичах.

— Пустите, дяденька! — взмолился Орлик. — Я же, честное слово, хайль Гитлер.

— Хайль-хайль? — злорадствовал фашист. — Капут, мальчик, капут,— шипел он.— Юрович был? Помой таскай маленький швайн?

— Сроду не бывал, — решительно ответил Орлик.

— Помой не знай? Маленький швайн не знай? — не унимался фашист. — Склад фу-фу тож не знай? — Он продемонстрировал губами, каким образом склад взлетел на воздух.

— Пихт ферштейн, — твердо говорил Орлик. Никакого понятия ни о каких

Юровичах он не имеет.

Подошел рыжеусый толстяк с погонами фельдфебеля.

— Ты что с ним тары-бары развел? — прикрикнул он на солдата. — Это же тот самый щенок. Узнаю его по веснушкам на лбу. В день взрыва склада он все время вертелся там под ногами. В машину его! — приказал он.

Два дюжих эсэсовца схватили Орлика за руки и ноги и швырнули в грузовик, заполненный такими же подростками. Мальши, наблюдавшие эту сцену из окон своих комнат, стали кричать, плакать...

— Не трогайте Орлика!

— Отпустите Орлика!

В ответ раздался утробный издевательский смех. По окнам полоснула очередь из автомата. Посыпались стекла. Дети успели вовремя сползти с подоконников. Только восьмилетней Аленушке шальная пуля оторвала мочку уха.

Очередной визит команды эсэсовцев из Юровического гарнизона не принес гитлеровцам ни богатых трофеев, ни славы.

— Зафырчали моторы, отплеываясь густым смрадным дымом, и непрошенные визитеры убрались восвояси. Через выбитые стекла в ребячьи комнаты долго еще долетал бодрый, неунывающий звонкий голос Орлика:

— Не дрейфь, ребята!.. Я скоро вер-ну-усь!..

С отъездом гитлеровцев, по сигналу «отбой», стали выползать из своих укрытий и взрослые и подростки. Первой примчалась Люся.

— Где Орлик? Орлик где? — металась она в отчаянии по комнатам.

— Нету Орлика, — ответил попавшийся ей навстречу десятилетний Антоша.

— Как нету?

— Увезли Орлика. Сам видел, — глубоко вздохнул Антоша.

— Не может быть!.. Не может!.. — Люся бросилась в свою комнату, подбежала к лежавшему на полу матрасу, подняла подушку... Заветной косынки не было. — Значит, взял, — шептала она. — Я же говорила, кричала «не надо, не надо»...

Она упала на свою постель, зарылась в подушку, и лишь вздрагивающие плечи выдавали ее безутешное горе.

Так из-за нелепой случайности Орлик попал в лапы фашистов.

А какой это был находчивый, сообразительный мальчуган. Он не терялся даже в самые трудные минуты.

Однажды гитлеровцы стремительно и внезапно налетели на детский дом. Ребятчи патрули не успели даже сообщить о грозящей опасности.

На счастье, как раз в это время Тишкевич-младший — начальник разведки шефствующего над детским домом отряда Комлева — увел всех взрослых в лес. Он хотел посоветоваться, как лучше и надежнее хранить продукты, которые с такими тяжкими усилиями, в боях, ценою подчас немалых жертв, удастся отвоевывать для ребят партизанам. Совсем недавно проходивший мимо Быковщины взвод карателей напал на след одного тайника, разграбил его и вывез до последней картошки.

Несколько «балшой киндер» — Орлик, Петя, Витя и Сеня — по-рыцарски

выпроводили своих сверстниц-девочек в укрытия, а сами опоздали. Посмотрев в окно, они увидели, что фашистские машины подъезжают уже к воротам. Бежать некуда. Прорваться в лес, в тайники, невозможно. Наверняка заметят, задержат и отправят в Германию. По всей Белоруссии оккупанты охотились за подростками, устраивали облавы, хватали просто на улицах. Что же предпринять? Особенно раздумывать некогда. Оставались буквально минуты, да что минуты! — секунды на размышления.

Ну что делать, Орлик? — заметались мальчишки в растерянности. — Как же мы теперь? Заберут? Увезут? Ты смотри, смотри... Вот они, вот...

По лестнице поднимались, топая своими коваными сапогами гитлеровцы.

— Сейчас, ребята! — успокаивал Орлик, нахмутив брови. — Что-нибудь придумаем... Есть, ребята, нашел! — воскликнул он. — Пошли!

— Куда?

— В изолятор.

— А зачем? — недоуменно спросил Петька.

— Болеть. Пошли поживее!

Мальчишки спустились на первый этаж и направились в угловую комнату с табличкой на дверях: «Изолятор».

На полу, на куче сена, застланной холщовым рядном, прикрытые ветхими байковыми одеялами, лежали несколько тяжело больных детей.

— Раздевайся, ложись! — приказал Орлик.

Быстро сняв с себя нехитрую одежонку, мальчишки улеглись среди метавшихся в бреду малышей, закрыли глаза и словно в беспамятстве, в забытии, вместе со своими младшими товарищами тоже стали охать, бредить и вздыхать.

— А чем мы больны, Орлик? — робко толкнув его в бок, тихо спросил Витя.

— Чем? — Орлик на минуту задумался. — Тифом, — внезапно выпалил он.

Из коридора стал доноситься топот кованых сапог оккупантов, слышались их голоса:

— Балшой киндер. Где ест балшой киндер?

Затаив дыхание, мальчишки напряженно прислушивались к доносящимся из коридора звукам, словам, смеху.

— Балшой киндер выходиль. Где балшой киндер?

Открываясь и закрываясь, хлопают двери соседних комнат. И с каждым разом все более резко шипит злобный голос:

— Доннерветтер! Где балшой киндер?

Шаги все ближе. Еще минута-две, и в изолятор ворвутся фашисты. Увидят, заберут, и... прощай, родная Беларусь, родной дом в Быковщине. Что-то будет? Биться до последнего за свою жизнь. Как биться? Притвориться больными, немощными. А вдруг судьба улыбнется, и беда пройдет мимо. Бывают же на свете чудеса!..

— Кто есть балн ой? — рывкнул, открывая дверь изолятора скрипучий голос.

И в ответ стоны, стоны... Бесконечные стоны... Кто-то смеется, кто-то плачет, кого-то одолевают судороги.

— Чем ест балной? — допытывается гитлеровец.

И тут на фоне стонов, смеха и плача возникает спокойный голос Орлика.

— Тиф у нас, — деловито произносит он. — Данке шен, заходите, пожалуйста. Данке шен за внимание.

Услышав слово «тиф», фашисты резко захлопнули дверь изолятора и, воскликнув «цюрюк», спешно сели в свои машины и уехали.

Долго-долго вспоминали потом этот примечательный эпизод из жизни ребят, восторгаясь выдумкой Орлика и его товарищей.

Легендой разнеслась по всей округе весть о том, как мальчишки-детдомовцы ловко обманули фашистов и спасли себя от неотвратимой беды.

— Вот это здорово! Какой парень! — восторженно воскликнул Женя, узнав о том, как однажды его друг и соратник по немецкой кухне в Юровичах сыграл с гитлеровцами такую забавную штуку. — А теперь, — он тяжело вздохнул, — из-за такой глупости... из-за косынки... Ах, Орлик, Орлик...

А вокруг танкисты смеются, шутят с детдомовцами, расспрашивают их о жизни при оккупантах, угощают ребят галетами, сахаром. И кажется детям, что никогда еще не было такого счастья, столько света и солнца.

Ежегодно, когда мы, ветераны «Неуловимых», собираемся в Белоруссии на празднование освобождения республики от фашистов, я навещаю обычно детский дом в Быковщине.

Там теперь школа-интернат имени В. И. Ленина. Мои стародавние юные друзья давным-давно уже повзрослели, стали рабочими, лаборантами, учителями, врачами, учеными, инженерами.

Лишь один детдомовец остался в Быковщине — это Михаил Беленький. Тот самый «не ариец» Миша, которого тридцать пять лет назад постоянно прятали, как и многих других, в тайнике, чтобы его не обнаружили фашисты.

Теперь он музыкальный руководитель школы-интерната. Часто я встречаюсь там и с Зоей Михайловой — бывшей студенткой-медичкой, перенесшей вместе с ребятами все ужасы фашистской оккупации. Зоя окончила институт и теперь работает в одной из поликлиник недалеко от Быковщины.

Со многими бывшими воспитанниками детдома переписываюсь. Получаю от них очень трогательные письма.

Вот, например, что пишет в одном из своих писем Александр Лутов — тот маленький Саша с опухшим от голода лицом, который во время моего первого посещения детдома летом сорок второго года, протянул ко мне руки и еле слышно пролепетал: «Я совсем не могу ходить...»

«Дорогой Михаил Сидорович, — пишет он. — ...Уж сколько лет прошло, седина начинает пробиваться на висках, а я до сих пор храню светлую память о наших спасителях, легендарных «Неуловимых». Никогда не забуду, что сделали ваши славные партизаны для спасения детдомовцев...»

Когда я пытаюсь осмыслить всю свою партизанскую жизнь, все боевые дела, совершенные бойцами бригады «Неуловимых» в тылу врага, то откровенно скажу, что самое дорогое воспоминание тех тревожных и неизгладимых из памяти лет, — это не сотни пущенных под откос поездов, не тысячи уничтоженных гитлеровцев, а те ребяташки, которым наши партизаны

вернули жизнь, солнце, улыбку...

К читателям

*Отзывы об этой книге издательство
просит присылать по адресу: 125047, Москва, А-47,
ул. Горького, 43.
Дом издательской книги.*

Для среднего и старшего возраста

Михаил Сидорович Прудников

Домик в лесу

Записки партизанского командира

ИБ № 2305

Ответственный редактор

З. С. Карманова

Художественный редактор

А. В. Пасина

Технический редактор

Т. Д. Юрханова

Корректоры

Н. Е. Кошелева

и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 5/VII 1977 г. Подписано к печати 12/I 1978 г. Формат 60*84. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 11. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 9,32+8 вкл. = 9,93. Тираж 75 000 экз, А09810. Заказ № 678. Цена 55 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглазполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Цена 55 коп.

